

ТВОЙ ужастик

Валерий Роньшин
СинеВласка,
или Бензоколонка
у старого кладбища

Валерий Роньшин

СИНЕВЛАСКА,
или
БЕНЗОКОЛОНКА
У СТАРОГО
КЛАДБИЩА

Москва
Астрель • АСТ
2001

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р71

ISBN 5-17-006604-X
(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-00264-0
(ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001

КОШМАРИКИ

Кукла-убийца

7

Данилушка

12

Дядя Леша — человек без головы

16

Черная Дыра по имени Танечка

21

Красный телефон

26

Палач Толик

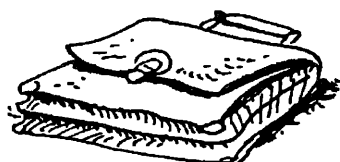
31

Новая мама

37

Детский сад № 13

41

Злушка	49
Желтый платок	55
Даша и людоед	62
Сантиметровочка	67
Черное молоко	71
Как знаменитый путешественник сэр Джеффри побывал на Том Свете	76
Как я стал мухой	82

Кукла-убийца

Жила на свете маленькая девочка по имени Алина. И у нее была кукла по имени Катя. А также папа по фамилии Тряпкин, который работал в милиции следователем. Кукла Катя умела тонким голоском говорить: «Ма-ма мы-ла ра-му». Но все равно она не нравилась Алине, потому что лицо у Кати было злое.

Поиграла-поиграла Алина с Катей немножко, да и забросила ее под диван.

Прошло несколько недель. И вот однажды ночью спит Алина и вдруг сквозь сон слышит, как кто-то тихонечко подкрался к ее кроватке и говорит тоненьким голосом:

— А-ли-на, я те-бя у-бью.

Проснулась Алина утром. «Надо же, — думает, — какой странный сон мне приснился». И на всякий случай под диван заглянула: там ли ее Катя?

А куклы нет.

Исчезла неизвестно куда. Алина позавтракала и побежала в школу. Прибежала, села на свое место. Тут и звонок прозвенел.

Дверь открылась, и в класс вошел директор школы Михал Тарасыч, а с ним молодая женщина.

— Здравствуйте, дети, — говорит директор.

— Здра-а-сте, — отвечают дети.

— Познакомьтесь, это наш новый преподаватель литературы, Екатерина Васильевна.

Смотрит Алина на новую учительницу — и глазам не верит. Ну вылитая кукла Катя. Только большая.

«Ох, — думает Алина, — не кончится это добром...»

И словно в воду глядела.

На другой день по расписанию первым должен был быть урок истории.

А тут снова Михал Тарасыч заходит.

— Здравствуйте, дети, — говорит.

— Здра-а-сте, — отвечают дети.

— Так что истории у вас, дети, сегодня не будет, — говорит директор. — Лию Дмитриевну, историчку нашу, кто-то убил.

— Ура-а! — закричали дети, решив, что Михал Тарасыч шутит.

— Я не шучу, — говорит директор. — Кто не верит, может сходить в учительскую и поглядеть на труп.

Все дети сразу же испуганно затихли.

А рядом с директором опять стоит Екатерина Васильевна и криво так ухмыляется.

«Точно, она убила! — думает Алина. — Вот гадина!»

На следующий день по расписанию первым должен был быть урок математики. А тут снова Михал Тарасыч заходит. А с ним, естественно, кукла Катя, вернее — Екатерина Васильевна.

— Здравствуйте, дети, — говорит директор школы.

— Здра-а-сте, — отвечают дети.

— Так что, ребятки, математики у вас сегодня не будет, — говорит Михал Тарасыч. — Кто-то убил математичку, Сару Моисеевну.

— Ура-а! — радостно закричали дети, опять решив, что Михал Тарасыч шутит.

— Я не шучу, — говорит директор, — кто не верит, милости прошу в учительскую полюбоваться на труп.

Дети вновь испуганно притихли. А Екатерина Васильевна стоит рядом с директором и усмехается.

«Ну Катька дает, — думает Алина. — Ничего не боится. Так она всех учителей поубивает».

И действительно, буквально за неделю кукла Катя убила всех учителей, завуча, трех уборщиц, двух гардеробщиц и одну библиотекаршу.

В конце концов этим делом заинтересовались органы милиции. И Алинин папа по фамилии Тряпкин пришел в школу для расследования загадочных убийств.

— Здравствуйте, детки, — сказал он, входя в класс.

— Здра-а-сте, — отвечают дети.

— Детки, — говорит Тряпкин, — вы, наверное, обратили внимание, что у вас в школе каждый день кого-нибудь убивают.

— Обратили, — отвечают дети, — вот только сегодня почему-то никого не убили.

— Ошибаетесь, — говорит следователь Тряпкин, — сегодня убили вашего директора. Михал Тарасыча.

— Ура-а! — закричали дети, решив, что это шутка.

— Это не шутка, — говорит следователь Тряпкин. — Поэтому постарайтесь вспомнить, не замечали ли вы в последнее время чего-нибудь подозрительного. А я завтра еще к вам зайду.

Но назавтра следователь Тряпкин не пришел. А пришла все та же Екатерина Васильевна.

— К сожалению, — сказала она с усмешкой, — следователь Тряпкин сегодня не придет. Его убили.

На этот раз дети не стали кричать «Ура-а!». Сколько ж можно, в самом деле?

Сидят тихенькие, от страха трясутся.

А Екатерина Васильевна как ни в чем не бывало говорит:

— Начнем наш урок. Кто прочтет наизусть стихотворение Александра Пушкина «Бородино»?

— Я прочту! — решительно встала Алина со своего места.

— Ну давай, девочка, — сказала кукла Катя и слегка побледнела.

— Только вы, Екатерина Васильевна, сначала объясните, почему у вас руки в крови.

— Ой! — ойкнула учительница, быстро убрав руки за спину. — А они и не в крови вовсе. Просто я вчера дома пол красила, вот краской и испачкалась.

— А мы сейчас это проверим! — воскликнула Алина и, чиркнув спичкой о коробок, кинула ее в куклу Катю...

Екатерина Васильевна вспыхнула как порох. Она же из огнеопасного материала была сделана.

В ту же секунду дверь распахнулась, и в класс вбежали живехонькие учителя, завуч, три уборщицы, две гардеробщицы, одна библиотекарьша, директор школы Михал Тарасыч и Алинин папа по фамилии Тряпкин.

Михал Тарасыч держал в руке новенький аттестат зрелости.

— Вот, Алина, — торжественно сказал он, протягивая девочке аттестат. — Считай, что школу ты закончила. С отличием!

— Как же так? — удивилась Алина. — Я же только в третьем классе. Мне ж еще целых восемь лет учиться.

— Не надо тебе учиться, — отвечает директор. — Ты и так все знаешь.

А следовательно Тряпкин добавил:

— Раз ты, дочурка, окончила школу, да

еще с отличием, то иди к нам в милицию работать. Опасных преступников ловить.

И пошла Алина работать в милицию. Вскоре за хорошую работу ей присвоили звание: полковник. И теперь, когда Алина по утрам заходит на кухню и говорит: «Здравствуй, папочка», — следователь Тряпкин вскакивает со стула — ноги вместе, руки по швам — и четко отвечает:

— Здравия желаю, товарищ полковник!

Данилушка

Жил на свете маленький мальчик. Звали его Данилушка. И была у него очень строгая мама. О чем ее Данилушка ни попросит, она всегда говорит: «Нельзя». И то нельзя Данилушке, и се нельзя Данилушке. Короче говоря, ничего ему нельзя.

Но пуще всего запрещала ему мать ходить в правую сторону от дома. В густой таинственный лес.

И вот однажды Данилушка подумал: «И чего это мама мне все запрещает? Вот возьму, да и схожу в лес».

Взял, да и пошел...

Идет он по лесу, идет и вдруг видит: впереди, за деревьями, озеро блестит на солнце. Подошел Данилушка поближе. Вода в озере чистая-чистая, как слеза. Каждый камешек на дне виден.

Сел Данилушка на прибрежный песок. Отдыхает.

И чудится ему, словно бы зовет его кто-то:

— Дани-и-илушка-а-а... Дани-и-лушка-а-а...

Вскочил Данилушка на ноги, всмотрелся в воду и увидел красивую-прекрасивую женщину, лежащую на дне.

— Кто вы? — испуганно шепчет Данилушка. — И откуда знаете мое имя?

— Как же мне не знать, Данилушка, — отвечает утопленница печальным голосом, — если я мать твоя родная.

— Врете вы все, — топнул Данилушка ножкой. — Никакая вы мне не мать. Моя мама сейчас дома сидит.

Вздохнула женщина тяжело. Пошли по воде волны. И слышит Данилушка такие слова:

— Не мать она тебе вовсе. А злая ведьма. Погубила она меня обманным путем. А у тебя, мой родной сыночек, каждый вечер кровь из шейки сосет.

— Как это — кровь сосет? — спросил Данилушка, холодея.

— Не могу я больше говорить, — замогильным голосом отвечает женщина. — Тяжко мне... тяжело...

Повернулся Данилушка и со всех ног бросился бежать. Прибежал домой, юркнул под одеяло, накрылся с головой, зажмурил глаза, а в ушах звучит голос утопленницы:

— Тяжко мне... тяжело...

Тут дверь отворилась, и в комнату вошла мать.

— Данилушка, ты уже спишь? — спросила она. — Давай я тебя перед сном в шейку поцелую.

— Не надо, мамочка, — отвечает Данилушка, а сам весь дрожит от страха.

— Но я ведь тебя каждый вечер в шейку целую, — не отстает от него мать. — Почему же ты сегодня не хочешь?

И мать сорвала с Данилушки одеяло. Данилушка почувствовал, как у него бешено заколотилось сердце.

— А потому не хочу, — выкрикнул он, — что никакая ты мне не мать! А ведьма проклятая! И не целуешь меня, а кровь сосеешь!..

Не успел Данилушка произнести эти слова, как с ужасом увидел, что волосы у матери превратились в извивающихся змей, нос вытянулся и заострился, а ногти на пальцах стали черными.

— Ах ты, щенок! — закричала ведьма страшным голосом и бросилась на Данилушку.

Но Данилушка, ловко увернувшись, выскочил из комнаты и закрыл за собой дверь на задвижку. Потом подбежал к телефону и набрал номер милиции — «02».

— Сержант Травкин слушает! — раздался в трубке решительный голос.

— Злая колдунья хочет высосать из меня всю кровь! — что есть силы закричал Данилушка.

— Ясно, — сразу разобрался в ситуации сержант Травкин. — Выезжаем.

И не успел Данилушка положить трубку, как на улице послышался сигнал милицейской сирены: вау-вау-вау... А в следующую секунду перед Данилушкой появился мужественный сержант Травкин, а с ним наряд милиции.

И как раз вовремя...

Потому что ведьма вышибла дверь и бросилась на Данилушку. Но сержант Травкин успел подставить ей ножку. Ведьма грохнулась на пол. А пока она падала, Травкин ей наручники надел.

Данилушка хотел было рассказать сержанту, что произошло. Но Травкин и так все понял.

— Статья двенадцатая! Пункт «д», — сказал он. — Вампиризм. Карается сроком до шести лет со строгой изоляцией в самых отдаленных местах Сибири.

— Чего, чего? — с кривой усмешкой спросила ведьма.

— А того самого, — отрубил сержант. — Вы кровь у мальчонки пили? Пили. Теперь с вас кровушку попьют. Увести преступницу.

Ведьму посадили в милицейский фургон и увезли в тюрьму. А Данилушка и сержант Травкин отправились на берег лесного озера.

Здесь Травкин, не снимая кителя, нырнул в воду и вытащил мать Данилушки.

— Благодарю вас, сержант! — сказала она. — Вы поступили как настоящий мужчина.

— Да какой я настоящий мужчина, — смутился Травкин. — Я простой милиционер.

— Нет, вы не простой милиционер, — возразила мать Данилушки. — Вы самый лучший милиционер в мире!

— Ну уж вы загнули, — говорит Травкин, а сам стоит довольный-предовольный.

— Вы спасли меня и моего сына, — продолжает мать Данилушки. — Ваши смелые поступки заслуживают вознаграждения. Поэтому просите все, что хотите.

Сержант Травкин покраснел, как помидор.

— Выходите за меня замуж, — сказал он застенчиво.

— Я согласна, — просто ответила мать Данилушки.

— Значит, теперь у меня будет папка-милиционер! — радостно закричал Данилушка. — Классно!..

И с тех пор стали они жить втроем. Данилушка, его мама и сержант Травкин.

Дядя Леша — человек без головы

Жили-были брат с сестричкой. Брата звали — Филя, а сестричку — Мышка. Однаж-

ды вечером легли они спать. Мышка сразу уснула, а Филе что-то не спится.

В комнате темным-темно. На улице за окнами дождь хлещет. Страшно Филе. А тут еще зеркало, стоящее у стены, вдруг замёрцало синим светом, и из него высунулась мохнатая рука с шестью пальцами.

Схватила эта рука спящую Мышку и утащила в зеркало.

И опять стало все как прежде.

Филя глазам своим не поверил. Не сон ли это?.. Смотрит: не сон. Кровать Мышки разобрана, а самой Мышки нет и в помине.

Включил он свет. Подбежал к зеркалу. Зеркало как зеркало. Отражает комнату и все, что в ней находится, включая и самого Филю.

А Мышки нет!

Наступило утро. Вышел Филя на кухню. Мама завтрак готовит. Папа газету вслух читает:

— «Странные вещи творятся в нашем городе. По ночам из своих кроваток неизвестно куда пропадают маленькие дети...»

Мама говорит:

— Кстати, а где Мышка?

У Фили сердце заколотилось. Сильно-сильно.

— Гулять пошла, — чуть слышно отвечает.

Поговорили они о том о сем, позавтракали, и мама с папой уехали в археологическую экспедицию. На два года. Потому что они были археологи. А папа к тому же еще был

коллекционером. Он собирал рыцарские мечи, турецкие сабли, мушкетерские шпаги... Найдет; к примеру, при раскопках два рыцарских меча, один в музей отдаст, а другой несет к себе домой и на стену вешает.

...И вот снова наступила ночь.

Филя снял со стены турецкую саблю и стал ждать.

Ровно в полночь гладкая поверхность зеркала зашевелилась. И опять показалась лохматая рука с шестью пальцами. На этот раз она тянулась к Филиной кровати.

Филя взмахнул острой саблей и — вжик! — отсек руку!

По ту сторону зеркала раздался душераздирающий вой. А на полу осталась лежать окровавленная рука.

На следующее утро смотрит Филя: а у соседа по лестничной площадке, дяди Леша, одной руки не хватает.

— Дядя Леша, — спрашивает он, — а где ваша левая рука?

Сосед сразу засмутился, глазки у него забегали.

— Я ее в медицинский институт сдал, — отвечает. — Зачем мне левая рука? Ведь я все правой делаю.

Сказав это, дядя Леша повернулся и быстро ушел.

Ночью Филя вновь притаился у зеркала. Только пробило двенадцать, как из зеркала полезла мохнатая рука.

Филя по ней — вжик! вжик! — острой саблей. Рука и отвалилась.

И опять раздался ужасный вой.

На другой день встречается Филя в коридоре дядю Лешу. А у того уже и правой руки нет.

— Дядя Леша, — интересуется Филя, — а где ваша правая рука?

Сосед еще больше засмутился.

— Да вот, ехал вчера в автобусе, а народу много. В толкучке и оторвали вместе с рукавом.

Ничего не сказал на это Филя.

Снова наступила темная ночь.

На сей раз лезет из зеркала отвратительная морда. Крыса не крыса, свинья не свинья, а прямо-таки чудовище противное с острыми клыками.

Филя и тут не сплоховал, отсек чудовищу голову с первого раза...

А наутро встречается в коридоре все того же дядю Лешу, но только — без головы!

Филя сразу и понял: дядя Леша и есть то самое чудовище, что детишек через зеркала ворует.

— Значит, так, — твердо сказал Филя, — или вы сейчас же возвращаете Мышку и остальных ребят, или вами займется милиция.

Дядя Леша, конечно, испугался милиции и вернул всех украденных детей, включая и Мышку.

— Эх, дядя Леша, дядя Леша, — укориз-

ненно произнесла Мышка, — я-то вас считала хорошим человеком. А вы, оказывается, — чудовище противное.

Дядя Леша в ответ лишь виновато вздохнул, потому что ни сказать что-либо, ни развести руками он не мог.

Филя и Мышка были добрыми детьми; они отвели дядю Лешу в медицинский институт. Там ему пришили новые руки. Хотели пришить и новую голову, но дядя Леша отказался, потому что решил пойти работать в цирк. «человеком без головы».

Черная Дыра по имени Танечка

Жила-была девочка Танечка по прозвищу Черная Дыра. Почему у нее было такое прозвище?.. А вот почему: стоило Танечке с кем-нибудь поговорить — и этот человек тотчас бесследно исчезал.словно в Черную Дыру проваливался.

А так как Танечка была девочка общительная, то и народу пропадало помногу.

К примеру, сидит Танечка на уроке рисования. А в класс заходит учитель Тихон Петрович. Очень симпатичный и в очках.

И обращается к Танечке:

— Синичкина, иди к доске и нарисуй зайчика.

А Танечка молчит, как воды в рот набра-

ла. Не хочется ей, чтобы преподаватель в Черную Дыру провалился.

— Синичкина, — уже строго говорит Тихон Петрович. — Я, кажется, с тобой разговариваю. Иди к доске и нарисуй зайчика.

Вздохнула Танечка горестно.

— Хорошо, — отвечает, — сейчас я вам нарисую зайчика.

И в то же мгновение Тихона Петровича как не бывало.

Провалился в Черную Дыру!

В конце концов этим таинственным явлением заинтересовалась Академия наук и создала специальную комиссию во главе с профессором Алексеем Алексеевичем Куропаткиным.

Поместила комиссия нашу Танечку в особую комнату со стеклянной стеной. Сидит Танечка в этой комнате, шоколадные конфетки ест.

А по другую сторону стеклянной стены расположилась научная комиссия во главе с профессором Куропаткиным. Наблюдает.

Вот дверь отворилась, и к Танечке вошел испытатель по фамилии Степанов. К его ноге был привязан толстый канат на десять километров — для того, чтобы было за что Степанова из Черной Дыры вытаскивать.

— Здравствуй, Танечка, — говорит Степанов.

— Здравствуйте, дяденька, — отвечает девочка и кладет в рот конфетку.

Не успела она эту конфетку даже надкусить, как испытатель Степанов — фьють — и исчез!.. А вместе с ним исчез и канат на десять километров. Так что вытаскивать испытателя из Черной Дыры стало не за что.

Тогда входит к Танечке дублер испытателя Степанова, испытатель Сидоров. Он без каната, но зато с радиопередатчиком.

— З-з-д-д-равствуй, д-д-евочка, — дрожащим голосом говорит Сидоров.

— Здравствуйте, здрасте, — отвечает Танечка.

Испытатель Сидоров — фьють — и исчез!.. И тут же заработал радиопередатчик:

— Говорит испытатель Сидоров! Говорит испытатель Сидоров!.. Нахожусь в Черной Дыре. Лечу куда-то вниз!

— Что там впереди? — интересуется профессор Куропаткин.

— Ни-че-го! — докладывает испытатель Сидоров.

— А позади?

— Ни-че-го!..

Прошло десять часов. Сидоров летит. Наступила ночь. Сидоров летит. А научная комиссия спать легла. Один только профессор Куропаткин бодрствует да еще его секретарша Леночка.

Голос Сидорова с каждым часом становится все тише... тише... тише... Наконец и вовсе пропал.

— Да-а, — вздыхает профессор. — Придется мне самому к Танечке идти.

— Ой, что вы, Алексей Алексеич, — всполошилась секретарша Леночка. — Ой, не надо, Алексей Алексеич!

— Надо, Леночка, надо, — отвечает Куропаткин. — Наука требует жертв!

И, решительно толкнув дверь, профессор переступил роковую черту.

— Танюша, солнышко, — просит, — скажи мне что-нибудь.

Девочка испуганно головой мотает.

— Так надо, милая, — объясняет ей ученый. — Для науки.

А Танечка ни в какую. Молчит, словно немая.

Тогда Куропаткин пошел на хитрость. Он широко улыбнулся и говорит:

— Хочешь, Таня, я подарю тебе пушистого котенка?

— Хочу! — обрадовалась девочка.

И Алексей Алексеевич Куропаткин — фьють — исчез!

И сразу же оказался в крошечной тьме летящим куда-то вниз!

Летит-летит, летит-летит, летит-летит... Он уже и заснуть успел, и проснуться... Все летит...

«Наверное, так и буду вечно лететь», — думает профессор... Но не успел он это подумать, как впереди свет показался. И все больше света, все больше!..

У-у-у-ух... упал Куропаткин... в детскую песочницу!

Смотрит — а он в коротких штанишках. А на вид ему годика три, не больше.

Рядом с ним сидят другие дети. Мальчики. У одного на ноге веревочка бантиком завязана, другой вертит в руках игрушечный приемник.

«Ага, — догадался профессор, — это испытатели Степанов и Сидоров. Только маленькие».

— Уходи, — говорят они ему, — из нашей песочницы.

И кулаками в грудь пихают. Да больно так.

— Но, но, — отвечает им Куропаткин. — Козявки.

— Сам ты козявка! — закричали в ответ Сидоров со Степановым.

Неизвестно, чем бы все дело кончилось, если б Куропаткина не позвала мама.

— Алешенька! — закричала она, высунувшись из окна. — Иди домой! Пора ужинать и спать!

Ну, Куропаткин и побежал домой. Прибегает, смотрит: мама — молодая, красивая, и папа — молодой, красивый. Сидят за столом, ужинают.

Сел и Куропаткин.

И тут выяснилось, что есть ему самому не надо. Мама взяла ложечку и начала кормить профессора вкусной кашкой с малиновым вареньем. Куропаткин знает только рот разевает. И пить ему тоже самому не надо. Опять же мама с ложечки компотиком апельсиновым напоила.

Потом папа взял его на руки и понес в ванную.

Помыли родители Куропаткина в тепленькой водичке, мохнатым полотенчиком вытерли и уложили в мягкую кровать.

Мама тихонечко стала напевать.

«Во здорово! — думает профессор в полудреме. — Ни тебе семинаров, ни научных конференций, ни заседаний ученого совета, ни симпозиумов, ни коллоквиумов... Только ешь, спи да развлекайся».

И, повернувшись на бочок, профессор Куропаткин сладко уснул.

Красный телефон

Одному мальчику по имени Вова родители подарили на день рождения игрушечный телефон. Вове очень понравился подарок. Он целый день с ним играл, а вечером лег спать.

Спит он в своей кровати. И вдруг — звонок... Тоненький такой: дзинь-дзинь-дзинь...

Вова проснулся. В комнате темно. И игрушечный телефон звонит. Подошел Вова к телефону, снял трубку.

— Алло, — говорит.

— Мальчик Вова? — спрашивает трубка зловещим голосом.

— Да, это я, — подтвердил Вова.

— Завтра твой папа умрет! — бодро сообщила трубка, и тут же пошли короткие гудки: ту-ту-ту-ту...

На другой день папа ни с того ни с сего взял и умер.

Поплакали, погоревали, схоронили папу. Стали жить дальше... И вот в одну из ночей игрушечный телефон снова звонит. И все тот же зловеющий голос сообщает мальчику Вове:

— Завтра, Вовочка, твоя мама умрет. Так что будь готов.

И точно, на другой день мама — р-раз! — и умерла. Схоронили и ее. Остался Вова один в двухкомнатной квартире. Лег спать. Но что-то ему не спится. Ждет очередного звонка.

А тут и звонок.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Мама умерла?

— Умерла.

— Папа умер?

— Умер.

— Та-ак. Хорошо. Ну а сегодня ночью умерут бабушка с дедушкой и тетя Тамара.

Наутро вновь звонок, но уже в дверь. Почтальон на пороге стоит.

— Вам телеграмма.

Взял Вова телеграмму. А в ней написано: «Сегодня ночью умерли бабушка, дедушка и тетя Тамара. С приветом, дядя Гриша».

На следующую ночь Вова сел у телефона и, лишь только тот зазвонил, схватил трубку.

— Ну, кто сегодня умрет?! — не дожидаясь зловеющего голоса, крикнул он.

— Ты умрешь! — крикнул в ответ злое-
щий голос.

Вова ка-а-к шмякнет телефон об пол. Аппарат и разлетелся на мелкие кусочки. А внутри сидит дядя Гриша собственной персоной. Только маленького роста.

— Дядя Гриша?! — вытаращил глаза Вова. — Так это вы все время звонили?

— Я, — спокойно отвечает дядя Гриша.

— И это вы говорили, что мама с папой, бабушка с дедушкой и ваша жена, тетя Тамара, умрут?

— Совершенно верно.

— А зачем? — не может понять Вова.

— А затем, — разъяснил дядя Гриша, — что мне своих аквариумных рыбок кормить нечем. Корм кончился, а в магазине не продают.

— Так вы хотите их моими родителями кормить, — догадался Вова. — А также бабушкой с дедушкой.

— Ну да, — кивает дядя Гриша. — И еще тетей Тамарой.

— Но они же все умерли.

— Ничего они не умерли, — отвечает дядя Гриша. — Я их просто уменьшил. Они у меня в спичечном коробке сидят.

И показывает спичечный коробок.

Смотрит Вова — и правда, бегают в спичечном коробке малюсенькие мама с папой, бабушка с дедушкой и тетя Тамара. Бегают и пищат тонюсенькими голосками.

— Дядя Гриша, — предлагает Вова, — я вам принесу рыбного корма. У нас в школе, в кружке юннатов, его полным-полно. Сделайте снова всех большими.

Подумал-подумал дядя Гриша.

— Ладно уж, — говорит. — Сейчас сделаю.

И в тот же миг мама, папа, бабушка, дедушка и тетя Тамара стали большими. Они с криком набросились на дядю Гришу. Громче всех кричала, конечно, тетя Тамара.

— Это что ж такое?! — прямо орала она. — Родную жену хотел рыбам скормить!

— Ну вы прямо странные какие-то, — удивляется дядя Гриша. — По-вашему выходит, пускай рыбки от голода погибают, да? Сами-то, небось, по три раза в день едите.

Все сразу встали в тупик от такой постановки вопроса.

— Вообще-то верно, — почесал затылок папа. — Мы вроде как того... получаемся... эгоисты.

— А я про что говорю?! — восклицает дядя Гриша.

Все очень сильно расстроились; стоят, чуть не плачут. А дедушка — так тот прямо требует решительно:

— Уменьшай, Гриня, меня снова! Пуцай рыбины лопают!

— Да есть же корм! — напоминает Вова.

— Ой, да много ли проку от этого корма? — отмахивается толстая тетя Тамара. — Вот меня съедят так съедят!.. Хватит и на завтрак, и на обед, и на ужин...

— Пойдите! — вдруг спохватилась мама и посмотрела на дядю Гришу. — Григорий Еврафич, у вас же нет никаких рыбок!

— А я хочу купить, — отвечает дядя Гриша. — Давно мечтал, да все денег не было.

— Так их и в магазине нет, — вспомнила бабушка.

— Да и магазина нет, — вспомнил дедушка.

— А мы-то хоть есть? — спрашивает тетя Тамара.

— Нет, — пожимают все плечами. — Нас нет.

— Как это нет? — растерялся Вова. — Мама!

— Я не мама, — отвечает мама.

— А кто же ты?

— Никто.

— Папа! — в страхе закричал Вова.

— Я не папа, — отвечает папа.

— А кто же ты?

— Никто.

— Бабушка! Дедушка! — кинулся Вова к бабушке с дедушкой.

— Мы не бабушка и не дедушка, — отвечают те.

— А кто же вы?

— Никто.

— Да говорят же тебе: нас нет, — объясняет Вове тетя Тамара.

— А что же есть? — растерянно моргает Вова.

— А ничего нет, — хмыкает дядя Гриша. — Ни-че-го.

И действительно — кругом ничего нет. Даже мальчика Вовы уже нет.

Вот такая история. Куда все подевалось?.. Непонятно.

Палач Толик

Жил-был один мальчик. Толиком его звали. И вот как-то на уроке русского языка зашел разговор о том, кто кем хочет стать, когда вырастет. Один хотел стать миллионером, другой милиционером, третий еще кем-то. А Толик возьми, да и брякни для смеха:

— А я хочу стать палачом!

— Кем?! Кем?! — не поверила своим ушам учительница Надежда Сергеевна.

— Палачом, — повторил Толик. — Хочу головы с плеч рубить.

Все действительно посмеялись, да и забыли.

Прошла неделя. Наступила весна.

За окном солнышко весело пригревает, ручейки бегут, птички поют. И на душе у Толика тоже весело, потому как впереди — летние каникулы. Сидит Толик на уроке, мечтает, чем он летом будет заниматься.

И тут вдруг дверь в класс отворилась, и на пороге появился странный мужчина. Он был одет во все черное. В черные ботинки, черные брюки, черный пиджак... ну и так далее.

Высморкался мужчина в черный носовой платок, да и говорит зловещим голосом:

— А где тут у вас мальчик, который палачом хочет стать?

Все сразу посмотрели на Толика. А у Толика душа в пятки ушла: сидит ни жив, ни мертв. Подошел к нему странный мужчина и за руку взял.

— Пойдешь со мной, — приказывает, — нам нужен палач.

Вышли они на улицу, сели в черный автомобиль и куда-то поехали. Ехали-ехали, ехали-ехали и приехали к заброшенному дому. Смотрит Толик: около входной двери табличка прибита с надписью:

«ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ПАЛАЧЕЙ»

Поднялись они по грязной лестнице, вошли в грязную квартиру, а там их уже маленький лысенький человек поджидает; тоже весь в черном. Выскочил он из-за стола и ну обнимать Толика.

— Здравствуй, здравствуй, Толенька! — кричит. — Очень рад тебя видеть! Я председатель общества палачей, Василь Василич!

Тут и другие люди в черном стали появляться. Выстроились они все в один ряд. Василь Василич командует:

— Рав-няйсь! Смир-р-р-но!.. Вот, Толенька, разреши представить тебе членов нашего

Общества палачей. Все они, как один, мастера своего дела! У каждого руки по локоть в крови, а у некоторых даже и по плечо. Мы и тебя решили в наше Общество принять.

Молчит Толик, от страха слова вымолвить не может.

— Ну что, Толенька, молчишь, будто крови в рот набрал? — спрашивает Василь Василич. — Рад, конечно?! Да, малыш, сегодня у тебя большой праздник. Так что проси все, что хочешь. Любое твое желание исполним.

— Да я не знаю, — мнется Толик, думая только о том, как бы ему отсюда удрать.

— Зато я знаю! — уверенно говорит Василь Василич. — Наверное, руки так и чешутся кому-нибудь голову отрубить?

— Ой, нет, — испугался Толик. — Я лучше домой пойду.

Но Василь Василич даже слушать не стал; открыл дверь в соседнюю комнату и провел туда Толика. А там стоит огромная плаха, а рядом с ней, связанная по рукам и ногам, лежит... Надежда Сергеевна, учительница русского языка.

— Ну что, юный палач, — торжественно произнес Василь Василич, — принимайся за дело. Как у нас, палачей, говорится: одна голова хорошо, а без головы лучше.

— К-как же... э-это... — лепечет бедный Толик, — з-за ч-что?..

— Он еще спрашивает, — от души рассмеялся Василь Василич. — А кто тебе на про-

шлой неделе двойку по русскому влепил? Забыл, что ли?!

— Но ведь я на доске слово «класс» неправильно написал, — пытается защитить учительницу Толик. — Я с одним «с» написал, а оно с двумя пишется.

— Да хоть с тремя! — сурово говорит Василь Василич. — Что ж теперь, за такую ерунду двойку ставить?! Руби, руби, не сомневайся. А то больно грамотные все стали!

Ну что тут будешь делать? Взял Толик острый топор и подошел к связанной Надежде Сергеевне.

— Надежда Сергеевна, — виновато вздыхает, — придется мне вам голову отрубить. Вы же сами учили, что старших надо всегда слушаться.

— А ты мне, Анатолий, понарошку голову отруби, — шепчет в ответ учительница. — А сам скорей беги к моему мужу, следовательно Тряпкину, и все ему расскажи. Кстати, его дядей Борей зовут.

Это были ее последние слова. Размахнулся Толик топором, да и отрубил Надежде Сергеевне голову. И хоть он понарошку отрубил, голова так с плеч в корзину и упала.

Все палачи одобрительно зааплодировали, а Василь Василич даже прослезился от радости.

— Достойная смена растет, — сказал он, похлопав Толика по плечу. — Теперь можно и помирать спокойно. Иди, Толенька, домой.

Отдыхай. Как у нас, палачей, говорится: сделал дело — гуляй смело!

Выскочил Толик из зловещего дома и припустил во весь дух. Прибегает к следователю Тряпкину, а тот чай вприглядку пьет: лежит перед ним на столе кусочек сахара, он на него смотрит, а чай без сахара хлебает.

— Дядя Боря! Дядя Боря! — закричал Толик с порога. — Я вашей жене, Надежде Сергеевне, голову отрубил!

— Да ты что?! — ахнул следователь Тряпкин. — Выходит, я снова холостой?!

— Не в этом же дело! — продолжает кричать Толик. — В городе действует бандитская организация под названием «Добровольное общество палачей»! А милиция про нее ничего не знает!

— Милиция все знает! — сказал следователь Тряпкин.

— Тогда почему вы их не арестуете? — поразился Толик.

— А потому, — хитро прищурился Тряпкин, — что это для негодяев слишком жирно будет. Не-е-т, я жду, когда их совесть мучать начнет.

Не успел следователь произнести эти слова, как дверь отворилась и на пороге появились... палачи во главе с Василь Василичем. На них жалко было смотреть; все такие несчастные, заплаканные.

— Не могу больше! — рванул на груди черную рубаху Василь Василич. — Что ж вы де-

лаете-то, а?! Почему нас не арестовываете?! Мы же столько злодеяний совершили!

А следователь Тряпкин знай посмеивается.

— Что, — спрашивает, — совесть замучила?

— Ой, замучила, — рыдают палачи, — ой, замучила проклятая!

А Василь Василич — так тот прямо на колени бухнулся.

— Бери нас, Тряпкин, и веди в тюрьму! — умоляет. — Пострадать хотим!

— Вы пострадать хотите, — хихикает Тряпкин, — а я вам путевочки бесплатные на курорт. — И достает из кармана путевки. — Вот, пожалуйста, поезжайте отдыхать на Канары.

От такого неслыханного благородства палачи прямо обалдели. Стоят, как крови... ой, как воды в рот набрали. А следователь Тряпкин интересуется ненароком:

— А вы всех оживили, кому головы поотрубали?

— Всех, всех, — заверил его Василь Василич. — А вашу жену, Надю, в первую очередь.

— Ну спасибо за жену, — поблагодарил Тряпкин. — Этого я вам никогда не забуду.

А тут и сама Надежда Сергеевна заходит с большущим тортом в руке.

— Сейчас, — говорит, — будем чай с тортиком пить. Вприглядку.

Расселись все вокруг стола и стали чай пить да на тортик поглядывать. Но ничего не поделаешь, вприглядку иначе нельзя.

Попили все чаю (без сахара, зато по два

стакана), и Надежда Сергеевна начала гостей выпроваживать:

— Идите, идите. А то моему Тряпкину надо сегодня еще белье постирать да полы помыть.

Короче, палачи отправились на Канары, а Толик потопал домой.

И знаете, что ему учительница на прощание сказала?

— Ты теперь, Анатолий, слово «класс» можешь вообще без двух «с» писать. Пятерка по русскому за год тебе обеспечена.

Новая мама

Жили-были мама, папа и девочка Маруся. И все у них шло прекрасно. Папа бегал по магазинам, обеды готовил, стирал, шил... короче, хозяйством занимался. Мама в цирке работала акробатом-эксцентриком: она складывалась в несколько раз и забиралась в малюю-сенький сундучок. Зрители ей за это аплодировали, а в кассе ей за это платили денежки.

Ну а девочка Маруся ходила в школу.

Так они и жили.

Но вот в один прекрасный день... мама исчезла.

Неделю мамы нет, две недели... месяц... Как сквозь землю провалилась.

Девочка Маруся уже и волноваться начала.

— Не волнуйся, доченька, — успокаивает ее папа. — Найдется мама.

А тут звонок в дверь: дзинь-дзинь. Заходит в квартиру модно одетая женщина.

— Вот и мама пришла! — улыбается папа.

— Папа, ты что?! — говорит Маруся. — Какая ж это мама?!

А папа рукой машет.

— Доченька, ну не все ли тебе равно? Была одна мама, теперь другая. Все женщины одинаковы.

А незнакомка потрепала Марусю по щеке и сказала:

— Новая вещь, детка, она завсегда лучше старой.

Потом к маминому шкафу подошла и створки распахнула.

— Ух ты! — обрадовалась. — Одежки сколько! Да вся моднявая!

Звали новую маму Дарья Петровна. Работала она продавщицей. Пивом торговала.

Ну что ж... стали опять они жить втроем. Папа, Маруся и Дарья Петровна.

Да только с того дня снится Марусе каждую ночь один и тот же сон. Словно бы хоронят ее на кладбище. И она присутствует на собственных похоронах. Но ее никто не видит, кроме Дарьи Петровны.

А Дарья Петровна с нехорошей такой усмешечкой говорит:

— Вот ты, Маруся, и померла, наконец.

В одну из ночей проснулась Маруся от страха и видит, что не у себя в кровати она лежит, а в темном лесу.

Да еще и связанная по рукам и ногам.

Еле развязалась Маруся и побежала домой. Прибегает — а там свадьба. Папа на Дарье Петровне женится!

Вбежала Маруся в комнату.

— Папа! Папа! — кричит. — Дарья Петровна меня связала и в темном лесу бросила!

А папа молчит и как-то странно на Марусю смотрит. И все гости тоже умолкли и тоже странно смотрят.

— Доченька, — наконец говорит папа. — Откуда ты взялась? Мы ж тебя вчера похоронили. И поминачки справили.

— Как похоронили? — обалдела Маруся.

— Очень просто, — отвечают гости. — Ты умерла, мы тебя в гроб положили, снесли на кладбище и в землю зарыли.

— Да! Да! — выскочила из-за стола Дарья Петровна. — Умерла, умерла, детка! Так что нечего тут... У нас и справочка с печатью имеется о твоей смерти.

И машет у Маруси под носом справочкой с печатью.

— Но папа, папа, — чуть не плачет Маруся. — Вот же я, живая! Неужели ты мне не веришь?!

— Фу-у, — папа пот со лба вытирает. — Ну я-то, доченька, положим, тебе верю. Но это же ничего не значит, раз справка с печатью имеется.

— Да что ты с нею разговариваешь?! — орет Дарья Петровна. — Не видишь, что ли, что она самозванка! Гони ее в шею!

— Вот именно, в шею! — подхватили гости. — Умерла так умерла!..

Папа обнял Марусю за плечи и шепчет ей на ухо:

— Доченька, ты бы, и правда, ушла отсюда. Погулять. А я тебе рубль дам. На мороженое. А, дочурка?..

— Мороженое, папа, стоит дороже, — со вздохом отвечает Маруся.

— А ты купи половинку. А то у меня только рубль. Остальные деньги Дарья Петровна забрала.

А Дарья Петровна их разговор подслушивает.

— Обойдется без мороженого, — злобно шипит. — Ишь, наглая какая. Целое мороженое ей подавай. Сразу видно — самозванка. Та-то девка поскромнее себя вела.

Заплакала Маруся и побрела куда глаза глядят.

Брела, брела и забрела в самый дальний угол двора. На помойку. Смотрит: а на помойке сундучок валяется, с каким мама в цирке выступала. Подобрала Маруся этот сундучок, открыла...

А там — м а м а!!! сложенная в несколько раз!.. Да не мертвая, а живая!

Нет слов, как Маруся обрадовалась. Ну а уж как мама обрадовалась, тем более слов нет.

— Мама! Мама! — прыгает Маруся от счастья. — Как ты здесь оказалась?

— Как, как, — отвечает мама, а сама раз-

гибается, сгибается, плечами шевелит; тело свое затекшее разминает. — Папаша твой с Дарьей Петровной обманом засунули. Покажи да покажи, просят, как ты в такой маленький сундучок забираешься. Я и показала. А они сундучок на крючок и на помойку...

— Ничего себе, — ахнула Маруся.

Короче, пошли они в милицию и рассказали все, как есть.

— Ничего себе, — ахнули в милиции.

И тут же арестовали папу и Дарью Петровну. Посадили их в вагон и отправили в Сибирь. Папу на 10 лет, а Дарью Петровну на 20, потому что женщины дольше живут.

Ну а мама вскоре привела Марусе нового папу. Дядю Юру. Он художником работал. Деньги рисовал.

И стали они с тех пор жить богато и весело.

Детский сад № 13

Жили в одной прекрасной стране папа с мамой. И у них имелся сыночек Ванечка, четырех с половиной лет. Он ходил в детский садик № 13. Ванечка был мальчик как мальчик. Только уж больно тихий. Со дня своего рождения ни единого слова не вымолвил. А тут как-то приходит из детсада и давай болтать без умолку. Болтает и болтает. Час, другой, третий... Короче, весь день проболтал, а вечером лег в свою детскую кроватку и захрапел.

— Странный какой-то сегодня наш Ванечка, — говорит мама папе. — Ты заметил?

— А вдруг его подменили? — отвечает папа.

— Кто подменил? — опешила мама.

— Монстры или инопланетяне.

Папа любил смотреть фильмы «ужасов». Вот и насмотрелся.

— Да брось ты, — машет рукой мама. — Это ж только в кино такое бывает.

Но папа не бросил. Наоборот — взял тряпку, смочил ее в бензине и стал тереть лицо спящего сына.

Трет-трет, трет-трет и вдруг видит, что лицо у Ванечки — *стирается*.

Вначале стерлись глаза, потом нос, а затем и рот.

— Вот тебе и кино, — шепчет потрясенный папа.

— Ой, а кто это? — шепчет потрясенная мама.

— Человек-манекен, — со знанием дела говорит папа.

— А где же наш Ванечка? — лепечет мама.

— В детском саду № 13, — отвечает папа. — Бежим скорей туда!

И они побежали в детский садик № 13.

Прибегают. А в коридоре, на лавке, спит воспитательница Варвара Михайловна. Растолкали ее папа с мамой и стали наперебой рассказывать... А Варвара Михайловна спр сонья ничего понять не может. Так и говорит:

— Ни-че не понимаю... Идемте к директору, Ивану Михалычу.

Пришли они в кабинет директора. А Иван Михайлович куриный суп ест.

Варвара Михайловна по-военному доложила:

— Товарищ директор! К вам родители Вани Селиверстова пожаловали!

— Вольно, Михална, — отвечает Иван Михайлович. — Налей-ка им супчика. Пускай похлебают.

— Спасибо, но нам сейчас не до супа, — сказал папа. — У нас ребеночек пропал.

— Ва-а-нечка, — добавила мама, чуть не плача.

— Даже если десять ребенков пропадут, покушать все равно не мешает, — назидательно говорит директор. — Наливай, Михална.

Сели папа с мамой за стол и тоже стали есть куриный суп. Едят, а сами так и норовят разговор на пропавшего сыночка перевести. В особенности мама.

— Вот что, дамочка, — строго одернул ее Иван Михайлович. — У меня правило — за едой никаких дел. Это мешает моему пищеварительному процессу.

Мама сразу примолкла.

Директор не спеша съел три тарелки супа и только после этого поинтересовался:

— Так кто там у вас пропал?

— Сынок наш, — наперебой загалдели мама с папой. — Ванечка.

— Ну что ж, — сказал Иван Михайлович, — придется открывать вам государственную тайну. Никакой это не детский сад, а засекреченный объект. И никакой я не директор, а генерал-полковник. И никакая Варвара Михайловна не Варвара Михайловна, а ефрейтор... Дело в том, — продолжал генерал, — что с планеты Эллония на Землю стали поступать странные сигналы...

— А при чем тут наш Ванечка? — не понимает мама.

— А при том, что лететь до Эллонии сорок земных лет. Да обратно столько же. Восемьдесят годков получается. Взрослый космонавт помереть может по дороге. Поэтому принято решение послать на Эллонию ребенка...

— Ну а где же Ванечка? — продолжает не понимать мама.

— Уже в пути! — отвечает Иван Михайлович.

— К а к?! — вскричала мама.

— Как настоящий герой, — говорит генерал. — Вы должны гордиться своим сыном!

— Да мы гордимся, — вздыхает папа. — Вот только, наверное, никогда его больше не увидим.

— Ничем не могу помочь, — развел руками Иван Михайлович. — Это ваши проблемы.

— Что же делать?! Что же делать?! — всполошилась мама.

— Я знаю, что делать! — по-ефрейторски отрубила Варвара Михайловна. — Разрешите доложить, товарищ генерал?

— Докладывайте, ефрейтор.

— Надо их заморозить на восемьдесят лет, — доложила Варвара Михайловна. — И пускай они в замороженном виде своего сына из космоса дожидаются.

— Действуйте! — сказал генерал.

И Варвара Михайловна начала действовать. Открыла большущий холодильник, стоящий в углу кабинета, достала оттуда яйца, масло, сыр...

— Полезайте! — приказывает маме с папой.

Залезли мама с папой в холодильник, а Варвара Михайловна дверцу захлопнула.

Прошло восемьдесят лет.

И как будто ничего не изменилось. Все тот же Иван Михайлович сидит все в том же кабинете и ест все тот же куриный суп. А рядом с ним стоит все та же Варвара Михайловна.

— Неужели восемьдесят лет прошло? — изумляется папа.

— Как одна секундочка пролетели, — подтверждает Иван Михайлович, орудуя ложкой.

— А наш Ванечка из космоса вернулся? — с тревогой интересуется мама.

— Да вернулся ваш Ванечка, вернулся, — хмуро отвечает генерал. — Лучше бы уж не возвращался. Прогонял ракету зазря.

— А что, разве братья по разуму не обнаружены? — спрашивает папа.

— Какие там, к черту, братья, — морщится Иван Михайлович. — Сидит девятиэтажный дурак и пускает радиоактивные пузыри. А мы-то думали — сигналы подает.

Тут дверь отворилась, и на пороге возник дряхлый старик с седой бородой.

— Ванечка! — так и ахнули родители.

Пришли они домой. Сели ужинать. Ванечка наелся-напился и улегся на свою детскую кроватку.

А папа ходит туда-сюда по квартире. Ма-етсЯ.

— Ну чего ты маешься? — спрашивает у него мама. — Сын из космоса прилетел, а ты недоволен.

— Да я доволен, — отвечает папа. — Вот только сомнения меня берут, он это или не он?

Короче, потеряли родители лицо спящего сына-старика тряпкой. И все стерли.

— Вот ерики-морики! — выругался папа. — Опять нам генерал куклу подсунул!

Побежали они снова в детский сад № 13. А там Иван Михайлович куриный суп за обе щеки уминает.

— Пришли моего супчика отведать? Налей-ка им, Михална, по тарелочке.

— Какого еще супчика?! — возмущенно кричит мама. — Где наш сын?!

— Ну-ну-ну, — добродушно щурится генерал. — Подумаешь, трагедия, пацан пропал. Вон в Китае при землетрясении сто тыщ китайцев погибло. Вот это, я понимаю, трагедия. Но вам на китайцев наплевать. Вам лишь бы собственное чадо в порядке было. Нехорошо, дамочка. Безнравственно.

— Нет, жалко, конечно, китайцев, — стала оправдываться мама. — Но их в Китае еще много осталось. А у меня Ванечка один-единственный.

— Хотелось бы просто узнать о судьбе сына, — прибавил папа.

— Сейчас узнаете, — подмигнул им Иван Михайлович и, подойдя к маме, звучно чмокнул ее в щеку. — Здравствуй, мамочка. Я твой сын!

— Вы... мой... сын?.. — бормочет ошарашенная мама.

— Ага, — говорит Иван Михайлович. — А что, не похож?

— Да, не похож! — вспыхнул папа. — И вообще, нам уже осточертело ваше вранье. И про Эллонию, и про то, что вы генерал-полковник!..

— Вот именно! — подхватила мама. — Мы сейчас пойдем и заявим на вас в милицию!

И они решительно направились к выходу.

— А родинку не хотите поглядеть? — хихикает им вслед Иван Михайлович и тычет пальцем в бородавку у себя на носу. — Забыли, у кого такая же имеется?

— У Ванечки, — растерянно пролепетала мама.

— Вспомнила, слава Богу. А теперь вспомни, как ты меня из детсада постоянно забывала забирать. И я тут один-одинешенек по ночам куковал...

— Это моя вина, — смущенно признал папа. — Я ее в кино водил. На «ужастики»

— Ах, на «ужастики»?! — язвительно повторил Иван Михайлович. — А знаете ли вы, какие здесь по ночам «ужастики» творятся? Похлеще киношных! В этом детском саду время ночью во много раз быстрее идет, чем днем! И я тут один, во тьме... а время летит... уходят лучшие годы... *лучшие...* — Иван Михайлович всхлипнул и разрыдался.

Мама с папой растерянно переминаются с ноги на ногу. Не знают, что и сказать в свое оправдание. Кругом они виноваты.

— Не плачь, Ваня, — сурово говорит Варвара Михайловна. — Не стоят они твоих слез, братик.

— Братик? — восторженно вскрикнул папа. — Какой еще братик?!

— Это сестра моя, Варенька, — сквозь рыдания промывчал Иван Михайлович. — Между прочим — дочка ваша.

— Какая еще дочка? — занервничал папа. — Нет у нас никакой дочки.

— Есть, есть, — с усмешкой возражает Варвара Михайловна. — Спроси вон у мамочки. Она тебе скажет.

— Это правда? — спрашивает папа у мамы.

— Да, правда, — кивает мама. — Ее цыгане украли, когда она еще совсем крохой была.

— А почему ты мне ничего не сказала? — кипит папа.

— Не хотела тебя огорчать, — отвечает мама. У папы голова кругом пошла.

— Как же так?.. — бормочет растерянно.

— Да брось ты, папка, — хлопнул его по плечу Иван Михайлович, вернее — сын Ванечка. — Все зашибись!

— Вот именно, — поддержала брата Варвара Михайловна, вернее — дочка Варенька. — Могло быть и хуже. Как, например, в Китае.

Часы между тем пробили девять вечера.

— Пора идти домой, дети, — деловито сказала мама. — Ужинать и спать.

— Вы идите, — говорит папа, — а я, пожалуй, тут останусь. Постарею. А то выгляжу, как мальчишка. Даже борода не растет.

— Только смотри не очень-то старей, — предупредила мама. — Не забывай, что у тебя двое детей и жена. И нас надо кормить и одевать.

— Я на три работы устроюсь, — пообещал папа.

— Лучше на четыре устройся, — посоветовал сын Ванечка. — Больше заработаешь.

И мама вместе с детьми отправилась домой. А папа остался стареть.

Злушка

Жил-был один лесничий. И у него была очень злая дочка. Поэтому все ее называли — Злушка. А жены у лесничего не было. Она умерла. После смерти жены лесничий так затосковал, что даже заболел и слег. В доме сра-

зу же стало грязно и холодно. Потому что Злущка — ни полов не подметет, ни огня в очаге не разведет. Сидит целыми днями в углу и злобно думает: «Ух, как я всех ненавижу».

Даже воды и то лесничему не подаст.

— Доченька, — просит он, — дай попить.

А Злущка делает вид, будто не слышит.

В это самое время мимо дома проходили добрая женщина Марта и ее дочь Арлет. Услышали они, как лесничий пить просит, вошли в дом, напоили старика, огонь в очаге развели, пирожков напекли... Обе такие румяные, трудолюбивые.

Приплась Марта лесничему по сердцу своей добротой и трудолюбием. И он на ней женился.

О-очень все это Злущке не понравилось.

И то, что уютно стало в доме, и то, что отец вскорости поправился, а пуще всего не понравились Злущке Марта и Арлет. И затаила она на них злобу.

Как-то раз пошла Марта по воду, а Злущка у колодца спряталась. И когда Марта наклонилась, чтобы вытащить ведро, Злущка схватила ее за ноги, да и перекувыркнула в колодец.

— А-а-а-а!.. — закричала бедная Марта. И голос ее становился все тише... тише... тише...

Стало у Злущки на душе поспокойнее. Но не надолго. Через какое-то время опять она затосковала. Хочется ей чего-то, а чего — не знает.

«Давненько я никого не убивала, вот в чем дело», — поняла, наконец, Злущка, пошла к Арлет и убила ее.

А тут приходит из лесу лесничий. Смотрит, а Арлет убитая лежит.

— Доченька, — спрашивает он у Злущки, — это ты Арлет убила?

— Ну я, — отвечает Злущка.

— Зачем же ты это сделала? — недоумевает старик.

— А затем, — говорит Злущка, — что твоя ненаглядная Арлет за столом все время чавкала.

— Ты ошибаешься, доченька, — возражает лесничий. — Арлет никогда за столом не чавкала.

— Нет, чавкала! — злобно заверещала Злущка. — Чавкала! Чавкала! Чавкала!

Ничего не ответил лесничий. Вздохнул только тяжело и пошел хоронить Арлет. А после заболел от горя и опять слег...

В это самое время сын короля задумал устроить во дворце бал, созвать на этот бал всех девушек королевства и выбрать себе невесту. Злущка тоже решила ехать на бал. Но она отлично понимала, что принц ее никогда не выберет, потому что у нее злое лицо. И тогда Злущка схитрила. Она пошла к фее, живущей по соседству, и попросила, чтобы та дала ей добрые черты лица.

— А как поживает твой батюшка? — спросила фея.

— Хорошо поживает, — кротко ответила Злушка.

— А Марта и ее дочь Арлет?

— Тоже хорошо, — отвечает Злушка. — Они велели вам кланяться.

И фея поверила Злушке.

— Ладно, — говорит, — ты получишь добрые черты, но учти — они не смогут долго оставаться на твоём лице. Как только пробьёт полночь, лицо примет прежнее злое выражение.

На том они и расстались...

Злушка вернулась домой, нарядилась и, отравив больного отца, отправилась на бал. Фея выполнила свое обещание: лицо Злушки стало добрым и красивым. Нечего и говорить, что принц сразу же выделил Злушку из множества других девушек. И приглашал ее на все танцы подряд.

Увидев это, король понял, что сын нашел себе невесту.

— Как вас зовут, прелестное дитя? — спросил король у Злушки.

— Золушка, — соврала Злушка.

— Ах! — воскликнул король. — Какое чудесное имя!

— Ах! — вслед за королем, воскликнул принц. — Я, кажется, влюбился!

И тут наступила полночь. Бом-бом-бом... начали бить часы на дворцовой башне.

Злушка сорвалась с места и побежала.

— Куда же вы, Золушка? — растерялся принц. — Я хотел сделать вам предложение!

А Злущка уже неслась по дворцовому парку, чувствуя, как с каждым ударом часов лицо ее становится все злее и злее.

Но хитрая Злущка вот что придумала: она достала из сумочки хрустальный башмачок и кинула его на дорожку парка. «Принц отправится меня искать, — рассуждала Злущка на бегу. — И найдет этот башмачок».

Так оно и случилось.

Прошло несколько дней, и королевские гонцы объявили по всему королевству, что принц женится на девушке, которой придется впору хрустальный башмачок.

И вот со всех концов королевства потянулись во дворец молодые и старые девушки в тайной надежде, что башмачок окажется им по ноге.

Но хрустальный башмачок был всем мал.

А Злущка тем временем вытащила из чулана острый топор и отрубила себе пальцы на ногах. Ей это ничего не стоило — она же была бесчувственная и злая. Потом Злущка пришла во дворец и спокойно надела на ногу хрустальный башмачок. Все так и ахнули!

А Злущка с кривой ухмылкой говорит принцу:

— Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Обещал жениться — так женись!

Вздохнул принц тяжело и... женился на Злущке.

И с тех пор во дворце по ночам стали совершаться убийства: то садовника убьют, то

придворную даму, то стражника... Принц, конечно, догадывался, чьих это рук дело, но молчал, чтобы не обострять отношений с молодой женой.

Но вот как-то ночью убили самого короля. Ножом в спину.

Тут уж принц не выдержал и решил серьезно поговорить с женой. Зашел он в ее спальню, а Злущка руки в тазу от крови отмывает.

— Золушка, — вежливо говорит принц, — хочу вам сообщить печальную новость: кто-то убил моего дорогого папочку.

— Не «кто-то», — поправила его Злущка, — а я убила. Так что теперь ты король, а я королева!

— Позвольте вам заметить, Золушка, — снова вежливо говорит принц, — что вы поступили нехорошо. И вам должно быть стыдно.

— Чего-чего? — процедила сквозь зубы Злущка. Да как кинется на принца — и давай его душить.

И задушила.

— Ха-ха-ха! — принялась она хохотать. — Ловко я со всеми раздалась!

— Пора покончить с этим безобразием! — раздался вдруг за спиной у Злущки строгий голос.

Злущка обернулась и увидела... фею.

— Ой-ой-ой, — испуганно завопила Злущка и попыталась быстренько смыться.

Но не тут-то было.

Фея произнесла волшебное заклинание — и Злушка тотчас превратилась в серую мышь, а все те, кого она убила, в ту же секунду ожили: лесничий, добрая женщина Марта, ее дочка Арлет, король, принц, придворные... Едва взглянув на Арлет, принц сразу же в нее влюбился и предложил ей руку и сердце. Арлет с радостью приняла и то, и другое.

И стали они жить-поживать да добра наживать.

А противная Злушка бегала по темным и сырým подвалам дворца и злобно пищала:

— Пи-пи-пи...

Ну и пусть себе пищит, больше она уже никому зла не сделает.

Желтый платок

Давным-давно в городе Лондоне жил некий юноша по имени Джонни. И очень ему в жизни не везло. Он перепробовал массу всяческих занятий, но ни одно из них не принесло ему успеха. Джонни был близок к отчаянию и даже согласился работать помощником гробовщика.

Но, как известно, человеку не может быть все время плохо. Нет-нет, да и улыбнется ему счастье. Вот и Джонни оно улыбнулось. Полюбил он прекрасную девушку Дженни. А прекрасная девушка Дженни полюбила его.

К тому же родители Дженни обладали до-

статочно большим состоянием, что, согласитесь, являлось неплохим дополнением к любви молодых людей.

И вот однажды Дженни решила навестить своих родителей, которые жили на севере Англии. Это была первая разлука влюбленных. И естественно, Джонни захотелось сделать своей любимой подарок. Но денег у него, как всегда, не было... Опустим здесь мучительные переживания Джонни, готового положить к ногам возлюбленной целый мир и в то же время бывшего не в состоянии купить ей даже пару сережек. Перейдем сразу к тому, с чего, собственно говоря, и начинается наша история.

Как уже было сказано, Джонни работал помощником гробовщика. И его позвали в один богатый дом, где при таинственных обстоятельствах умерла некая молодая женщина. Джонни оставили наедине с покойницей, чтобы он снял с нее мерки для изготовления гроба. Женщина лежала в белом платье и с желтым шелковым платком на шее.

Вот этот-то, судя по всему, очень дорогой платок и привлек внимание юноши. Не особенно задумываясь о моральной стороне своего поступка, Джонни снял платок с умершей и положил к себе в карман. Затем, исполнив работу, он поспешно покинул дом.

Далее все сложилось, с точки зрения Джонни, как нельзя лучше. Пропажи никто не заметил, молодую женщину похоронили, а

Джонни подарил Дженни желтый платок, который она тут же повязала себе на шею.

На следующий день Дженни уехала к родителям. А Джонни, проводив ее на вокзал, вернулся домой и лег спать.

И снится ему сон...

Словно бы пришла к нему с кладбища мертвая женщина в белом платье и говорит печальным голосом:

— Ах, Джонни, Джонни, ну зачем же ты снял у меня с шеи желтый платок? Еще б немного, и его похоронили бы вместе со мной. А теперь он снова начнет приносить людям несчастье.

Сказав это, призрак исчез. Джонни проснулся и, томимый неясной тревогой, поспешил вслед за своей возлюбленной. Когда он приехал в город, где жили родители невесты, то первым, кого он там увидел, была заплаканная мать Дженни. Захлебываясь от рыданий, она сообщила Джонни печальное известие: Дженни внезапно умерла...

Опустим описание душераздирающих мук, охвативших юношу при известии о скоропостижной кончине любимой. И сразу перейдем к тому моменту, когда Джонни уже несколько успокоился и вспомнил о том, что послужило причиной его внезапного приезда.

Со слов окружающих он узнал, что бедная девушка ни на минуту не расставалась с его подарком. Однако же после смерти Дженни желтый платок бесследно исчез.

Джонни начал осторожное расследование и вскоре выяснил, что юная служанка, обряжавшая Дженни для похорон, вот уже два дня как не появляется в доме. Джонни отправился на поиски исчезнувшей девушки. Подходя к дому служанки, он услышал громкие рыдания.

— Что здесь случилось? — спросил Джонни у старика, сидящего у ворот.

— Случилась смерть, — печально ответил старик. — Позавчера ночью кто-то задушил мою внучку.

— Желтым платком?! — вскричал Джонни. Старик кивнул.

— А где этот платок? — с волнением спросил юноша.

— Сыщик из Лондона забрал его как вещественное доказательство, — ответил старик.

Джонни ничего другого не оставалось, как поспешить в Лондон с тем, чтобы предупредить сыщика о зловещих свойствах желтого платка. В поезде, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, юноша купил газету. Раскрыв ее, он сразу же увидел короткое сообщение, обведенное траурной рамкой: «Таинственная смерть одного из лучших сыщиков Скотленд-Ярда». Джонни пробежал заметку глазами. В ней говорилось, что сыщик был задушен у себя дома каким-то мягким предметом, предположительно платком. Однако — сообщалось далее — никакого платка на месте преступления обнаружено не было.

Бросив газету, Джонни впал в глубокую меланхолию. Эта меланхолия не оставила его и по приезде в Лондон. Он ушел с работы и целыми днями валялся дома на кровати, глядя в потолок.

Лето прошло. Наступила осень.

Скромные сбережения молодого человека таяли, как мартовский снег. Наконец у него осталась только сумма, на которую можно было купить железнодорожный билет. Что Джонни и сделал. Он купил билет и поехал в небольшой городок на берегу моря, где жила его единственная родственница — тетушка Матильда.

Тетушка жила в крохотном домике, тихо и уединенно, вместе со своей семилетней воспитанницей Мери.

Но и на берегу моря черная тоска не отпустила Джонни. Целыми днями он просиживал у окна, созерцая бескрайние морские просторы.

Первое время добрая старушка не докучала племяннику расспросами. Но затем она все же выведала у Джонни его такую нехитрую, но такую печальную историю. И в свою очередь призналась чистосердечно, что в юности баловалась магией и колдовством. Порывшись в чердачном хламе, тетушка извлекла оттуда старинную книгу и, спустившись в гостиную, принялась перелистывать пожелтевшие от времени страницы.

— Так, так, — бормотала она под нос. —

Философский камень — не то... эликсир молодости — тоже не то... Ага, вот что нам надо! — воскликнула она и стала громко читать.

Джонни же весь обратился в слух.

«Желтый платок, — читала тетушка Матильда, — принадлежал князю Тьмы. Все, к кому этот платок попадает, в скором времени умирают. Уничтожить магическую силу желтого платка можно лишь огнем. Для этого надо сжечь платок во «время дьявола», то есть от полуночи до трех часов. Тогда все люди, погубленные желтым платком, тотчас воскреснут и не будут помнить, что умирали. А люди, хоронившие их, не будут помнить, что хоронили...»

Как только старушка закончила чтение, дверь отворилась, и в гостиную вбежала маленькая Мери. Она начала прыгать через скакалку, напевая при этом: «Эни-бени-рики-факи. Тай-бары-барыки-смаки. Эн-бен-турум-бен. Бакс-с-с...»

Джонни взглянул на девочку — и у него от волнения перехватило дыхание. На шее у Мери был повязан... желтый платок! Тетушка тоже заметила дьявольскую вещицу и, сделав племяннику незаметный знак, приступила к расспросам:

— Где ты гуляла, крошка? — ласково спросила она у своей воспитанницы.

— Я гуляла на кладбище, мэм, — ответила та.

— А откуда у тебя такой красивый платочек? — продолжала интересоваться тетушка.

— Он лежал на одной из могил, мэм. Платочек мне понравился, и я взяла его себе. Я ведь не совершила ничего дурного, мэм?

— Нет, милая, — успокоила ее старушка. — Ступай, играй дальше.

Итак, стало ясно, что своей очередной жертвой желтый платок выбрал маленькую Мери.

Когда девочка ушла, Джонни и тетушка Матильда разработали план действий. А около полуночи приступили к его осуществлению. Джонни проник в спальню маленькой Мери и спрятался за шторы. Мери мирно посапывала в кроватке. Желтый платок висел на спинке стула. Часы начали отбивать полночь.

Наступало «время дьявола»; время всех черных и злобных сил.

И вот с последним ударом часов желтый платок зашевелился. В щелку между штор Джонни видел, как платок, извиваясь, словно змея, пополз по спинке стула, затем по сиденью и, спустившись по ножке на пол, устремился к кроватке маленькой Мери.

Медлить было нельзя ни одной секунды!..

Джонни стремительно выскочил из своего укрытия и схватил желтый платок обеими руками. Платок впился в кожу юноши, будто пиявка, и начал высасывать кровь. Почти теряя сознание, Джонни кинулся в гостиную, где тетушка Матильда поддерживала огонь в камине. Рывком оторвав прокля-

тый платок от посиневшей кожи, Джонни бросил его в камин.

Желтый платок вспыхнул как порох. Гостиная озарилась ярким светом. За окнами сверкнула молния. Трах-тарарах! — гроыхнул гром.

И все было кончено.

Во всех уголках земли люди, погубленные дьявольским платком, тут же воскресли. Они совсем не помнили, что умирали. А люди, хоронившие их, не помнили, что хоронили.

На следующий день Джонни, сердечно прощавшись с тетушкой Матильдой и ее воспитанницей Мери, первым же поездом отправился к своей заново обретенной Дженни. Она встретила его с распростертыми объятиями. Не откладывая дело в долгий ящик, молодые люди в этот же день сыграли свадьбу.

Таким образом, все закончилось благополучно. Что, согласитесь, бывает не всегда.

Даша и людоед

Жила-была девочка Даша, очень симпатичная, но непослушная. Ни в школе никого не слушала, ни дома. И вот однажды Даша так расшалилась, что мать возьми да и скажи в сердцах:

— Ах, какая же ты несносная девчонка! Вот сейчас придет людоед и съест тебя вместе с косточками!

На беду, в это самое время под окнами проходил настоящий людоед. Звали его Петр Ильич. Услыхал он материны слова и, конечно, страшно обрадовался; потому что наступило время ужина, а на ужин у людоеда никого не было.

Тук-тук-тук — постучал он в дверь. Мать открыла, недоумевающая, что за поздний гость пожаловал.

— Добрый вечер, — говорит людоед. — Давайте знакомиться. Меня зовут Петр Ильич. Можно просто Петя.

— И что дальше? — не понимает мать.

— Ничего, — отвечает Петр Ильич. — Пришел вашу дочку есть. Как вы и хотели.

Ахнула мать от такого сюрприза, но делать нечего: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Вы уж как-нибудь того... — просит она людоеда, — побыстрей ее ешьте. Чтоб девочка не мучилась.

— Не беспокойтесь, мамаша, — говорит Петр Ильич. — У меня и батюшка людоедом был, и матушка — людоедка. Я свое дело знаю: так проглочу вашу дочку, что она даже не заметит.

— Ой, спасибо, голубчик, — с облегчением вздохнула мать. — Утешил.

На том и распрощались.

Привел людоед Дашу к себе домой, огонь в очаге развел, здоровенную кастрюлю над огнем повесил.

— Полежай, — приказывает, — в кастрюлю и варись ровно сорок минут. Да смотри не забывай себя регулярно помешивать и подсаливать.

А сам сел на лавку и стал напильником зубы точить.

Тут только Даша ясно поняла, что она одной ногой в могиле стоит, и если сию же секунду чего-нибудь не придумает, то и другой ногой в могилу встанет. А надо сказать, что девочка она была хоть и непослушная, но умная.

— Петр Ильич, — говорит Даша вкрадчиво, — а вы знаете, что вас зовут точно так же, как великого композитора Чайковского?

Людоед, конечно, этого не знал и поэтому сильно удивился.

— Врешь, поди, — глядит недоверчиво. — Чтоб людоеда звали так же, как и великого композитора? Да в жизнь не поверю.

— А вот и не вру, — отвечает Даша и, чтобы еще сильнее запутать людоеда, предлагает: — Хотите, я вам его балет «Лебединое озеро» станцую?

И, не дожидаясь людоединоного согласия, девочка протанцевала весь балет от начала до конца. Да еще и музыку из балета просвистела.

Людоеду это о-о-очень понравилось, особенно когда Даша на одной ноге тридцать два раза прокрутилась, изображая умирающего лебедя.

— Ух ты! — с восторгом завопил он. — Все! Точка! Решено! Я тоже буду композитором!..

А хитренькая Даша ему в ответ:

— Чтобы стать композитором, надо есть одни одуванчики.

Людоед тотчас бросился варить щи из одуванчиков... Похлебали они этих щей, поболтали о том о сем... Наконец Даша и говорит:

— Ну, ладно, Петя, пора мне домой бежать, а то мать, наверное, с ума там сходит. А ты ешь побольше одуванчиков и попробуй сочинить оперу.

Прибежала Даша домой, а мать действительно с ума сходит, почти уже сошла.

— Дашенька! — кричит диким голосом, — ужинать будешь?!

— Спасибо, мамочка, — отвечает Даша. — Не откажусь еще разок перекусить. А то людоед костлявый попался, а ты у меня пухленькая, мягонькая...

Как услышала мать эти слова, так вся и задрожала, словно осенний листок.

— Не губи, доченька, — молит слезно. — Христом Богом прошу, не губи!

— Да я пошутила, — смеется Даша. — У тебя что, мама, чувства юмора нет?

— Фу-у, — вытирает мать со лба холодный пот. — Шутница ты у меня, дочурка.

В общем, поужинали они и легли спать.

А на следующий год опять Петр Ильич к ним появился: во фраке, в лакированных ботинках... Та-акой важный, и не подумаешь, что когда-то людоедом был.

— Здравствуйте, дамы, — степенно этак здо-

ровается. — Разрешите пригласить вас в оперный театр на премьеру моей оперы «Я никого не ем».

И протягивает оторопевшим матери и Даше два пригласительных билета.

Вот так-то!

Сантиметровочка

Жил на свете некий господин О. И у него была жена. А детей не было. Но дело не в этом... А в том, что у господина О в животе кто-то сидел. И не просто сидел, а без конца напевал: «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля...»

Господина О это очень беспокоило. В самом деле — сидит кто-то в животе, напевает... Поневоле забеспокоишься.

«Кто бы это мог быть? — размышлял господин О. — Может, я случайно проглотил приемник и он у меня там играет? Но почему тогда последние известия не передают?..»

И так думает, и сяк думает. Ничего понять не может. А в животе между тем: «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля...»

Поет и поет кто-то.

И вот в один прекрасный летний день решил господин О пойти к врачу.

Пришел и говорит:

— Здравствуйте, доктор.

— Здравствуйте, — отвечает врач. — Что вас беспокоит?

— Вы знаете, — жалуется господин О, — у меня в животе кто-то поет.

— Откройте рот, — приказал врач, — и скажите: а-а-а...

— А-а-а, — сказал господин О.

— А теперь закройте рот и скажите: у-у-у...

— У-у-у, — сказал господин О.

— Так-с, — почесал врач затылок. — А вы не людоед? Может, слопали какого-нибудь эстрадного певца и забыли?

— Нет, я не людоед, — говорит господин О. — А даже совсем наоборот. Я — вегетарианец. Ем лишь огурчики, помидорчики и капусточку.

— Да что вы?! — обрадовался врач. — Я ведь тоже вегетарианец.

И он достал из холодильника огурчики, помидорчики и капусточку... Когда они все это съели, в животе у господина О опять кто-то запел: «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля...»

— Хорошо поет, — сказал врач. И добавил: — Смертельный номер, нервных просят не смотреть!

С этими словами он широко раскрыл рот господина О и сунул туда свою голову.

— Эй-ге-гей! — зычно прокричал врач вовнутрь господина О. — Кто это там так хорошо поет?

— Я пою, — раздался в ответ звонкий детский голосок.

— А кому за такое чудесное пение полагается шоколадка?! — продолжал кричать врач.

— Ой! — радостно ойкнул детский голос. — Мне полагается.

— Ну тогда иди сюда.

Господин О почувствовал, как кто-то быстро полез из его живота вверх.

— Щекотно, — захихикал он.

— Не закрывайте рот, — предупредил врач.

Вскоре с нижней губы господина О на стол прыгнула маленькая девочка — не больше сантиметра. Очень симпатичная. И в синеньком платьице.

— Поздравляю, — сказал врач господину О. — У вас девочка.

— Какая малюсенькая, — умилился господин О. — Прямо как Дюймовочка из сказки Андерсена.

— Ты кто? — спросил у девочки врач, угостив ее шоколадкой.

— Не жнаю, — ответила девочка, жуя шоколадку.

— А как тебя зовут?

— Не жнаю.

Господин О достал из кармана носовой платок и осторожно вытер девочке перепачканные шоколадом пальцы и губы.

— Я назову ее Сантиметровочкой, — сказал он. — Ты не возражаешь, милая?

— Не-а, — закрутила девочка головой и попросила: — А можно еще шакаладку?

— Нельзя, — ответил господин О. — Сейчас придем домой и будем обедать. А сладкое — к чаю.

— Все-таки очень странно, — задумчиво проговорил врач. — Как ни крути — вы первый в мире мужчина, который родил ребенка. Да еще таким нетрадиционным способом. Этот уникальный случай требует тщательного изучения. А ну-ка, откройте еще раз пошире рот.

Господин О послушно открыл, и врач нырнул в рот, как в бассейне ныряют в воду с вышки.

Да, совсем забыл сказать — врач был небольшого роста. Сантиметров десять. Так что он свободно проскочил в рот господина О.

А господин О посадил Сантиметровочку в спичечный коробок и пошел домой. Пока он шел — наступила зима. Повалил крупный, пушистый снег.

Жена господина О наряжала елку красивыми игрушками.

— Вот, — с гордостью сказал жене господин О, показав Сантиметровочку. — Родил тебе девочку. Ты рада?

— Еще бы! — ответила жена. — Конечно, рада.

Они взялись за руки и стали водить вокруг елки хоровод. Напевая при этом: «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля...»

А когда часы пробили полночь и наступил Новый год, врач вдруг и говорит из живота господина О:

— С Новым годом!.. С Новым счастьем!..

Господин О, его жена и Сантиметровочка

подняли бокалы с шампанским и хором ответили:

— И вас также!.. Ура-а-а!!

Черное молоко

Жили-были папа Коля, мама Ира и дочка Аня. Они очень любили друг друга. Вот однажды мама Ира пришла из магазина и говорит:

— Ну и ну. В магазине продается черное молоко.

— Как это черное? — удивилась дочка Аня.

— А так, — отвечает мама Ира и вынимает из сумки бутылку с черным молоком. Потом наливает молоко в чашку и протягивает Ане: — Попей, доченька.

— Нет, мамочка, — говорит дочка Аня, — сначала ты попей.

— Доченька, — укоризненно качает головой мама Ира, — как тебе не стыдно. Ты что ж думаешь — я боюсь пить черное молоко и поэтому тебе подсовываю, да?

— Ничего я, мамочка, не думаю, — говорит дочка Аня. — Просто ты сама меня учила, что старшим по возрасту надо всегда уступать. Вот я тебе и уступаю.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот спор, если б не вернулся с работы папа Коля.

— Здравствуйте, мои любимые, — сказал он.

— Здравствуй, папочка, — ответила дочка Аня.

— Здравствуй, Коленька, — ответила мама Ира и добавила: — Наверное, проголодался, мой хороший? Сейчас я тебе молочка с булочкой дам. — И наливает в чашку черного молока. — Пей, милый.

Папа Коля собрался было пить, но тут увидел, что молоко черное.

— Это что за ерунда? — говорит. — Почему молоко черное?

— Такое в магазине продают, — отвечает мама Ира. — Импортное. Наверное, из Африки.

— А вы его уже пили? — подозрительно спрашивает папа Коля.

— Пили, пили, — в один голос подтверждают мама Ира и дочка Аня.

Папа Коля отодвинул чашку. Лицо его омрачилось.

— Тогда покажите пустую бутылку, — требует. — Где бутылочка, а?: Или, может, вы ее съели?

— Николай, ты прямо странный, ей-богу, — всплеснула руками мама Ира. — Да мы выпили молоко, а бутылку я сдала обратно в магазин.

Папа Коля хмыкнул недоверчиво.

— Так сразу и пошла бутылку сдавать, да? За дурака меня принимаешь?

— Я тебя не понимаю, Николай, — пожимает плечами мама Ира. — Ты что, боишься пить это молоко?.. Может, ты думаешь, мы с Анечкой решили тебя отравить?

— Вполне возможно, — говорит папа Коля.

— Папа, папа! — возмущенно воскликнула дочка Аня. — Перестань сейчас же! Мы тебя так любим, а ты...

— Ну, если ты меня любишь, доченька, — говорит папа Коля, — то выпей из моей чашки. Сделай хотя бы один глоток.

— Я уже напилась, — отвечает дочка Аня.

— Тогда ты, Ирочка, — протягивает папа Коля чашку жене.

— Я тоже напилась, — отказывается мама Ира.

Тут из маленькой комнаты послышался голос бабушки Тани. Она была старая-престарая, больная-пребольная. Да к тому же еще и слепая.

— Родненькие мои, — звала их бабушка. — Дайте мне чего-нибудь попить.

Папа Коля, мама Ира и дочка Аня обрадовались и понеслись в маленькую комнату.

— Мамуленька, хочешь молочка свеженького? — предлагает мама Ира. — Только что из магазина.

— Соглашайся, бабуленька, — вторит ей дочка Аня. — Молочко вкусненькое...

— Вкусненькое да беленькое, — подхватывает папа Коля и сует в руки бабушки Тани чашку с черным молоком.

А та и не видит, что молоко черное. Выпила залпом и губы облизала.

Папа Коля, мама Ира и дочка Аня смотрят на дорогую бабушку Таню. Ждут, что же сейчас будет.

И вдруг!

Превратилась бабушка Таня... в мерзкое чудовище с кривыми перепончатыми лапами!

— Р-р-р-р!.. — страшно зарычало чудовище, приподнимая зеленую морду с подушки.

— Ай-ай-ай! — испуганно завопили папа Коля, мама Ира и дочка Аня и бросились вон из комнаты. Выбежали в коридор и помчались на кухню.

Закрыв за собой кухонную дверь, они придвинули к ней холодильник.

А через минуту дверь затрещала под мощными ударами бабушки-чудовища.

— Дайте мне черного молока!! — ревела разъяренная бабушка Таня. — Хочу черного молока!!!

Мама Ира схватила помойное ведро и вылила в него остатки черного молока. И как раз вовремя, потому что чудовище, выбив дверь, уже вползало на кухню.

— Пожалуйста, Татьяна Алексеевна, пейте, — поставил папа Коля перед чудовищем помойное ведро.

Противное существо, громко хлюпая, стало лакать черное молоко из помойного ведра.

— Наша бабулечка молочко кушает, — захихикала мама Ира.

— Она очень любит молочко, — подхватила дочка Аня.

— Ну как, вкусненькое? — поинтересовался папа Коля.

— Еще хочу! — рявкнула бабушка-чудовище. — Давай еще! А то сейчас всех сожру, к чертовой матери!

— Я сбегаю в магазинчик, — засуетился папа Коля и хотел было убежать.

— А ну, стой, — прижало его лапой к полу чудовище. — Улизнуть надумал, касатик?

— Да вы что, Татьяна Алексеевна?! — возмущился папа Коля. — Как я могу бросить свою любимую жену и дорогую дочь. Разумеется, я вернусь... ну а если не вернусь, вы можете их съесть.

— Вообще-то верно, — рассудила бабушка Таня. — Ладно, иди да поторапливайся.

В этот момент холодильник сам-собою открылся и оттуда вывалилась бутылка с молоком. Да не с черным, а с белым.

— Есть молоко! Есть молоко!.. — заверещала мама Ира. — Не надо идти в магазин!.. — И она вылила всю бутылку в помойное ведро. — Пей, мамуленька...

Чудовище опять полезло зеленой мордой в ведро. Тут же все выхлебало и...

И вмиг стало прежней ласковой и доброй бабушкой Таней.

— О-хо-хонюшки, — с облегчением вздохнула она, — если б вы знали, родненькие, какой мне страшный сон приснился. Форменный кошмар. Будто я превратилась в мерзкое чудовище и пила из помойного ведра черное молоко. Представляете?

— Представляем, — сказал папа Коля.

— Бедненькая ты наша, — добавила мама Ира.

А дочка Аня предложила:

— Давайте сходим сегодня в зоопарк. Поглядим на диких зверей в клетках.

И дружная семья отправилась в зоопарк глядеть диких зверей.

Как знаменитый путешественник сэр Джеффри побывал на Том Свете

Как-то раз сэр Джеффри сидел у себя дома в Англии и ел рисовый пудинг. А тут входит его экономка мисс Брокс и говорит:

— Сэр Джеффри, к вам пожаловал падишах Персии Зуфар Мухаммед ибн Бей Свет. Прикажете впустить?

Не успел знаменитый путешественник ответить, как в комнату влетел маленький человек в шелковом тюрбане, шелковом халате и шелковых шароварах. Он бухнулся на колени и, воздев руки к потолку, заголосил:

— О великий путешественник, свет очей моих! О знаменитейший странник, осчастлививший своим присутствием все земные континенты! О всемогущий из всемогущих...

— Послушайте, Зуфар Мухаммед... э-э... ну и так далее, — перебил его сэр Джеффри. — А нельзя ли покороче?

— Можно, — сразу же согласился падишах. — Дело в том, что моя драгоценная дочь, принцесса Лейла, полюбила прекраснейшего из прекрасных, благороднейшего из благородных...

— Кха-кха, — кашлянул знаменитый путешественник.

— В общем, она хотела выйти замуж за принца Фархада, сына падишаха Месопотамского. И вот перед самой свадьбой ела Лейла жареных соловьев, а в окно залетел живой соловей. Принцесса по ошибке съела и его. А он среди ночи взял, да и запел у нее в желудке. Принцесса испугалась и умерла.

— Вот если б она ела рисовый пудинг, — заметила мисс Брокс, — с ней бы все было в порядке.

— Да что теперь говорить, — горестно вздохнул падишах.

— Ну а я-то тут при чем? — не понял сэр Джеффри.

— О, вы же такой знаменитый выдумщик! Поедьте со мною в Персию. Может, вы что-нибудь подскажите моим визирям.

Сели они на арабских скакунов и поскакали в столицу Персии, город Багдад.

А в Багдаде все слезами по принцессе обливаются. А больше всех обливается конечно же принц Фархад.

Пришли сэр Джеффри и падишах Зуфар во дворец, а там, в огромном зале, сидят визири.

— Ну что, Джафар, — с надеждой спрашивает падишах у самого мудрого визиря, — придумали вы, как оживить мою ненаглядную Лейлу?

— Увы, мой повелитель, — печально отве-

чает визирь Джафар. — мы не только не придумали — мы ее отнесли на кладбище и похоронили там.

Услышав эту скорбную весть, падишах Зуфар зарыдал, как младенец. А вслед за ним, тоже как младенцы, зарыдали все визири. Ну а принц Фархад уже давно рыдал.

— Мда, — задумчиво произнес сэр Джеффри.

Все сразу перестали рыдать и посмотрели на знаменитого путешественника.

— Сэр Джеффри, — говорит падишах Зуфар Мухаммед ибн Бей Свет, — вы произнесли свое знаменитое восклицание: мда. Не означает ли это, что есть надежда?.. Или же ситуация безвыходная?

— Безвыходных ситуаций не бывает, — сказал знаменитый путешественник. — Даже в глухой стене, если как следует приглядеться, всегда обнаружится дверца... Поэтому надо идти на Тот Свет и выручать мисс Лейлу.

— Но как туда попасть?! — в один голос воскликнули падишах Зуфар, принц Фархад и все визири.

— Попасть туда дело нехитрое, — отвечает сэр Джеффри. — Надо пойти на кладбище и закопаться там.

— Я готов! — вскричал пылкий Фархад.

— О, светлейший принц, — обратился к нему визирь Джафар, — вы не только не вернете с Того Света свою любимую Лейлу, но и сами оттуда не вернетесь. На Тот Свет дол-

роге появилась красивая женщина в расшитой сорочке. На украиночку похожа.

— Заходи, — говорит, — гость незваный.

Зашел сэр Джеффри. Так, мол, и так, рассказывает: ела принцесса Лейла жареных соловьев, а заодно и живого слопала. А он среди ночи взял, да и запел у нее в желудке. Принцесса испугалась и умерла. Нельзя ли эту ошибочку исправить?..

— Нельзя, — отвечает Смерть (ибо это была она). — Мертвый — он и есть мертвый. Обратное ему живым не стать.

— А в порядке исключения? — спрашивает хитрый сэр Джеффри.

— В порядке исключения? — повторила Смерть. — Хм. Надо подумать... Ладно, давай пока чайком побалуемся, а там видно будет.

Сели они чай пить, а сэр Джеффри знай Смерти всякие смешные истории рассказывает. То расскажет, как он вверх ногами ходил, то — как в желудок к Чудовищу угодил... Смерть хохочет, прямо заливается. Хи-хи да ха-ха... Видно, что сэр Джеффри ей по душе пришелся.

— Ой, не могу, — вытирает она слезы, выступившие на глазах от смеха, — насмешил ты меня, хлопец. А вот гопад ты умеешь танцевать?

А знаменитый путешественник ей в ответ:

— Гопад — мой самый любимый танец!

Да как пошел по горнице вприсядку. Смерть

не выдержала, тоже в пляс пустилась: ножками затопала, ручками захлопала...

Наплясались они вволю, Смерть и говорит:
— Ладно уж, забирай свою принцессу!

Дверь тут же распахнулась, и в горницу, словно голубка ясноглазая, влетела принцесса Лейла. И сразу сэру Джеффри на шею кинулась.

— Спасибо, спасибо, — благодарит его по-персидски. — Вы — мед моей души!

Ну а затем, распрощавшись со Смертью, сели сэр Джеффри и Лейла на черных птиц, и те вмиг доставили их во дворец падишаха Зуфара Мухаммеда ибн Бей Света.

— Получи свою красавицу, — говорит знаменитый путешественник принцу Фархаду.

Принц так обрадовался — ну прямо слов нет. А уж как принцесса Лейла обрадовалась — тем более слов нет. Кинулись они друг к другу в объятия. Целуются, милуются...

А падишах Зуфар поклонился сэру Джеффри и сказал:

— Если у моих детей слов нет, то у меня и подавно. Да и что тут говорить. Берите, сэр Джеффри, пол-Персии!

— А зачем мне пол-Персии? — удивился знаменитый путешественник.

Падишах ка-а-к бросит на пол свой тюрбан.

— А, гулять так гулять! — кричит. — Бери всю Персию!

— Да зачем мне ваша Персия? — смеется

сэр Джеффри. — У меня моя родная Англия есть.

И с этими словами, распрощавшись с падишахом Зуфаром, принцем Фархадом, принцессой Лейлой и всеми визирями, знаменитый путешественник вскочил на арабского скакуна и, покуривая свою знаменитую трубочку, поскакал домой. В родную Англию.

Как я стал мухой

Жил-был я. Однажды я, как обычно, стоял за прилавком своего магазинчика. За окном светило солнце. Под потолком жужжала муха. Все было как всегда. Вдруг дверь отворилась, и в магазин вошел странный посетитель. Вернее, когда он вошел, он еще не был странным. Станным он стал, когда заговорил.

— Я хочу купить сердце, — сказал он.

— Мы игрушек не продаем, — ответил я.

— Вы меня не поняли. Я хочу купить настоящее, живое сердце.

— Извините, но мы таким товаром не торгуем.

— Я хорошо заплачу, — настаивал незнакомец, вытаскивая из кармана пачку денег.

— Но у меня в магазине нет живых сердец, — сказал я. — Вы можете купить компьютер, телевизор, коробок спичек...

— Мне надо сердце, — твердо ответил посетитель. — Ваше сердце.

— Мое? — открыл я рот от изумления.

— Ваше, ваше, — спокойно подтвердил он.

— Тогда вы напрасно пришли, — сказал я. — Свое сердце я не продам.

— Понимаю, — кивнул незнакомец. — Задешево не продадите. А задорого?

И он вытащил из кармана еще одну пачку денег.

— Но как я буду жить без сердца? — неуверенно пробормотал я, косясь на деньги. — Это же невозможно.

— Возможно, — не согласился со мной незнакомец. — Многие так живут.

Он протянул ко мне руки в черных перчатках. Его пальцы вошли в мою грудь, как в воду. И уже через секунду на его ладонях лежало мое трепещущее сердце.

— До свидания, — значительно произнес странный покупатель и скрылся за дверью.

В груди у меня стало легко и свободно. Я кинулся пересчитывать деньги.

На другой день незнакомец снова пришел.

— Хотите купить еще одно сердце? — спросил я. — К сожалению, у меня больше нет.

— Зато у вас есть мозг.

Я невольно потрогал голову.

— Мозг?.. Но чем же я буду думать?

— А зачем вам думать?

— Сколько? — деловито осведомился я.

— Не беспокойтесь, много, — усмехнулся

незнакомец, выложив на прилавок три толстые пачки. Потом погрузил свои руки в мою голову и вытащил мозг.

С минуту мы его рассматривали. Честно говоря, извилин было не так уж и много. Достав грязный пакет, странный покупатель бросил туда мой мозг и удалился.

Я тут же пересчитал денежки. Их действительно оказалось много. Теперь не только в груди, но и в голове стало легко и свободно.

На третий день я уже ждал таинственного незнакомца. И он не обманул моих ожиданий. Явился.

— Здравствуйте, — сказал он. — Как поживаете?

— Прекрасно, — ответил я. — Больше никакая ерунда в голову не лезет. А вы хотите еще что-нибудь купить?..

— Правую ногу, — коротко бросил незнакомец.

У меня от удивления отвисла челюсть.

— А я что ж, буду на левой прыгать?

— Зачем вам прыгать? — пожал он плечами. — Стойте на одном месте.

Короче, в скором времени я продал ему все: руки, ноги, туловище, печеньку, селезенку и даже мочевой пузырь... Непроданной оказалась только голова без мозгов, лежащая на прилавке. Ну, с ней он даже разговаривать не стал, просто кинул в свой пакет и ушел.

В магазине осталась лишь моя душа.

Каково же было мое изумление, когда

странный покупатель на следующий день вновь появился.

— Вы хотите купить душу? — спросил я.

— Зачем мне ваша душа? — хмыкнул он. — Дайте лучше коробок спичек.

— Чем же я вам его дам? Руки вы у меня еще на прошлой неделе купили. Берите уж сами.

Незнакомец взял спички и закурил.

— Хотите стать мухой? — предложил он.

— Мухой? — переспросил я.

— Да, — кивнул он. — Будете тут летать вокруг лампочки. Жужжать. Ну-ка, пожужжите.

— Жжжжжжжж, — пожужжал я.

— Видите, как у вас хорошо получается, — похвалил он меня.

Так я стал мухой.

СТРАШИЛКИ

веселые и грустные

Как я летал в Малайзию

91

Как Наталья Николаевна съела поэта
Пушкина

98

Как я провел лето

99

Как мы с папой ходили на охоту

102

Как африканский лев преподавал
в школе литературу

105

Как знаменитый путешественник
сэр Джеффри был съеден
морским чудовищем

108

Как знаменитый путешественник сэр Джеффри вместо Парижа попал на планету Жирав	115
Дедушкин портрет	120
Мы все — инопланетяне	124
Загадка природы	128
Земляничкин, чудовище Вя-Вя и лунная монахиня	131
Спящий мальчик	142
Фантик от конфеты	144
О бедном рыбаке, его дочке Машеньке, поганом Чудище, майоре Сидорчуке и съеденной царевне	148

Как я летал в Малайзию

Как-то раз я написал сказку и решил отнести ее в детский журнал «Тик-так». Прихожу в редакцию, а там, прямо на столе, сидит главный редактор, задумчиво уставившись в потолок.

— Надо же, — рассуждает он сам с собой, — сколько на потолке места свободного. И диван можно поставить, и стол, и телевизор...

— Здравствуйте, — говорю я. — Вот сказку написал.

— Ну и что? — пожимает плечами главный редактор. — Прикажете сплясать по этому поводу?

И он, соскочив со стола, сплясал зажигательную «Лезгинку», затем исполнил па-де-де из балета «Спартак», а под конец сбавил брейк-данс.

— Теперь показывайте свою сказку, — слегка запыхавшись, говорит он. — Только издавека.

Я достал рукопись и показал. Главный редактор, чтобы лучше видеть, вытянул шею. Шея у него оказалась очень длинная. Почти как у лебедя.

— Ну что ж, отличная бумага, прекрасный шрифт. Будем печатать. Вот только, — он замаялся, — как с гонораром быть?.. Денег ведь вы не берете.

— Не беру, — твердо ответил я. — Деньги портят человека.

— Н-да, — озадаченно сказал главный редактор и, порывшись в кармане, вытащил оттуда зажигалку, авторучку, подшивку «Тик-така», яблочный огрызок, живого хомячка, дырку от бублика, противотанковую гранату и многое-многое другое. Наконец он нашел то, что искал.

— Вот, держите, — протянул он мне мятый билет на самолет. — Через час вы летите в Малайзию. По-моему, вас там только и не хватает... — Подумав, редактор протянул мне еще и яблочный огрызок. — Возьмите яблочко на дорожку.

Я взял огрызок и отправился в аэропорт.

Как только «Боинг-747» взмыл в синее небо, в салон вошла стюардесса.

— Добрый день, дамы и господа, — сказала она. — Меня зовут Аленушка. Наш полет проходит на высоте 6000 метров. Мы летим в Малайзию. Командир экипажа — летчик первого класса Игнат Терентич Кадыгроб. Игнат Терентич — очень опытный пилот. Пять раз

он попадал в авиакатастрофы и все пять раз оставался в живых. Счастливого вам полета, дамы и господа. Спасибо за внимание.

После этого стюардесса подошла лично ко мне.

— Вы случайно не Ганс Христиан Андерсен? — спросила она.

— Нет, — ответил я, — мои родители называли меня по-другому.

— Но вы же пишете сказки?.. А наш командир обожает сказочки. Как только он узнал, что вы летите этим рейсом, он сразу же захотел с вами познакомиться.

Я прошел в носовой отсек. Там сидел летчик Кадыгроб и два его помощника. Они играли в шашки. В поддавки.

— А-а! — радостно вскричал Кадыгроб, пожимая мне руку. — Здравствуйте, здравствуйте, господин Андерсен. Очень приятно познакомиться. Кадыгроб Игнат Терентич.

— Мне тоже очень приятно, — ответил я. — Но, к сожалению, я не Андерсен.

Он очень удивился.

— А разве это не вы написали про Снежную королеву, которая живет на крыше?

— Нет, не я.

— Тогда до свидания. — Кадыгроб вновь пожал мне руку. — Если увидите Андерсена, передайте ему привет. — И он опять уселся играть в шашки.

— Простите, а кто управляет нашим самолетом? — спросил я.

— Да сын мой, Андрюха, — ответил Кадыгроб. — Дай, говорит, папка, порулить немного. А мне что, жалко? Рули на здоровье.

— Вы хотите сказать, что самолетом управляет... ребенок?

— Ничего себе ребенок! Парню уже пять лет стукнуло. В следующем году в школу пойдет. Так что пускай привыкает к ответственности за чужие жизни. В руках моего Андрюхи двести человеческих душ! — гордо заявил Кадыгроб. — Включая, между прочим, и вашу. А вы говорите — ребенок.

Я вернулся на свое место. Не успел я сесть, как ко мне снова подошла стюардесса Аленушка.

— Наш самолет падает, — шепнула она.

— А что вы мне-то шепчете? — пожал я плечами. — Идите вон к Кадыгробу и шепчите ему, сколько влезет.

— Командир и его помощники спать легли, — ответила стюардесса. — Они всю ночь в шашки играли. Не выспались. Их теперь из пушки не разбудишь.

— А сын Кадыгроба чего?

— Плачет. Есть хочет.

Я вытащил из кармана яблочный огрызок, которым меня угостил главный редактор «Тик-така».

— Вот, отнесите ему яблочко.

Аленушка ушла, а через минуту вернулась.

— Слопал он ваш огрызок, — говорит. — И теперь тоже спит.

— Как спит?! — ахнул я. — В его же руках двести человеческих душ! Включая, между прочим, и мою!

— А он спит. Чего вы хотите — малышу три годика.

— Как три?! — опять ахнул я. — Кадыгроб же говорил — пять лет!

— Игнат Терентич специально ему два года накинуд, чтоб госкомиссия допустила Андриюшу к управлению самолетом. А на самом деле ему три годика.

«Да-а... — думаю. — Ну и дела-а...»

А остальные пассажиры сидят себе хоть бы хны; кто книжку читает, кто семечки лузгает...

А самолет падает!

— Вот что, Алена, — распорядился я, — откройте-ка люк. Посмотрим, куда мы сейчас гробанемся по милости вашего Кадыгроба.

Открыла стюардесса люк. Пригляделся я как следует. А под нами... Малайзия. Так что смело можно падать. Считай, прилетели.

— Граждане пассажиры, — официальным тоном объявила Аленушка. — Пристегните ремни. Падаем на посадку.

...Упали мы на посадку. А на посадке стоит негр.

— Это Малайзия? — спрашиваю я у него.

— Как скажете, — вежливо отвечает негр.

Стюардесса Аленушка огляделась и говорит:

— А по-моему, это Полинезия.

— Как скажете, — снова вежливо отвечает негр.

— А сами-то вы кто будете? — интересуюсь я.

— Президент этой африканской республики. Господин Матука.

— Так, значит, это Африка! — догадался я.

— Ну в общем, да, — кивает президент. — Приглашаю вас в Медицинский центр. Там с вас белую кожу спустят, а черную натянут. Чтобы вы от африканцев не отличались.

— Ой, как здорово! — захлопала в ладоши Аленушка. — Я стану негритяночкой!

Но лично мне предложение президента не понравилось.

— А нельзя ли нас просто черной краской выкрасить? — спрашиваю.

— Но это же оскорбит ваше человеческое достоинство, — отвечает Матука.

— Ничего, — говорю, — мы в России к этому привыкли. Так что оскорбляйте, ну то есть красьте.

И нас с Аленушкой выкрасили в черный цвет.

— Вот вы и негр, господин Роньшин, — говорит мне президент. — Поздравляю.

— Вы меня знаете? — удивился я.

— У нас в Африке вас каждая макака знает, — смеется Матука. — Это же вы написали: «Не ходите дети в Африку гулять! В Африке гориллы, злые крокодилы! В Африке ужасный БАР-МА-ЛЕЙ!»

— Да, — отвечаю в шутку. — Я написал.

Не успел я пошутить, как меня взяли под арест два здоровенных охранника, похожих на тех самых горилл из «моего» стихотворения.

— Вы арестованы, — сказал президент Матука.

— За что?! — воскликнул я.

— Вот за эти самые стихи. Из-за них к нам в Африку перестали ездить туристы с детьми. Боятся злых крокодилов и ужасного Бармалея. Так что, если вы сию же секунду не напишете опровержение, я вас... *съем!*

Я, естественно, сию же секунду написал опровержение: «Приходите дети в Африку гулять! Ездят здесь комарики на воздушном шарике! И живет прекрасный дядя Бармалей!»

Президенту так понравился этот стишок, что он тут же назначил меня главным редактором детского африканского журнала «Юный людоед».

Стюардесса Аленушка вышла за меня замуж, и вскоре черный аист принес нам черную девочку. Когда девочка выросла, она, в свою очередь, вышла замуж за Андрея, сына летчика Кадыгроба. Сам же Кадыгроб стал писать сказки и подписывать их — «Ганс Христиан Андерсен». На что главный редактор «Тик-така» ему однажды сказал:

— Вы, Кадыгроб, такой же Ганс Христиан Андерсен, как я — «Боинг-747».

Игнат Терентич обиделся на главного ре-

доктора и перестал читать журнал «Тик-так». Но это уже его личное дело.

Как Наталья Николаевна съела поэта Пушкина

Мало кто знает, что жена поэта Пушкина, Наталья Николаевна Гончарова, была самой настоящей людоедкой. Из-за нее у Пушкина постоянно происходили неприятности. Приедет, бывало, великий поэт в Михайловское стихи пописать. Вдруг стук в дверь.

Входит управляющий и у порога мнетя.

— Ну что там еще? — с досадой поворачивается от стола Пушкин.

— Так что, барин, жена, значит, ваша намедни двух мужиков съела.

— Каких еще мужиков? — морщится Пушкин, слыша неправильную русскую речь.

— Прохора, пастуха, стало быть. И Егора Трофимова, он в кузне работал.

А тут и сама Наталья Николаевна таким пушистым котенком ластится.

— Сашенька, Сашенька. Не дашь ли денег на булавки?

— Ты вот что, Наталья, — строго говорит ей Александр Сергеевич, — ты кончай такими делами заниматься. Мы все-таки не в Африке живем, а в Михайловском. А если до господаря дойдет?.. Тогда что?..

— О чем ты, дорогой? — дурочкой прикидывается Наталья Николаевна.

— Ты дурочкой не прикидывайся. Только что управляющий приходил. Опять ты двух мужиков съела. Ты же в прошлый раз мне слово давала, что с этим навсегда покончено!

— Ну а если мне кушать хочется? — капризничает Наталья Николаевна.

— Мне тоже много чего хочется, — отвечает Пушкин. — Но я себя сдерживаю. И ты себя изволь сдерживать!

— Хорошо, Александр Сергеевич, — злоецце так говорит Наталья Николаевна. — Хорошо.

И молча — за дверь.

А на другой день — где Александр Сергеевич? Нет Александра Сергеевича.

Искали-искали... В пруду багром шарили. Лягушки — есть. Раки — есть. Великого русского поэта — нет.

Съела.

Это уж потом придумали Дантеса... дуэль на Черной речке... Нет, Дантес, конечно, тоже был. Да только прожорливая Наталья Николаевна его еще раньше Пушкина слопала. Так что убить «солнце русской поэзии» он никак не мог.

Как я провел лето

Летом папа с мамой всегда ездят на заработки. Папа, взвалив на спину рюкзак, едет на Север, в тайгу, к геологам. А мама, перекинув через плечо сумочку, улетает на юг, к морю.

Ну а меня отправляют в деревню. К бабушке. Здесь, конечно, классно! Речка. Лес...

Одно только плохо — пацанов нет, с которыми можно было бы в футбол поиграть или на рыбалку сгонять... Все время один да один.

И вот как-то раз захожу я в избу и вижу: сидит моя бабушка за столом, а голова ее лежит на столе.

— Бабушка! — ахнул я. — Ты что — ведьма?!

— Да, внучок, — отвечает бабушкина голова, — ведьма. Да еще какая!

Бабушка убрала свою голову в комод, а вместо нее достала другую. Мальчишечью. И надела ее себе на плечи.

Вылитый пацан моих лет получился.

— Бабушка! — снова ахнул я. — У тебя что — две головы?!

— Ага, — отвечает бабушка-пацан. — Знаешь поговорку: «Одна голова хорошо, а две лучше». — И, подмигнув, добавила: — Пошли в соседский сад яблоки воровать!

Вот так моя бабушка!..

А на другой день мы играли в футбол, лазили по деревьям, бегали на речку купаться... Короче, бабушка оказалась классным парнем!

Каждый вечер мы теперь ходили на рыбалку. И никогда без рыбы не возвращались, потому что глушили ее динамитом.

А вернемся с рыбалки — бабушка опять старушечью голову наденет и сварит уху.

Сидим, едим... Клево!

А потом бабушка спать меня укладывает. И перед сном обязательно сказочку расскажет...

И вот однажды в один из таких вечеров бабушка мне и говорит:

— А ведь ты, внучок, колдун.

— Как это? — не врубился я.

— А так, — отвечает бабушка. — У тебя родинка на спине, чуть ниже левой лопатки. А у кого на этом месте родинка — тот самый настоящий колдун.

Пощупал я спину. И вправду — есть родинка.

С тех пор бабушка начала учить меня колдовать. И я оказался способным учеником. Бывало так расколдуюсь — по всей деревне изображение в теликах пропадает... Вскоре я себе тоже запасную голову сделал. Старческую. Чтобы, когда в город вернусь, место никому в трамвае не уступать. А уж как я порчу наловчился наводить — это полный отпад!.. Бабушка на меня прямо нарадоваться не могла. И в качестве поощрения давала свою метлу. Полетать.

Вот это было круто! Несешь на метле, как на истребителе. Ветер в лицо бьет. Зашибись!

Короче, прикольно лето прошло.

А в конце августа мама с папой пожаловали. Папа приплелся пешком, искусанный мошкаррой и усталый как собака. А мама прикатила на тачке, в новеньком платьице, с новенькой сумочкой; и заработала она раз в двадцать больше папы. И не в рублях, а в долларах.

— Ну в рот-компот, — с горечью вздыхал папа, — и почему я женщиной не родился?..

— Ой, ты ничего не понимаешь, — морщилась мама. — Быть мужчиной — так романтично. Я всегда мечтала попасть в тайгу, к геологам. Спать там на сухом валежнике у костра, чувствовать, как комары сосут кровь...

Послушал, послушал я эти разговоры и решил сделать родителям доброе дело, хотя и был злым колдуном. Пошел в лес, насобирал там разных волшебных трав, сварил волшебное варево, да и влил мамочке с папочкой в уши, когда они дрыхли.

И уже на следующее лето папа, перекинув через плечо сумочку, улетел на юг, к морю; а мама, взвалив на спину рюкзак, потопала туда, куда всегда мечтала: в тайгу, к комарам и геологам...

Ну а я отправился в деревню. К бабушке.

Как мы с папой ходили на охоту

Мой папа — заядлый охотник. Вот однажды он мне и говорит:

— Завтра, сынок, пойдешь со мной на охоту. Парень ты уже большой, пора тебе привыкать к убийствам.

На другой день взяли мы по охотничьему ружью и отправились в лес. Ходили-ходили, никакая дичь не попадает.

Совсем приуныли.

И вдруг что-то зашуршало за кустами. Подкралась мы тихонечко, смотрим, а это толстый дяденька на пенечке сидит и газеты листает.

— Целься, сынок, — папа мне шепчет. — Только старайся в глаз попасть, чтоб газету не испортить.

Я прицелился: бах! бах!.. Промазал!

Дяденька вскочил с пенька, бросил газеты и — бежать! Папа ему вслед из своего ружья: бах! бах!.. Да куда там: дяденька так припустил — только пятки засверкали!

Взяли мы газеты и пошли дальше.

— Эх, елки-моталки, — вздыхает папа по дороге. — Такого жирного мужика упустили.

Опять ходили-ходили; опять ничего не попадается. Наконец, смотрим: старушка грибы в корзинку собирает.

— Ну давай хоть бабку подстрелим, — говорит папа. — Не с пустыми же руками домой возвращаться.

Вскинул он ружье и в старушку: бах! бах!.. Ну и я, конечно, тоже: бах! бах!..

Старушонка через голову перекувырнулась, в сторону прыгнула и — только мы ее и видели!

Вконец папа расстроился.

— Что за невезуха? — вздыхает.

Вдруг деревья поредели и полянка впереди показалась. А на полянке девушка сидит. Голая.

Я тут же ружье зарядил и прицелился.

— Погоди, сынок, — остановил меня папа. — Живьем возьмем.

Вышли мы на полянку и пошли к голой девушке. А девушка хоть бы что. Сидит себе, не шелохнется.

Подходим ближе, а это — резиновая кукла!

— Мы попались! — закричал папа диким голосом. — Это приманка! Бежим, сынок!

Побросали мы ружья с газетами и бежать! А позади нас азартные выкрики других охотников слышны:

— На красные флажки их гоните! На красные флажки!

А папа мне орет:

— Петляй, сынок, петляй!

Так и несемся во весь дух; петляя, как зайцы. А нам вслед выстрелы раздаются: трах! бах! тарарах! И даже: тра-та-та-та-та... Видать, кто-то из пулемета поливает!

Короче — попали в переделку. Домой только к вечеру приползли. Грязные, усталые, перепуганные.

— Ну что, горе-охотники, — смеется мама. — Сами чуть дичью не стали?

— Это потому, что у нас приманки не было, — оправдывается папа. — В следующий раз и ты с нами на охоту пойдешь.

А вскоре у меня был день рождения. И папа подарил мне новенькое ружье. С оптическим прицелом.

Так что теперь уж я не промахнусь!

Как африканский лев преподавал в школе литературу

Жил в одном цирке африканский лев. Звали его Лев Львович. Он очень любил клюквенное мороженое. И вот однажды, когда дрессировщик Иголкин долго не давал ему клюквенного мороженого, Лев Львович обиделся и ушел из цирка.

«Пойду сам куплю себе мороженого», — решил он.

И пошел...

Но мороженого в городе нигде не было. Тогда африканский лев от нечего делать забрел в среднюю школу. И попал прямо в кабинет директора.

— Здравствуйте, — говорит Лев Львович директору. — Вам преподаватели не требуются?

— Еще как требуются! — обрадовался директор. — Вот буквально сейчас срывается урок в 4 «Б», потому что нет учителя литературы!

— Ну так давайте я проведу урок, — предложил Лев Львович.

— Конечно, конечно, — засиял от восторга директор. — Только учтите: класс очень трудный. А самый трудный в классе — Димка, двоечник и хулиган.

Пришел африканский лев в 4 «Б» и говорит:

— Здравствуйте, детки. Я ваш новый учитель. И учить я вас стану по-новому. Двоечнику ставить не буду.

— Ура-а! — радостно закричали дети.

— Подождите радоваться, — говорит им Лев Львович. — Двоек я ставить не буду, но тех, кто не выучил урок, я съем.

Дети сразу притихли и боязливо съежились.

А Лев Львович открыл классный журнал.

— Та-а-к, — водит усами по странице. — Кто тут у нас двоечник и хулиган Димка?

— Это я, — поднялся Димка со своего места.

— А ну-ка, Дмитрий, — приказывает Лев Львович, — скажи мне, кто такой Пушкин?

Димка наморщил лоб и задумался. Думал-думал, думал-думал, а потом и говорит:

— Пушкин — это изобретатель пушки.

Лев Львович раскрыл свою огромную пасть и — АМ! — проглотил бедного Димку...

Все остальные ученики сразу же лихорадочно залистали учебники.

...А в это время дрессировщик Иголкин, обнаружив исчезновение африканского льва, отправился на поиски. У дрессировщика был отличный нюх, поэтому он с ходу взял след Льва Львовича. И след привел его в кабинете директора школы.

— Извините, — говорит Иголкин директору, — к вам, случайно, африканский лев не забегал?

— Забегал, — отвечает директор. — Он сейчас урок проводит в 4 «Б».

От этих слов у Иголкина лысина дыбом встала.

— Да вы что?! — кричит. — С ума сошли?! Это же лев!! Понимаете?! Африканский лев!!!

— Я все отлично понимаю, — спокойно кивает директор. — Но и вы меня поймите: у нас в школе учителей не хватает.

Укротитель Иголкин, не слушая директора, выскочил из кабинета и — прямиком в 4 «Б»!

А здесь уже урок к концу подходит. Лев Львович всех учеников проглотил. Осталась одна Настя. Отличница.

— Кто такой Шекспир? — спрашивает у нее Лев Львович.

— Великий английский писатель, — без запинки отвечает Настя.

— А кто такой Бальзак? — спрашивает у нее Лев Львович.

— Великий французский писатель, — снова без запинки отвечает Настя.

— А кто такой... — Лев Львович свою пышную шевелюру лапой чешет, не зная, про кого бы еще спросить.

— Великий писатель, — торопится ответить Настя.

Тут дверь широко распахнулась, и в класс влетел дрессировщик Иголкин.

— Лева! — завопил он. — А я тебя по всему городу ищу!

— А чего меня искать? — фыркнул Лев Львович. — Я теперь литературу преподаю. Так что в цирке можешь сам себя дрессировать.

— Левочка, — вкрадчиво говорит хитрый Иголкин, — совсем забыл тебе сказать: в цирк

привезли сто килограммов клюквенного мороженого. Специально для тебя. Но раз ты теперь преподаватель, ничего не поделаешь, придется мне все съесть.

Лев Львович облизнулся при упоминании любимого лакомства.

— Ладно уж, Иголкин. Пошли. Где там мое мороженое лежит?

— Левушка, — опять вкрадчиво говорит Иголкин, — ты бы детишек отпустил, чтоб мороженого в живот больше влезло.

— И то верно, — согласился Лев Львович и широко раскрыл зубастую пасть. Тотчас оттуда выскочил весь 4 «Б» во главе с двоечником и хулиганом Димкой.

— Дети, — обратился к ним дрессировщик, — я вас приглашаю на вечернее цирковое представление. Увидите, как ваш преподаватель будет прыгать сквозь горящий обруч и ходить по канату.

— Спасибо за приглашение, — отвечает за всех Димка. — Но нам некогда развлекаться. Литературу учить надо.

Как знаменитый путешественник сэр Джеффри был съеден морским чудовищем

Как-то раз сэр Джеффри плыл на большом корабле по Атлантическому океану. И когда он ранним утром прогуливался по па-

лубе, к нему подскочила бойкая журналистка.

— Сэр Джеффри, — сказала она, — можно взять у вас интервью?

— Берите, — разрешил знаменитый путешественник.

Бойкая журналистка достала из сумочки диктофон и начала задавать вопросы:

— Вы слышали про ужасное чудовище, которое поднялось из морских глубин и предъявило английской королеве ультиматум? Либо оно становится королевой Англии, либо ее съест.

— Кого съест? — не понял сэр Джеффри. — Королеву?

— Нет, Англию!

Знаменитый путешественник с сомнением покачал головой.

— Я не думаю, что чудовище может съесть нашу старую добрую Англию. Ведь Англия такая большая.

— Но чудовище уже проглотило один из английских островов! — воскликнула бойкая журналистка. — Сэр Джеффри, а вы не хотите сразиться с морским чудовищем?

— Вообще-то особого желания не испытываю, — честно признался знаменитый путешественник. — Но, по-видимому, именно мне придется это сделать. Кому ж еще?..

— А скажите, пожалуйста, — задала бойкая журналистка следующий вопрос, — как начинаются ваши знаменитые приключения?

— Ну-у, по-всякому бывает, — ответил сэр Джеффри. — Обычно ничего заранее не предвещает очередного приключения. Вот как, например, сегодня: светит солнышко, веет ветерок, и вдруг ни с того, ни с сего — р-раз!..

Не успел он произнести эти слова, как на корабль обрушилась огромная волна и — р-раз!.. — смысла знаменитого путешественника за борт. Только мелькнули его знаменитые ботинки.

Таким образом, очередное приключение сэра Джеффри началось!

А под водой его поджидало малосимпатичное чудовище. Оно тут же — АМ! — и проглотило знаменитого путешественника.

И сэр Джеффри скатился по скользкому пищеводу прямоком в чудовищный желудок.

Первое, что он там увидел, был английский остров, который чудовище слопало на прошлой неделе. На острове, пощипывая травку, паслась белая коза. А неподалеку от нее, у костра, сидел морячок в тельняшке.

— Так что разрешите представиться, — бодро сказал морячок. — Боцман Кузьмич со шхуны «Только вперед»!

— Знаменитый путешественник сэр Джеффри, — скромно ответил сэр Джеффри.

Боцман подоил козу и угостил сэра Джеффри парным молочком.

— Я в этом Чуде-Юде второй месяц кантуюсь, — начал рассказывать Кузьмич. — Ни-

чего-о, жить можно. Земля плодородная. Сверху полезные вещи падают...

Как бы в подтверждение его слов на остров упал телевизор. По телевизору выступала бойкая журналистка.

— Я веду прямой репортаж с борта океанского лайнера! — возбужденно говорила она. — Только что на моих глазах произошло сенсационное событие. Ужасное чудовище проглотило всемирно известного путешественника сэра Джеффри! На очереди — наша бедная Англия!..

Не успела она это сказать, как по экрану пошли полосы. А в следующую минуту бойкая журналистка шлепнулась на траву рядом с белой козой. Коза испуганно шарахнулась в сторону.

— Эх-ма, — почесал затылок боцман Кузьмич. — И ее Чудо-Юдо сожрало.

Сэр Джеффри помог даме подняться.

— Надеюсь, вы не ушиблись, мисс? — галантно осведомился он.

— Это что ж получается? — залепетала бойкая журналистка, которая была уже совсем не бойкой. — Выходит, меня съели?!

— Совершенно верно, — подтвердил знаменитый путешественник. — Если я был скушан на завтрак, то вы, по всей видимости, на обед.

— Что же делать?! Что же делать?! — забегала по острову журналистка.

— А ничего не делать, — сказал боцман Кузьмич. — Че вы, дамочка, переживаете?

Молоко есть. Телевизор есть. Че еще надо?.. Мы в России к такой жизни привыкшие.

— Вы, может, в России и привыкшие, — ответила журналистка, — а мы в Англии не привыкшие...

И видя, что с боцманом каши не сварить, она обратилась к знаменитому путешественнику:

— Сэр Джеффри, придумайте что-нибудь! У-мо-ля-ю!..

Как истинный джентльмен, сэр Джеффри конечно же не мог отказать даме. Он на секунду задумался и — придумал.

— Надо пощекотать чудовищу нос травинкой, оно чихнет, и мы вылетим через его ноздри на свободу.

Сказав это, знаменитый путешественник тотчас осуществил свой блестящий план.

— А-а-а-пчхи-и-и!! — громко чихнуло чудовище, и сэр Джеффри вылетел через огромную ноздрию на свободу. За ним вылетела довольная журналистка, за журналисткой — недовольный боцман, за боцманом — белая коза, за козой — английский остров. Все они оказались парящими в синем небе.

А чудовище все чихало, чихало и чихало, никак не могло остановиться. И с каждым чихом оно делалось все меньше, меньше и меньше... Пока, наконец, не превратилось в ма-а-ленькую рыбку. Рыбка махнула хвостиком и уплыла под воду.

— Сенсация! Сенсация! — закричала жур-

налистка, вновь становясь бойкой. — Ужасное чудовище больше не угрожает нашей любимой Англии! Я сейчас же лечу на телевидение, чтобы сообщить всему миру это сногсшибательное известие!

И она умчалась на телевидение, прихватив с собой английский остров.

— Смотрите, это же Кузьмич! — раздалось снизу сразу несколько голосов.

Боцман глянул вниз и увидел родную шхуну «Только вперед». На палубе толпились матросы и тыкали пальцами в небо. Кузьмич хотел было сделать вид, что он ничего не видит и не слышит, но тут из капитанской каюты вышел грозный капитан и рявкнул прокуренным басом:

— Боцман, медуза тебе в глотку! Сейчас же прекратить этот дурацкий полет и приступить к выполнению служебных обязанностей!

— Охо-хонюшки, — горестно вздохнул Кузьмич. — Как хорошо в Чуде-Юде было. Землица, коза... А теперь опять походы, вахты... Тоска-а...

И он принялся уныло спускаться к шхуне. Не забыв, впрочем, прихватить козу.

Ну а знаменитый путешественник сэр Джеффри отправился к себе домой. В Англию.

Подлетев к берегам родной страны, он увидел, что весь остров украшен красочными флагами и плакатами с надписью:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ СПАСИТЕЛЬ — ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК СЭР ДЖЕФФРИ!!!»

На столичном аэродроме собралась многотысячная толпа встречающих, стоял навытяжку почетный караул, и сама королева Англии, волнуясь, держала в руках огромный букет алых роз.

Когда знаменитый путешественник приземлился, королева подарила ему эти розы.

— Сэр Джеффри, — торжественно произнесла она. — Вы оказали Англии неоценимую услугу. За это я готова сделать для вас все, что вы захотите.

— Сделайте тогда яичницу с беконом, — попросил знаменитый путешественник. — А то я слегка проголодался.

Английская королева, потрясенная скромностью сэра Джеффри, воскликнула:

— И это все, что вы хотите?!

— Ну еще, пожалуй, я бы не отказался от кружечки доброго старого эля.

В этот момент из толпы встречающих выскочил кот знаменитого путешественника — Пегги и, подбежав к своему хозяину, что-то быстро зашептал ему на ухо.

— Ах, да, — вспомнил сэр Джеффри. — Ваше Величество, мой кот Пегги давно мечтает стать премьер-министром Англии.

— Мур-р... — Хитрюга Пегги потерял пушистой шерсткой о платье королевы. — Мечта-а-ю...

— Для того, чтобы стать премьер-министром, одних мечтаний мало, — строго сказала королева. — Надо еще уметь читать и считать.

— А я умею считать, — похвастался кот Пегги. — До десяти. И читаю. По слогам.

Королева милостиво улыбнулась.

— Тогда все в порядке, милый Пегги. Назначая тебя премьер-министром!

— Ура-а! — закричал кот Пегги, потому что он стал премьер-министром Англии.

— Ура-а! — закричала королева, потому что морское чудовище больше не угрожало ее королевству.

— Ура-а! — закричал весь народ, потому что народ всегда кричит «ура».

А сэр Джеффри закурил свою знаменитую трубочку и, покачав знаменитой головой, произнес:

— Мда.

Как знаменитый путешественник сэр Джеффри вместо Парижа попал на планету Жирав

Как-то раз к знаменитому путешественнику сэру Джеффри пришел в гости не менее знаменитый сыщик Фокс. Они раскурили свои знаменитые трубочки и стали разговаривать.

— Что вы сейчас расследуете, Фокс? — спросил знаменитый путешественник у знаменитого сыщика.

— О-о, — протянул сыщик Фокс. — Сейчас я распутываю очень запутанное преступление. Дело в том, что куда-то пропадают пассажирские поезда, следующие по маршруту «Лондон — Париж». Причем пропадают — *бесследно*.

— Как это — *бесследно*? — не понял сэр Джеффри.

— А так. Никаких следов от них не остается.

— Не может быть! — воскликнул знаменитый путешественник.

— Сами убедитесь, — ответил ему на это знаменитый сыщик.

И сэр Джеффри пошел на вокзал. Убеждаться.

Взял билет. Сел в поезд «Лондон-Париж». И поехал.

Едет-едет, едет-едет... Ночь прошла. Утро наступило. Поезд никуда не пропал.

А тут и — Париж.

Вышел знаменитый путешественник на перрон и чувствует: что-то здесь не то. Хотя вроде бы — все то. Эйфелева башня стоит... речка Сена течет...

И вдруг сэр Джеффри понял, что *не то*. Встречающих нет! И провожающих тоже нет! Не говоря уже об отъезжающих... Вообще никого нет!

Только прибывшие идут по перрону: топ-топ, топ-топ...

Знаменитый путешественник пошел

вместе со всеми. Подошел он к вокзалу и... ахнул.

Потому что это был никакой не вокзал, а обыкновенный кусок фанеры, грубо размалеванный под вокзал. Эйфелева башня тоже оказалась фанерная, не говоря уже о речке Сене... В общем, сплошная бутафория!

А за этой бутафорией, насколько глаз хватает, расстилается неземной пейзаж: коричневая земля без единой травинки и коричневое небо без единого облачка.

И так — до самого горизонта. А над горизонтом два зеленых солнца светят.

И тут же кругом — тараканы, тараканы, тараканы... Кишат прямо. Да не маленькие, а каждый с корову величиной.

— Р-раз-берись по пятеркам! — командуют. — Чего топчетесь, как бар-раны!

Бывшие пассажиры подчиняются. А что делать? Небось, не на Земле... Разобрались по пять человек и пошли строем.

Тараканы — по бокам.

Рядом с сэром Джеффри шел самый крупный таракан, видно, начальник над остальными.

— Послушайте, сэр, — обратился к нему знаменитый путешественник. — А вы кто?..

— Мы, — важно ответил таракан, — самая могущественная цивилизация на всем Млечном Пути.

— А что вам от нас надо? — продолжает интересоваться сэр Джеффри.

— Нам надо, — отвечает таракан, — чтобы все земляне переселились с Земли сюда, на планету Жирап. Тогда мы, жирапяне, переселились бы на вашу Землю. Потому что наш Жирап маленький. Нам места не хватает.

«Ишь чего захотели», — думает знаменитый путешественник. А вслух говорит:

— Это не планета у вас маленькая, а вы сами слишком большие. У нас на Земле тоже живут тара... э-э... представители могущественной жирапянской цивилизации. Только они в тысячу раз меньше вас.

— Выходит, они и едят в тысячу раз меньше? — пошевелил усиками жирапанин. — Вот это экономия!

И он стал горячо упрашивать сэра Джефффри, чтобы тот уменьшил его до размера земных тараканов. А заодно уменьшил бы и всех остальных жирапян.

Знаменитый путешественник поломался для вида, да и согласился.

— Ладно уж, — говорит. — Но для этого мне нужен мой друг. Изобретатель Фил.

Жирапанин замахал всеми своими лапами.

— Никаких проблем! Сейчас я его доставлю!

И тотчас в коричневом небе показалась ма-ленькая такая точка. Она стала расти-расти-расти и скоро превратилась... в кровать, на которой спал изобретатель Фил.

Когда кровать опустилась на планету Жи-рап, изобретатель Фил сладко потянулся и сказал сам себе:

— Приснится же такая ерунда. — Но тут он увидел сэра Джеффри и добавил: — Джефф, ты что, решил попутешествовать в моем сне?

— Это вовсе не сон, Фил, — ответил знаменитый путешественник и в двух словах изложил суть дела.

Изобретатель Фил окончательно проснулся, собрал из частей своей кровати «уменьшитель» и уменьшил всех жирапян до размеров земных тараканов.

— Ура-а! — закричали жирапiane и разбежались по планете Жирав, которая теперь казалась им самой огромной планетой во Вселенной.

А земляне соединили все вагоны в один состав и отправились в обратный путь. На Землю. Поезд получился такой длинный, что, когда передние вагоны въезжали в Париж, задние еще тащились по Млечному Пути.

На столичном вокзале межпланетный состав встречал сам Президент Франции.

— Дорогой меcье Джеффри, — важно сказал Президент, — вы оказали Франции огромную услугу, вернув с планеты Жирав все наши поезда с пропавшими пассажирами. Поэтому в знак благодарности я хочу вручить вам чек на сто миллиардов франков.

— А зачем мне столько денег? — удивился знаменитый путешественник. — Камин, что ли, ими топить?

— Это ваше дело, — ответил Президент. — А мое дело — вручить чек.

И он торжественно вручил сэру Джеффри чек на сто миллиардов франков.

И теперь, когда сэр Джеффри вечерами покуливает свою знаменитую трубочку, у него в камине уютно потрескивают французские денежки.

Дедушкин портрет

Однажды мы сидели на кухне и ужинали. Вдруг заходит моя бабушка и говорит:

— Смотрите, что я нашла в старом альбоме.

И показывает военную фотографию дедушки. Дедушка в пилотке набекрень, усы лихо закручены, на шее автомат висит.

— Снесу ее в фотоателье, — говорит бабушка. — Пусть большой портрет сделают. А я его потом на стенку повешу. Напротив кровати.

Прошла неделя. Наступила ночь.

Спим мы себе, и вдруг на всю квартиру:

Тра-та-та-та-та!!!

Мы вскочили и помчались в бабушкину комнату. Прибегаем, а там бабушка лежит, вся изрешеченная пулями.

Приехала, конечно, милиция. Смотрели-смотрели. Кто стрелял?.. Откуда стреляли?..

Ни-че-го непонятно.

Начали мы было горевать по нашей любимой бабушке, а папа и говорит:

— Че о ней горевать-то? Зато комната освободилась.

Ну, мы и перестали... Прошла еще неделя. Приехала к нам тетя Груша из Житомира. Рояль купить. Мама ей постелила на бабушкиной кровати. Легли мы все спать.

Вдруг посреди ночи:

Тра-та-та-та-та!!!

Вскочили мы и понеслись в бабушкину комнату. Прибегаем и видим: лежит тетя Груша, вся изрешеченная пулями.

Опять приехала милиция. Опять смотрели-смотрели. Опять ничего не поняли.

Начали мы было горевать о тете Груше, а папа и говорит:

— Че о ней горевать-то? Зато теперь у нас рояль есть.

Прошла еще неделя. И вот как-то захожу я в бабушкину комнату, смотрю на дедушкин портрет и вижу: раньше автомат у дедушки на шее висел, а сейчас он его в руках держит.

Тут-то я все и понял.

— Дедушка, — говорю, — так, значит, это ты стрелял?!

— Тише, тише, внучок, — зашикал на меня дедушка. — Ишь какой сообразительный.

— Да уж, сообразительный, — вздохнул я. — В школе одни двойки получаю.

— Это дело поправимое, — отвечает дедушка. — Возьми мой портрет, снеси его в школу и повесь в кабинете литературы, вместо писателя Толстого.

На следующий день я так и сделал. При-

шел на полчаса раньше и заменил Толстого на дедушку.

А тут и урок. Заходит в класс преподаватель Сергей Иванович и говорит:

— Ну-ка, Головастики, расскажи про Грибоедова.

А Головастики — это я.

— Грибоедов, — начал я рассказывать, — очень любил есть сырые грибы.

— Двойка, Головастики! — говорит Сергей Иванович.

Не успел он эти слова произнести, как раздалась автоматная очередь:

Тра-та-та-та-та!!!

Сергей Иванович так на пол и повалился, весь пулями изрешеченный.

Вот тебе и Грибоедов...

На другой день дедушка мне говорит:

— Теперь снеси мой портрет в кабинет истории и повесь вместо полководца Суворова.

Отнес я дедушку в кабинет истории и повесил вместо Суворова.

Заходит Нонна Петровна. Наша историчка.

— Головастики, — спрашивает с ходу. — Кто такой Наполеон?

— Наполеон, — отвечаю я, — это французский коньяк!

— Двойка! — возмущенно кричит Нонна Петровна.

Ну-ну, думаю, ставь двойку.

Только она журнал открыла... А тут:

Тра-та-та-та-та!!!

И Нонны Петровны как не бывало.

Больше никто мне двоек не ставил. Я сделался круглым отличником и окончил школу с золотой медалью. Потом поступил в университет и окончил его с красным дипломом. Потом стал аспирантом, потом доцентом, потом профессором, потом академиком, потом президентом Академии наук...

И везде, где бы я ни находился, со мной был портрет любимого дедушки с автоматом в руках.

Мы все — инопланетяне

Однажды я пришел из школы домой раньше времени. Смотрю — а моя мама стоит у зеркала и снимает платье. Вместе со своей кожей... Сняла, бросила на пол и оказалась беленьким пушистеньким существом с зелеными глазами.

Но не кошкой. Не подумайте, что моя мама была похожа на кошку. Нет, нет и нет!.. Она была гораздо пушистее и симпатичнее.

— Мама, — ахнул я от удивления, — ты что — инопланетянка?!

— Да, милый, — отвечает мама. — Инопланетянка. Я прилетела из созвездия Лебедя, с планеты Маир.

Тут пришел с работы папа. Он работал директором кинотеатра.

— Папа! Папа! — восторженно завопил

я. — Представляешь, наша мама — инопланетянка! Она прилетела к нам из созвездия Лебедя, с планеты Маир. Классно, да?!

Но папу это известие не обрадовало.

— Алла, — строго обратился он к маме, — это правда?

— Да, — тихо ответила мама.

— И давно ты... инопланетянка?

— С самого рождения, — говорит мама.

— М-да. — Папа забарабанил пальцами по столу. — Я директор центрального кинотеатра, а моя жена — какой-то пришелец. Почему ты мне сразу об этом не сообщила? Я бы тогда женился на твоей подруге Вике.

— Вика тоже инопланетянка, — сказала мама.

— Ну и дела, — сердито произнес папа.

— Мама, — спросил я у своей мамы-инопланетянки. — А я — инопланетянин?

— Ну конечно, милый, — промурлыкала мама и, взяв меня кончиками своих щупалец, легонько тряхнула.

Я — бряк! — и упал на пол. Но тут же вскочил и подбежал к зеркалу. Из зеркала на меня смотрел беленький пушистый инопланетянин с зелеными глазами.

— Этого еще мне не хватало, — совсем расстроился папа. — Выходит, мой ребенок — пришелец. А я-то думал, он вырастет и пойдет по моим стопам. Станет директором кинотеатра.

Тут дверь отворилась, и в комнату вошла моя бабушка. Папина мама.

— Приветик! — поздоровалась она. — А вот и я!

— Мамуля, — сказал ей папа. — Полюбуйся, пожалуйста. Это — моя жена, а это — твой внук.

— Ой, какая прелесть, — погладила бабушка нас по шерстке. — Пушистенькие. Глазки зеленые.

— Не понимаю, чему ты радуешься? — пожал плечами папа.

— Сейчас поймешь, — хихикнула бабушка, — Фокус-покус! Алле-гоп!.. — И бабушка — моя старенькая бабушка! — сделала в воздухе тройное сальто, словно акробат в цирке.

И оказалась... инопланетянкой.

Правда, не из нашего с мамой созвездия. Потому что была с черной шерсткой и голубыми глазами.

— Ой! — ойкнул папа от неожиданности. — Мамуля, ты что — тоже пришелец?!

— Ну да, — отвечает бабушка. — Я прилетела на Землю из созвездия Льва. Р-р-р... — шутливо зарычала она на папу.

— Ура-а! — закричали мы с мамой. — В нашем полку прибыло!

— Ну, мать, ты даешь! — вконец расстроился папа. — Уж от тебя-то я этого никак не ожидал!

— Сынуля, — хитро прищурилась бабушка, — а как ты думаешь: если я — инопланетянка, твоя жена — инопланетянка, твой сын — инопланетянин, то ты, потвоему, кто?

— Я — директор кинотеатра! — гордо заявил папа. — А мой отец, твой муж, был пожарником.

— Придется рассказать тебе правду, — сказала бабушка. — Твой отец, а мой муж, был вовсе не пожарником, а таинственным пришельцем из созвездия Гончих Псов.

Папа так и раскрыл рот от изумления. А изо рта у него — пш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... — воздух стал выходить; а сам папа начал сморщиваться, опадать... и через минуту из-под его человеческой шкурки появилось симпатичное существо с квадратной головой и светящимися оранжевыми глазами.

— Ура-а! — закричали мы все. — Наш папа — инопланетянин!

— Ну и что? — смущенно сказал папа, посмотрев на себя в зеркало. — Лично я в этом ничего удивительного не вижу.

А затем мы опять надели человеческие шкурки. Потому что мы были на Земле — а здесь принято ходить именно так, а не иначе. Мама снова стала — мамой; бабушка — бабушкой; папа — папой; а я — самим собой.

Папа поправил нос (он у него к уху съехал) и важно объявил:

— Сегодня в центральном кинотеатре, где я, между прочим, директор, начинается показ фантастического боевика: «Мы все — инопланетяне»... — И вдруг, отбросив всю

свою важность, папа ка-а-к подпрыгнет до потолка да ка-а-к крикнет:

— Айда в кино!

— Айда-а! — закричали мы в ответ.

Загадка природы

Жил-был маленький мальчик. Звали его Игорек. И вот однажды пошел он в ванную. Умыться.

Смотрит в зеркало, а себя там не видит. Все в зеркале есть, а Игорька — н е т! Вот так сюрприз!.. Схватил он молоток и грохнул по зеркалу. Зеркало, естественно, вдребезги! На шум прибежала мама Игорька и повела сына к психиатру.

Психиатр оказался очень жизнерадостным человеком.

— Ну что? — спрашивает он у мамы. — С ума сошла?

— Я? — удивилась мама.

— Ну не я же! — хохочет психиатр.

— Дело в том, — объяснила мама, — что мой сын не отражается в зеркале.

— И давно не отражается? — спрашивает психиатр.

— С четверга, — отвечает мама.

Психиатр надолго задумался.

— А сегодня у нас что? — интересуется.

— Пятница, — говорит Игорек.

— А завтра что будет?

— Завтра будет суббота, — отвечает мама. —
А послезавтра — воскресенье.

— Да-а... — вздохнул психиатр, — бежит
времечко.

Потом он подвел Игорька и маму к большому зеркалу.

У маленького Игорька как дома отражения не было, так и тут нет. Зато вместо мамы в зеркале отразился мужчина с усами и в шляпе.

— Это кто? — спрашивает психиатр.

Мама покраснела.

— Мой первый муж, — отвечает, — Вовик.

Вовик снял шляпу и вежливо раскланялся.

— А это кто? — Психиатр снова пальцем в зеркало тычет.

А в зеркале рядом с первым маминым мужем стоит какая-то тетка в фуфайке и кирзовых сапогах.

— А это, извините... вы, — растерянно говорит мама. — Ну, то есть ваше отражение.

Психиатр поднял руку — и тетка в зеркале подняла руку; психиатр поднял ногу — и тетка подняла ногу.

— Действительно, я, — хмыкнул психиатр. — Любопытно... Наташа! — громко позвал он.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла медсестра в белом халате.

— Звали, Пал Палыч? — спросила она.

— Поди-ка сюда, милая, — поманил ее психиатр.

Наташа подошла. И раскрыла рот от удив-

ления. Потому что в зеркале вместо нее отразилась белая... корова.

— Му-у-у... — протяжно замычала корова.

— А ну пошла, ша-л-лава! — прикрикнула на нее тетка в фуфайке и погнала корову в глубь зеркала.

За ними вприпрыжку побежал первый мамин муж Вовик.

А психиатр торжественно объявил:

— Все, что мы сейчас с вами наблюдали, называется — загадка природы!

Маленький Игорек, услышав эти слова, горько заплакал. И было отчего. У всех какие-никакие, а отражения: у мамы — первый муж Вовик; у психиатра — тетка в фуфайке; у медсестры Наташи — белая корова... А у него — ничего.

Обидно, конечно.

И тут вдруг в зеркале неожиданно появился... зайчик. Маленький. Пушистенный. С длинными ушками.

— Смотри, Игорек, — сказала мама, — ты — зайчик!

Игорек перестал плакать и засмеялся. За ним засмеялась мама; за мамой засмеялась медсестра Наташа; за медсестрой Наташей раскатисто захохотал психиатр.

А пушистенный зайчик смотрит на них из зеркала и никак понять не может, чему это они все так радуются?

Земляничкин, чудовище Вя-Вя и лунная монахиня

Жил-был на свете человек по фамилии Земляничкин. Он очень любил пить горячее молоко и есть сметану. Еще он работал кассиром. И на носу у него были очки.

А еще он был очень добрый.

Ну вот, пожалуй, и все. Можно начинать нашу историю.

Сидит как-то вечером Земляничкин у себя дома, в скромной однокомнатной квартирке, и читает толстую книжку под названием «Бухгалтерский учет». И вдруг погас свет. Хорошо еще, что у Земляничкина была свечка. Он ее сразу зажег и поставил на подоконник. А за окном в это время висела луна. Низко-низко.

И тут видит Земляничкин, как желтый луч с Луны соединился с красным пламенем свечи и получилась ниточка. И по этой ниточке кто-то быстро спускается, прямо на подоконник. Пригляделся Земляничкин — а это малюсенькая женщина. Очень красивая, но грустная. И в черной одежде.

— Спасите! Спасите!.. — спустившись, протянула она крохотные ручки к Земляничкину. — Умоляю! Умоляю!..

— А в чем дело? — поинтересовался Земляничкин.

— В чудовище дело! — воскликнула женщина. — В страшном и ужасном чудовище,

которое прилетело к нам на Луну с Венеры. Оно хочет уничтожить всех лунных человечков! Оно уже заточило в мрачное подземелье нашего доблестного короля Лу Десятого!.. Я же чудом вырвалась из его когтистых лап и пришла смиренно молить вас о помощи. Помогите, доблестный рыцарь, помогите...

— А вы кто? — снова поинтересовался Земляничкин.

— Я лунная монахиня, — ответила женщина. — Но не обо мне сейчас речь. Пока мы тут разговариваем, страшное чудовище пожирает бедных жителей Луны.

Сказав это, она зарыдала.

— Успокойтесь, — погладил ее указательным пальцем Земляничкин. — Хотите горячего молока?

— Я хочу только одного, — сквозь рыдания произнесла монахиня, — чтобы вы скорее разделались с мерзким чудовищем.

— Хорошо, — покладисто кивнул Земляничкин. — Расскажите, какое оно хоть из себя?

Лунная монахиня задрожала от страха.

— Оно такое огромное! Такое огромное! Прямо как вы!.. Даже еще больше!

— Выходит, оно и меня может сожрать, — почесал затылок Земляничкин.

— О нет, доблестный рыцарь! У нас есть Волшебный Меч. Вы возьмете его и отрубите чудовищу все его головы.

— Головы? — переспросил Земляничкин. — У него их что — несколько?

— Ну конечно! — воскликнула монахиня. — Это же чудовище! У него СТО голов!

— Так много?! — ахнул Земляничкин.

— Собирайтесь же быстрее в путь! Скоро рассвет. Лунный луч может не выдержать вашего веса, вы упадете с громадной высоты и разобьетесь!

Эти слова тоже не прибавили Земляничкину бодрости.

— Вообще-то завтра понедельник, — неуверенно произнес он. — И мне надо идти на работу. В кассу.

— Тогда мы все погибли, — прошептала лунная монахиня, закрыв личико ладошками.

Этого добрый Земляничкин вынести не мог.

— Ведите меня! — смело вскричал он. — Где это противное чудовище?! Я из него отбивную котлету сделаю!

...Когда они вскарабкались на Луну, Земляничкин с любопытством огляделся. Ведь раньше ему никогда не приходилось здесь бывать. Но, честно говоря, Луна не произвела на Земляничкина особого впечатления. Куда ни посмотришь — везде кратеры, между которыми примостились крохотные домики лунных человечков.

При появлении монахини и Земляничкина, человечки высыпали из своих домов.

— Принцесса Уна вернулась!.. — галдели они. — Принцесса Уна вернулась!..

— Так вы принцесса? — спросил у своей спутницы Земляничкин.

Лунная монахиня гордо вскинула голову.

— Да, я лунная принцесса Уна, единственная дочь доблестного короля Лу Десятого. Но это страшная тайна. Если чудовище узнает, что у короля есть дочь, оно тут же захочет на мне жениться, а если я не подчинюсь, оно развеет в пух и прах все наши жилища, а нас самих уничтожит!..

Пока принцесса произносила эту пламенную речь, лунных человечков становилось все больше и больше.

— Смотрите, смотрите! — показывали они микроскопическими пальчиками на Земляничкина. — Принцесса Уна привела с Земли нашего Спасителя! Он возьмет Волшебный Меч! Он победит ненавистное чудовище! И опять на Луне воцарятся мир и спокойствие!..

Принцесса Уна подвела Земляничкина к большому кратеру, на дне которого лежал Волшебный Меч. Земляничкин еле-еле его оттуда вытащил, потому что меч был тяжелый и ржавый.

Как только лунные человечки увидели Земляничкина с Волшебным Мечом, они закричали:

— Ура-а-а!.. Ура-а-а!..

А громче всех кричала принцесса Уна.

— Берегись, противное чудовище! — кричала она. — Мы отрубим тебе все сто твоих мерзких голов!..

При этом принцесса размахивала руками,

представляя, должно быть, как она отрубает ненавистные головы.

Вздохнул Земляничкин, но делать нечего; раз согласился сразиться с чудовищем — надо идти и сражаться.

— А почему этот меч называется волшебным? — напоследок спросил он.

— Потому что он большой! Потому что он большой! — возбужденно загалдели лунные человечки.

Совсем опечалился Земляничкин от такого ответа. А принцесса Уна уже объясняет ему, как добраться до логова чудовища:

— Пойдете прямо, потом направо, затем налево. Дойдете до моря Безмолвия. Переплывете его...

— Ой, а я плавать не умею, — признался Земляничкин.

— У нас моря очень мелкие, — успокоила его принцесса. — И вот когда вы переплывете море Безмолвия... — тут голос принцессы задрожал, — в-вы ок-к-кажется в-в д-долине Уж-ж-жасов.

— Уж-ж-жасов, — со страхом повторили лунные человечки.

— И в этой долине, — продолжала принцесса Уна, — вам навстречу выйдет венерианское чудо-о-вище...

— Чудо-о-вище, — эхом отозвались человечки.

— А вы ему — раз! раз! и отрубите все сто голов! — бодро закончила принцесса.

— Ой-ой-ой! — заверещала «ящерица». — Отпусти сейчас же! У меня головка кружится!

— А вы кто? — спросил Земляничкин.

— Чудовище я, чудовище, — ответила «ящерица».

— С Венеры? — решил уточнить Земляничкин.

— Да с Венеры, с Венеры!.. Ну перестань же держать меня за хвост!

— То самое, которое страшное и ужасное? — не верилось Земляничкину

— Да-да, то самое: страшное, ужасное, кроваваджное, безжалостное... Как они меня еще там называют?.. Слушай, ты отпустишь меня или нет?!

Земляничкин отпустил.

— Ну, ты грубиян, — заворчал «чудовище». — Тебя бы вот так за ноги поднять! Приятно бы тебе было?..

— Наверное, нет, — признался Земляничкин.

— «Наверное, нет», — передразнило «чудовище». — Откуда ты такой взялся?

— Вон оттуда, — показал Земляничкин на родную планету. — С Земли.

«Чудовище» хмыкнуло:

— Тогда понятно...

— А мне вот ничего не понятно, — пожал плечами Земляничкин.

— Да чего тут понимать?! Эти лунные человечки — ужасные трусишки. Как только они меня увидели, так сразу решили, что я их обязательно съем. Их король Лу Десятый от стра-

ха спрятался в подземелье, а его дочка, принцесса Уна, переделалась монахиней...

— Но согласитесь, что вы все же очень похожи на страшное и ужасное чудовище, — заметил Землянички. — Только на маленькое.

— Тебя как зовут? — спросило «чудовище».

— Петя, — ответил Земляничкин.

— А меня зовут Вя-Вя. Разве может страшное и ужасное чудовище носить имя Вя-Вя?.. Я милейшее существо с Венеры. Я никого не ем. Я люблю пить горячее молочко...

— Ой, — удивился Земляничкин. — И я люблю пить горячее молочко. И еще кушать сметанку.

— А что это такое? — заинтересовался Вя-Вя.

— Очень вкусенькая вещь, — облизнулся Земляничкин.

— Вот бы попробовать, — тоже облизнулся Вя-Вя. — А то у нас на Венере одно горячее молочко. Когда я его пил из океана, внезапно налетел космический вихрь и сдул меня на эту дурацкую Луну...

— Как это — пили молочко из океана? — не понял Земляничкин.

— На Венере все океаны состоят из горячего молока, — объяснил Вя-Вя.

— Как это — из горячего молока? — опять не понял Земляничкин.

— Ну Венера же ближе к Солнцу, чем Земля. Вот молоко в океанах и нагревается.

— А-а, — протянул Земляничкина, хотя снова ничегошеньки не понял.

...Короче, они договорились, что Вя-Вя посидит в кармане у Земляничкина, чтоб лишний раз не пугать лунных человечков, а Земляничкин скажет им, будто он победил страшное и ужасное чудовище.

Первым делом Земляничкин отправился в мрачное подземелье, где прятался лунный король Лу Десятый... На самом деле подземелье оказалось не таким уж и мрачным. Скорее наоборот — оно было очень даже уютным. Лу Десятый, развалясь в кресле, листал иллюстрированный журнальчик, который забыли на Луне американские астронавты.

— Ваше величество, — сказал королю Земляничкин. — Можете выходить.

— Что я — дурак? — уперся Лу Десятый. — Я, значит, выйду, а чудовище меня ням-ням — и слопает. Нет уж, благодарю покорно.

— Выходите, не бойтесь, — улыбнулся Земляничкин. — Я победил страшное и ужасное чудовище.

— Правда, что ли? — недоверчиво переспросил король. — Отрубили ему все сто голов?

— Ну, во-первых, у него было не сто голов, а всего одна...

— Но вы ее отрубили? — нетерпеливо перебил Лу Десятый.

— Да отрубил, отрубил, — слегка покривил душой Земляничкин.

— Значит, я снова повелитель Луны! — радостно вскричал король. Но тут лицо его

омрачилось. — Или вы хотите стать повелителем Луны?..

— Нет, ваше величество, — успокоил короля Земляничкин. — Хватит с меня и того, что я кассир.

Лу Десятый вновь повеселел.

— Тогда я приступаю к своим королевским обязанностям. И повелеваю учредить орден «Победителю чудовища», вручив его... — Король запнулся.

— Земляничкину, — подсказал Земляничкин. — Пете.

—...Земляничкину Пете! — повторил Лу Десятый. — Этот орден даст вам право бесплатно проводить летний отпуск на море Безмолвия.

— Спасибо, ваше величество, — поблагодарил Земляничкин. — Только мне отпуск почему-то всегда зимой дают.

Но король его уже не слышал. Он побежал к своей дочери, принцессе Уне, чтобы сообщить ей о победе над венерианским чудовищем.

А потом на Луне был устроен грандиозный праздник. Три лунных дня и три лунных ночи не стихало веселье. Лунные человечки пели, плясали, декламировали стихи...

— Ой, не могу! — хихикал Вя-Вя, глядя на все это из кармана Земляничкина. — Вот умора!..

Земляничкин принял государственную награду и, тепло попрощавшись с принцессой Уной, королем Лу Десятым и всем лунным народцем, отправился на родную планету.

Так как время на Земле идет гораздо медленнее, чем на Луне, то ночь еще не кончилась, и свеча, стоящая на подоконнике, не догорела. Поэтому Земляничкин с Вя-Вя в кармане благополучно спустился по лунному лучу в свою однокомнатную квартирку.

Не успел он влезть в форточку, как загорелся свет. Земляничкин достал из холодильника пакет с молоком, вскипятил его, и они вместе с Вя-Вя попили земного горячего молочка. А затем Земляничкин угостил гостя сметанкой.

— Так уж и быть, Петька, — сказал Вя-Вя, слопав пол-литровую банку сметаны, — погощу у тебя годик-другой. Ну, а после милости прошу ко мне на Венеру.

— Я не против, — улыбнулся Земляничкин.

Спящий мальчик

Жили-были: папа-полковник, мама — кандидат наук и их сынок Кеша — ученик шестого класса.

И вот как-то раз лег Кеша вечером спать, а утром не проснулся. Спит себе и спит.

День спит, неделю спит, год спит, два спит... А когда прошло три года, родители встревожились и пригласили на дом врача.

Пришел врач и говорит:

— Лю-бо-пыт-но.

— Доктор, — спрашивает у него мама — кандидат наук, — может, он умер?

— Не думаю, — подумав, ответил врач. — Слышите, как храпит?

Кеша действительно храпел.

— Тогда в чем дело? — спросил папа-полковник.

— Сейчас узнаем, — говорит врач. — У вас шило есть?

— Зачем вам шило? — насторожилась мама — кандидат наук.

— Да хочу его в бок кольнуть, — отвечает врач. — Может, проснется.

В этот момент Кеша сладко потянулся и открыл глаза.

— Три года прошло? — первым делом поинтересовался он у родителей.

— Прошло, — отвечают безмерно удивленные родители.

— Зашибись! — говорит Кеша. — Значит, я уже в девятом классе.

— Так ты специально не просыпался, чтоб в школу не ходить?! — догадался врач.

— Ага, — кивает Кеша. — Теперь мне всего-навсего два года осталось учиться.

— Молодец, Кешка! — похвалил сына папа-полковник. — Здорово придумал! Мне через два года генерала должны присвоить. Так я, пожалуй, тоже посплю. Все лучше, чем каждый день на службу таскаться.

С этими словами папа-полковник взял и уснул.

— А мне через два года доктора наук обещают дать, — сказала мама — кандидат наук и тоже взяла и уснула.

— А мне через два года десятикомнатный коттедж построят, — говорит врач. — Зачем я буду все это время в семикомнатной квартире ютиться? Уж лучше я посплю.

И врач тоже уснул.

Посмотрел-посмотрел Кеша на спящую тройцу.

— Ну и лопух же я! — стукнул он себя по лбу. — Чего я так рано проснулся? Мне ж еще целых два года в школе мучиться.

И Кеша продолжил свой сон.

А через два года папа стал генералом; мама — доктором наук; врачу выстроили десятикомнатный коттедж; а Кеша окончил среднюю школу.

И, как вы думаете, что они сделали потом?.. Правильно. Снова легли спать. Теперь уже на пять лет. Потому что через пять лет папа-генерал должен был стать папой-маршалом; мама — доктор наук — мамой-профессором; врачу должны были построить двадцатикомнатный коттедж; а Кеша должен был окончить институт.

Вот так-то! Спокойной ночи!

Фантик от конфеты

Жила на свете Оленька. Очень хорошая девушка. Она любила есть шоколадные конфеты. Но ела их редко, потому что конфеты стоили дорого, а у Оленьки не было денег.

И вот как-то раз идет Оленька по улице. Шоколадных конфет ей хочется — прямо сил нет. И вдруг видит: фантик в урне валяется. И как раз от шоколадной конфетки. «Дай, — думает Оленька, — я его оближу».

Вытащила она фантик из урны и облизала.

И в ту же секунду превратилась в самую настоящую в е д ь м у!

Нет, с виду Оленька осталась прежней Оленькой. А внутри — форменная ведьма... И замашки у нее стали, как у ведьмы. Смотрит — папа ее с работы возвращается. Тотчас удари-лась она оземь и обернулась серой волчицей.

Папа как увидел волчицу, что несется на него, кладая зубами, так и припустил во весь дух. Прибежал домой, весь от страха трясется. А Оленька уже здесь. Вместе с мамой латиноамериканский сериал смотрит по телевизору.

— Волки! — орет папа. — Волки!

— Ты что, папочка, заболел? — ласково спрашивает у него Оленька. — Какие волки в центре города?

Короче, уложили папу спать. Спал он плохо. Всю ночь метался по кровати и бредил. А утром проснулся и запел с придурочной улыбкой:

— Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк...

Приехала «скорая» и забрала папу в психушку.

Осталась Оленька вдвоем с мамой. А та вдруг такой разговорчивой сделалась. Говорит

и говорит без умолку... Оленьке прямо убить ее хочется, чтобы перестала наконец болтать.

А тут и ночь. Легли они спать. Мама сразу захрапела, а Оленька тихонечко подкралась к маминой кровати и начала колдовать.

Поколдовала, поколдовала... У мамы — р-раз! — голова и отвалилась. Взяла Оленька мамину голову и в шкаф спрятала.

Наутро мама просыпается — а головы нет.

Приехала «скорая» и увезла маму в реанимацию.

Так что осталась Оленька в одночасье без мамы и без папы. Но с женихом по имени Саша. Он как раз в это время к ней в гости пришел.

— Здравствуй, Оленька, — говорит Саша.

— Здравствуй, Саша, — отвечает Оленька.

— А где твой папа? — интересуется Саша.

— В сумасшедшем доме, — отвечает Оленька.

— А почему он там? — интересуется Саша.

— Потому что с ума сошел, — отвечает Оленька.

— А где твоя мама? — продолжает интересоваться Саша.

— Что это ты такой любопытный? — насторожилась Оленька. — Вынюхиваешь все, как собака.

— Оленька? — ахнул Саша. — Ну у тебя и выражения!

— Ладно, переморгаем, — отвечает Оленька. — Пошли чай пить.

И они пошли на кухню пить чай.

Оленька и тут принялась колдовать. Только Саша хотел сделать глоток из чашки, глядь — а там муха дохлая плавает. Саша, конечно, не стал пить.

А Оленька злорадно спрашивает:

— Чего это ты, милый, чай не пьешь?

Саша покраснел и пробормотал:

— У меня в чашке дохлая муха плавает.

Оленька как захохочет.

— Сам ты, — говорит, — дохлая муха.

И Саша тотчас превратился в муху. Правда, не в дохлую.

Жжжжжжжжжжжжжжжжжж... залетал он вокруг лампочки.

Оленька, недолго думая, схватила мухобойку и начала гонять жениха по всей квартире. Загнала его между шкафом и диваном да ка-а-к хлопнет мухобойкой!

Жених Саша так и остался на стене прихлопнутый.

А Оленька пошла на кухню. Чай допивать.

Смотрит — а на столе коробка с шоколадными конфетами лежит. Это Саша к чаю принес, а предложить не успел.

Ну, тут уж Оленька отвела душу. Слопала все конфеты и вновь стала прежней Оленькой. Доброй и отзывчивой.

Вспомнила она все, что натворила, будучи ведьмой, и горько заплакала.

Но сделанного не исправишь. Папа в психушке, мама в реанимации, жених Саша по

стенке размазан... «Сон козас де ла вида» — как говорят латиноамериканцы в своих сериалах. Такова жизнь.

О бедном рыбаке, его дочке Машеньке, поганом Чудище, майоре Сидорчуке и съеденной царевне

Жил-был рыбак у самого синего моря. Однажды пошел он на рыбалку и поймал маленькую рыбку, а спустя некоторое время поймал еще одну, покрупней. А затем поймал кита!.. Вот тут бы ему и остановиться. Так нет! Обуяла его жадность сверх всякой меры. Снова закинул рыбак удочку и на сей раз вытащил... Морское Чудище с десятиэтажный дом.

— Тэк-с, — говорит Чудище. — Я триста тыщ лет на дне морском спало, меня пальцем никто не трогал. А ты взял, да и разбудил... Детки у тебя есть?

— Есть, — отвечает рыбак, а сам от страха трясется. — Дочурка Машенька восьми с половиной лет.

— Ну так води сюда свою дочурку, — приказывает Чудище. — Я ее сожру!

Делать нечего, пошел бедный рыбак домой за Машенькой. Идет, а сам горячими слезами обливается. А рядом с его домом располагалась военная часть. Командира части звали Сидор-

чук Федор Трофимыч. Это был маленький майор с большими усами.

— Здравия желаю, — поздоровался Федор Трофимыч с рыбаком. — Как делишки, как детишки?

Рыбак все ему и выложил. И пуще прежнего разрыдался.

— От-ставить! — звонко отрубил майор Сидорчук. — Слезами горю не поможешь.

— А вы думаете, чем-то другим можно помочь?! — встрепенулся рыбак.

— Я никогда не думаю, — с гордостью заявил Федор Трофимыч, подкручивая усы. — Я и так все знаю.

С этими словами бравый майор повел бедного рыбака к себе в часть. Там он выбрал самую большую бомбу, нарисовал на боеголовке нос, рот, глаза; нацепил сверху цветастый платок... Ну точь-в-точь рыбакова дочка Машенька получилась. Только толстая.

— Теперь иди спокойно домой, — говорит майор рыбаку, — и предоставь дело мне.

Ну, бедный рыбак и пошел, а Федор Трофимыч погрузил замаскированную бомбу на грузовик и привез на берег синего моря. А Чудище уже тут как тут. Поджидает. Увидело нашего майора на грузовике.

— Кто таков? — спрашивает.

— Майор Сидорчук! — взял под козырек Федор Трофимыч. — Двадцать пять лет безупречной службы в рядах Российской армии!

— Ишь ты какой... орел, — усмехнулось

Чудище. — А рыбакова дочурка при тебе?

— Так точно! Вон в кузове сидит, — показал Сидорчук на бомбу.

Чудище как разинет зубастую пасть да как клацнет железными челюстями — так бомбу и перекусило, словно травинку. А заодно и грузовик.

Майор Сидорчук заученным движением плашмя на землю упал и уши пальцами заткнул.

Ба-ба-а-х-х!!! — рвануло Чудище.

— Есть такое дело, — сказал Федор Трофимыч, вставая с земли и подкручивая усы.

Глядь — а на том месте, где Чудище лежало, качается на волнах девица-раскрасавица с русалочьим хвостом. Так прямо и горит чешуей на солнце.

— Ах, — вздыхает томно, — какое счастье снова оказаться на свободе! Это чудище поганое проглотило меня, потому что я не захотела за него замуж идти. И с тех пор маялась я в желудке без света, пищи и ласки почитай лет тыщ триста. Женись на мне, доблестный рыцарь, коли охота имеется. Мужчина ты вроде ничего. Станешь морским царем. Бывший-то царь, мой батюшка, давным-давно на том свете кукует, — показала царевна пальчиком на небо.

— Ку-ку, ку-ку, — раздалось из поднебесья.

Оглядел Федор Трофимыч новоявленную невесту — тож вроде все при всем. Опять же, как ни крути, а царем-то маленько получше

будет, чем майором, даже и командиром части.

— Ладно, — говорит, — я согласен.

Тут же военная форма с него сама собой как вода стекла и все тело чешуей покрылось. И, взявши за руку царевну, скрылся бывший майор в морской пучине.

А бедный рыбак, услышав мощный взрыв, от которого все стекла из окон повылетали, сказал наставительно дочке Машеньке:

— Вот, Машка, и погиб геройски наш Федор Трофимыч, спасая твою юную жизнь. Помни его. Ежели б не Сидорчук, сожрало бы тебя Чудище за милую душу.

И Машенька помнила своего спасителя. Раздобыла с Доски почета военной части фотокарточку храброго майора с медалью «Двадцать пять лет безупречной службы в рядах РА» на широкой груди и подолгу в нее вглядывалась. В фотокарточку то есть. И слезы из ее девичьих глаз так и капали, так и капали. А когда пришла пора ей замуж выходить, то нашла себе Машенька не просто суженого, а майора, маленького и с усами. И хоть звался он Николай, а по батюшке был Макарыч, Машенька упорно называла жениха — Федором Трофимычем.

А он ничего — отзывался.

УЖАСТИКИ

про любовь

Синевласка, или Бензоколонка
у старого кладбища

157

Принц-водолаз

161

Светка-лягушка

165

День рождения Юлии

171

Волшебное стеклышко

178

Дурак Емелин

181

Капелька

184

Маленькая горбунья	
	190
Сказка о чистой и светлой любви	
	194
Смотритель маяка	
	198
Альберт и Инесса	
	202
Ученый Питер	
и его мертвая невеста Луиза	
	208
Легенда о женщине	
с белыми крыльями	
	213

Синевласка, или Бензоколонка у старого кладбища

На окраине маленького городка, прямо у старого кладбища, находилась бензоколонка. На этой бензоколонке работала девушка. Звали ее Синевласка. Она была такая красивая, что, стоило водителям, которые заправляли здесь свои машины, увидеть ее хотя бы один раз, они сразу же влюблялись в Синевласку и звали замуж.

Но Синевласка всем решительно отвечала:
— Нет!

И вот однажды заехал на бензоколонку молодой водитель по имени Василий. Он на хлебовозке работал, хлеб по магазинам развозил. Увидев Синевласку, Василий, конечно, в нее влюбился. И с тех пор стал заезжать на заправку по три раза в день. Приедет, заправится, отъедет недалеко, продаст бензин и снова едет на бензоколонку заправляться. И все это Вася делал только для того, чтобы

лишний раз полюбоваться на Синевласку... Надо сказать, что и Синевласка не осталась к Василию равнодушной. Постоянно ему улыбалась и охотно поддерживала разговор... И наконец настал такой момент, когда Василий сделал Синевласке предложение.

— Выходи за меня замуж, — сказал он.

Синевласка тут же перестала улыбаться и ответила печальным голосом:

— Не могу я, Васенька, выйти за тебя замуж. Хотя и не скрою: люб ты мне.

— Тогда почему не можешь? — удивился Вася.

— А потому, — говорит Синевласка, — что... м е р т в а я я.

— Как мертвая? — еще больше удивился Василий.

— Пойдем со мной, — отвечает Синевласка, — я тебе кое-что покажу.

И, взяв Васю за руку, повела его на кладбище. В самый отдаленный уголок.

А там, у забора, могила с надгробной плитой. А на плите — фотография. Поглядел Василий на эту фотографию — и худо ему сделалось. Потому что со снимка на него смотрела... Синевласка.

— Вот так, мой любимый, — говорит девушка, а сама чуть не плачет. — Днем я еще могу ходить как живая, а ночью обязана возвращаться в свою могилу и ложиться в гроб. Поэтому, как ты сам понимаешь, детей у нас быть не может. А какая семья без детишек?

На том они и расстались...

Приплелся Вася домой; не ест, не пьет, все по Синевласке горюет.

А надо сказать, что, хоть Василий и работал простым шофером, папа у него был известный профессор. Звали папу — Иван Иванович. Он преподавал в университете высшую математику. А в свободное время любил читать сказки.

И вот видит папа-профессор, что его сын не по дням, а по часам худеет... Ну и стал, конечно, интересоваться: в чем дело?.. что случилось?..

Крепился-крепился Вася, да и рассказал. И как влюбился, и как жениться хотел, и как невеста мертвой оказалась.

— Тяжелый случай, — покачал головой папа-профессор. — Тяжелый, но не безнадежный...

Василий восторженно вскрикнул от радости.

— Неужели, — спрашивает, — можно что-то сделать?

Папа-профессор бороду окладистую разгладил и говорит:

— Есть у меня одна хитрая штуkenция. Я ее недавно изобрел. «Оживитель» называется. Хочу свою бабулю оживить. Она такие интересные сказки мне в детстве рассказывала!

Стал Вася горячо упрашивать папу-профессора оживить сначала его любимую Синевласку, а уж бабулю как-нибудь в другой раз. Ну, папа и согласился.

— Ладно, — говорит. — Где там твоя милая находится? Показывай.

Пришли они ночью на старое кладбище. Раскопали могилу. Вытащили гроб. Открыли.

Видит Василий: лежит его любимая в гробу, как живая. А папа-профессор тем временем достал из портфеля свой «Оживитель» и подсоединил к Синевласке.

ДА КАК ВРУБИТ ТОК!!!

Синевласка так из гроба и выскочила, словно кипятком ошпаренная.

— Как самочувствие? — спрашивает у нее папа-профессор.

— Отличное! — отвечает Синевласка.

— Чудеса-а, — изумляется Вася.

— Никаких чудес здесь нет, — поучительным тоном вещает папа-профессор. — Это обыкновенная наука. А тебе, Василий, надо не баранку крутить, а учиться, учиться и еще раз учиться.

— Здра-а-вствуйте, люди добрые, — вдруг раздался чей-то голос.

Все повернулись и увидели старушку, которая шла по тропинке между могил.

— Бабуля! — ахнул папа-профессор. — Ты-то откуда взялась?

— Оттудова, милый, оттудова, — показывает бабка рукой на землю.

— Неужели и на тебя в «Оживителе» энергии хватило?

— А много ли мне, Ванечка, нужно, старухе-то?

— Ну надо же! Моя бабуля ожила, — никак не может успокоиться папа-профессор.

А бабулька улыбается хитро:

— Знаю, знаю, внучок, для чего ты меня с того свету вытащил. Небось, сказочки захотел послушать. Ты, я помню, до них бо-ольшой охотник был.

— Я и сейчас до них большой охотник, — застенчиво признался папа-профессор.

...И с тех пор забросил Иван Иванович всю свою научную деятельность; сидят они теперь с бабушкой на кухне, пьют чай с бубликами, и бабулька знает все новые сказки рассказывает. А папа-профессор слушает да щурится от удовольствия, что твой кот, объевшийся сметаны.

Зато Василий, увидев, какие чудеса способна творить наука, уволился с работы и пошел учиться. Закончил с отличием Институт международных отношений и был направлен на дипломатическую работу в Африку. Синевласка поехала вместе с ним. И вскоре у них там родился ребеночек. Мальчик. Черный-пречерный. Потому что в Африке у всех дети черными рождаются. Василий назвал его Ванечкой, в честь папы-профессора.

Вот такие дела.

Принц-водолаз

Жила-была на свете принцесса Алена, прекрасная, но бледная. Почему бледная? Да по-

тому что у нее не было крови. Ни капельки. Это очень огорчало папу-короля. И вот однажды позвал он во дворец бабу-колдунью и спросил у нее совета.

А колдунья и говорит:

— Пускай принцесса пойдет одна в дремучий лес, найдет там Кровавое озеро и напьется из него крови.

Как колдунья сказала, так Алена и сделала. Пошла в дремучий лес, нашла Кровавое озеро и начала пить кровь... Пьет-пьет и не замечает, что к ней колдунья подкрадывается. А та подкралась, да и столкнула принцессу в озеро.

Алена тотчас захлебнулась и утонула. Опустилась на самое дно и превратилась из принцессы в утопленницу.

Прошло несколько тысяч лет.

За это время Кровавое озеро стало обычным озером. А на месте дремучего леса теперь располагалась детская спортивная база под названием «Юный подводник». Тренером на этой базе работал водолаз Генка. Вот как-то плывет Генка под водой в водолажном костюме и видит: на дне, среди водорослей, лежит красивая девушка. Генка сразу в нее влюбился и решил на ней жениться. Вытащил он принцессу Алену (а это была она) на берег, сделал ей искусственное дыхание, а заодно и предложение: так, мол, и так, выходи за меня замуж.

Алена очнулась, огляделась, увидела, что

совсем другие времена настали и согласилась выйти за Генку.

Привел Генка принцессу к себе домой.

— Сейчас, — говорит, — я тебя со своей бабушкой Клавой познакомлю.

А тут и сама бабушка в прихожую выходит. Смотрит Алена — а это та самая колдунья, что ее в Кровавое озеро столкнула. Принцесса виду, естественно, не подала, что колдунью узнала; однако ж про себя решила последить за старушкой.

Вот в полночь встала бабушка Клава с кровати и куда-то пошла. Алена за ней.

Шли они шли и пришли на кладбище. Колдунья дотронулась до одной из могил, могилка и раскрылась. Спустилась бабушка Клава в могилу и пропала. Алена, недолго думая, тоже в могилу полезла. И оказалась в темном коридоре. Шла она шла по этому коридору и пришла в огромный зал. Посредине зала золотой трон стоит, а на троне ее папа-король сидит.

Увидел король свою дочку-утопленницу. Обрадовался, конечно. И принцесса Алена тоже рада без памяти.

— Папка, — радостно кричит, — а я замуж выхожу!

— Замуж — это хорошо, — одобрил папа-король. — Надеюсь, за принца?

— Нет, — отвечает Алена. — За водолаза.

— За Генку, что ли? — спрашивает король.

Принцесса Алена так на пол и села от удивления.

— А ты откуда знаешь?

— Как же мне не знать, — хихикает король, — если он мой родной сын.

Принцесса сидит на полу и ушам своим не верит.

Тут в зал вошла королева и все объяснила:

— Я продавщицей работала. В обувном магазине. Там мы с королем и познакомились. Он зашел ботинки купить. А после привел меня тайным ходом из моей эпохи в свою.

Выслушала все это Алена и заплакала.

— Значит, Генка — мой брат, — всхлипывает, — а колдунья — моя бабушка?

Тут в зал вошла бабка Клава. И говорит:

— Колдунья колдунье рознь, внученька. Есть злые колдуньи, а есть добрые. И добрых называют — волшебницами. Так вот, я — волшебница.

— А для чего ты тогда меня в Кровавое озеро столкнула? — не понимает Алена.

— Для твоей же пользы, — отвечает бабка Клава. — Чтоб в тебе больше кровушки было. Зато смотри, какая ты теперь румяная да пригожая.

Тут в зал вошел водолаз Генка.

— Привет семейству, — рукой машет.

— Геночка! — бросилась ему на шею Алена. — Никогда мы с тобой не сможем пожениться, потому что мы — родные брат и сестра.

— А вот и сможете, — хитро посмеивается бабка Клава. — Я сейчас поколдую.

Поколдовала-поколдовала — и Генка с Аленой из брата с сестрой превратились в мужа с

женой. Все, конечно, очень обрадовались такому превращению, сыграли свадьбу, и стали молодые жить-поживать да добра наживать. Вскоре папа-король ушел на пенсию, и королем стал Генка. Но подводное плавание не бросил. Регулярно участвовал в международных соревнованиях. А недавно даже мировой рекорд установил: пробыл под водой три с лишним месяца. Причем без водолазного костюма.

Так-то вот!

Светка-лягушка

Как-то раз одна девочка — Светкой ее звали — пошла купаться на реку. И пропала. Искали ее, искали, да не нашли. И посчитали утопленницей.

А на самом деле Светка вовсе не утонула. Просто она нырнула глубоко-глубоко и увидела какую-то дыру. Заплыла Светка в эту дыру и оказалась в подводной пещере. Огляделась кругом и ахнула: вся пещера была заполнена драгоценными камнями.

Обрадовалась Светка своей находке. Родители у нее были бедные, едва концы с концами сводили. Отец от зари до зари пахал на чужом тракторе, а мать (тоже от зари до зари) доила чужих коров. Жили родители в покосившейся избушке; телевизор у них был черно-белый, а сливочное масло они ели только

по праздникам. Мяса же вовсе не ели, а ходили к мясному магазину мясной дух нюхать... Размечталась Светка при виде несметных сокровищ. Ну, думает, отцу тракторный завод куплю, матери — молочную ферму, а себе — коттедж с семью спальнями, чтобы каждую ночь недели спальни менять...

Но тут ее сладостные мечтания были прерваны самым неожиданным образом. Растворилась железная дверца в стене, и в пещеру ворвался маленький старичок с большой бородой. Хранитель подземных сокровищ.

— Ага-а!.. — закричал он страшным голосом. — Попалась, голубушка! Быть тебе противной лягухой, пока кто-нибудь не поцелует. А такие охотники вряд ли сыщутся. Ха-ха-ха!

И в ту же секунду превратилась Светка в склизкую, зеленую и безобразную лягушку. Ну что делать?.. Стала Светка жить лягушкой. Год живет, два живет. Зимой в илистом дне спит; летом мух да комаров ловит... И так бы, наверное, прожила всю свою жизнь: вышла б замуж за какого-нибудь лягушонка, икру бы стала метать... Однако судьба распорядилась иначе.

Приплыла в речушку невесть откуда огромная рыба. Увидела она Светку и, недолго думая, проглотила. Светка даже квакнуть не успела. А рыба поплавала-поплавала в реке, а потом снова неведомыми путями уплыла в океан. Аж к Персидскому заливу. Здесь ее выло-

вили местные рыбаки. И доставили во дворец самого правителя Персии, шаха Бахтияра.

Только повара собрались зажарить рыбку, как Светка возьми да выскочи из зубастой пасти!.. Принесли Светку-лягушку к шаху Бахтияру. Посмотрел шах на странное существо, макушку под тюрбаном почесал (привычка у него такая была — макушку чесать) и велел позвать к себе ученых мужей. Пришли ученые мужи, поклонились шаху Бахтияру. А он им и говорит, подняв Светку за передние лапки:

— Это что за диковина? Вся зеленая, словно изумруд, и прыгает, как кенгуру.

Мнутся ученые мужи — нечего им шаху ответить. Сами в первый раз такое чудо увидели. Тогда шах Бахтияр повелел посадить неведомую зверюшку в золоченую клетку и подарил сыну Закиру.

Принц Закир поставил клетку в своей опочивальне и часами разглядывал пленницу и даже частенько что-нибудь ей рассказывал. И до того Светка-лягушка ему по душе пришлась, что в один прекрасный день принц решил на ней... жениться! (Тут надо отметить, что уже несколько десятилетий подряд в Персии рождались одни только мальчики. Поэтому найти себе жену в этой стране было большой проблемой. Даже для принца.) Явился принц Закир к своему дорогому папаше и поведал о своем решении.

— О! Сын мой, свет очей моих! — ответ-

ствовал шах Бахтияр. — Да как же можно жениться на морской диковине?

— О! Отец мой, отрада жизни моей! — мечтательно вздохнул принц Закир. — Для вас она — морская диковина, а для меня — любимая, милее и краше которой во всем свете не сыскать.

Думал-думал шах Бахтияр над странными словами принца Закира и велел позвать к себе самого мудрого визиря. Имя ему было Фаиз.

Пришел мудрый визирь Фаиз, поклонился шаху и повел такие речи:

— О! Великий шах, солнце отчизны нашей! Ты еще ничего не сказал, но я уже все понял. И вот тебе мой наискромнейший совет. Пускай принц Закир женится, ибо не глазами он полюбил, а горячим и чистым сердцем. Потому как глазами полюбить такую уродину не представляется возможным. Проверить же истинность моих слов проще простого. Вот волшебное зеркало, в котором отражается не тело, а душа. Прикажи поднести его к морской пришелице — и ты сразу увидишь, какая она на самом деле.

Принесли слуги из опочивальни принца золоченую клетку и поднесли к ней волшебное зеркало. И тотчас все увидели нашу Светку в ее человеческом обличье. За то время, что она была лягушкой, Светка повзрослела, похорошела и превратилась в настоящую русскую красавицу. Нечего и говорить, что принц Закир полюбил ее еще сильнее.

Он открыл золотую клетку и, посадив любимую к себе на ладонь, страстно поцеловал ее в лягушачьи губы. В ту же секунду развеялись злые чары хранителя подземных сокровищ, и Светка из лягушки превратилась в девушку.

Радости принца не было границ. А уж про Светку и говорить нечего. Она и вовсе двух зайчиков убила: и от колдовских чар избавилась, и настоящего принца нашла.

Стали они жить-поживать да добра наживать.

И все было бы хорошо, но печалилась Светка о бедных родителях, которые остались в России на пороге нищеты. И решила она попросить принца Закира, чтобы тот отпустил ее ненадолго в далекую Россию, навестить папочку с мамочкой. Но принц Закир ни на минуту не хотел расставаться со своим сокровищем. И, снарядивши корабль, пожелал самолично сопровождать молодую супругу в дальние края. (Кстати сказать, и мудрый визирь Фаиз тоже отправился в путешествие на этом корабле. С познавательной целью, разумеется.)

Обогнув африканский континент, пройдя мимо Испании и достигнув берегов Франции, корабль вошел в свинцовые воды Балтийского моря и вскоре пришвартовался в холодном и неуютном Санкт-Петербурге. Ну а отсюда до Светкиной деревни было рукой подать: вначале по реке Неве, которая впадает в реку

Волгу, потом по реке Волге, которая впадает в реку Дон, а затем по реке Дон, которая впадает в светлую и тихую речушку Горлодуюевку, по берегам которой вольно раскинулось русское село с тем же названием.

Сами видите — недалеко.

И года не прошло, как путешественники покинули Персию, а вот уже Светка с бьющимся от волнения сердцем вступила на родные берега.

А родители совсем уж от бедности погибают. Избушка развалилась; коровы околели; трактор не пашет; телевизор не показывает... В довершение всех бед закрылся на ремонт мясной магазин, так что несчастные Светкины родители даже мясного духа лишились.

Увидели батюшка с матушкой свою Светлану в шелковых шароварах да в шелковом тюрбане и чуть с ума не сошли от радости. Еще бы — дочка-утопленница с того света вернулась! А принц Закир (в знак благодарности, что они народили на свет такое чудо, как его ненаглядная Светочка) раскошелился и купил Светкиному отцу тракторный завод, а Светкиной матери молочную ферму...

Между тем мудрый визирь Фаиз, путешествуя по бескрайним российским просторам, обратил внимание на то, что по берегам рек и озер в изобилии водятся зеленые квакающие существа. Он тут же прервал свое путешествие и отправился в престольный град Москву, где и подписал с тамошним правителем соглаше-

ние, по которому все лягушки в России вылавливаются и в спешном порядке отправляются в Персию.

И с того времени каждый персидский юноша, достигший брачного возраста, получал из рук шаха Бахтияра персональную лягушку, целовал ее, и она, как по команде, превращалась в писаную русскую красавицу.

Вот так мудрый визирь Фаиз успешно решил проблему с недородом девочек. (Впоследствии многие русские девушки специально превращались в лягушек, чтобы уехать в Персию и там удачно выйти замуж.)

Что же касается принца Закира и его Светки, то по возвращении из России у них, как ни странно, родилась именно девочка, которая сразу же начала петь. Счастливые родители назвали ее Гюзель (что по-персидски означает «певунья»).

Но это уже совсем другая история.

День рождения Юлии

В одной школе училась очень красивая девушка. Звали ее Юлия. Она дружила с мальчиком из своего класса. Они всюду ходили вместе. И даже договорились, что после выпускных экзаменов сразу же поженятся.

Но, как известно, большие несчастья происходят от маленьких причин. Купили

на беду мама с папой мальчику новенький мотоцикл. Поехал он на нем кататься и разбился насмерть. Заахали, заохали родители, да уж чего теперь-то охать. Кого на кладбище отнесли, того обратно не принесут.

Погоревала-погоревала Юлия, да потихоньку и забыла о своем погибшем суженом. Дело молодое...

Но он не забыл.

И вот однажды решила Юлия отметить свой день рождения. Назвала полный дом гостей. Все едят, пьют, веселятся. Музыка громко играет. Сама Юлия сидит во главе стола, вся такая нарядная: специально ко дню рождения платье модное сшила. А справа от нее — жених. Да, да, жених. Молодой, интересный, в Америке дипломатом работает. Сидят они рядышком, смотрят друг на друга с любовью, прямо глаз отвести не могут.

И вдруг чьи-то тяжелые руки легли на плечи Юлии. Оглянулась она и прямо обмерла от страха. Потому что позади нее стоял... *окровавленный мотоциклист!*

Вот так в жизни бывает: кругом веселье, смех — а рядом с Юлией покойник стоит и на нее смотрит. Главное, что кроме Юлии его и не видит никто.

— Юлия, — говорит окровавленный мотоциклист, — я пришел за тобой.

— Как за мной? — шепчет девушка, а у самой зуб на зуб от страха не попадает.

— А ты разве забыла, что слово дала за меня замуж выйти?

— Я давала слово выйти замуж за живого, — отвечает Юлия. — А ты уже пять лет как мертвый.

— Ах так, — разозлился мертвец, — ну ладно! Ты еще пожалеешь.

И исчез...

И снова вокруг: шум, смех, музыка. А Юлия оглядывается недоуменно, будто разбудили ее только что. Она уже и сама не знает — приходил мертвый мотоциклист или ей это привиделось.

Попили гости, поели и разошлись. Жених в Америку улетел. Осталась Юлия одна. Но с того дня как подменили ее. Бледная вся сделалась, неразговорчивая, ходит по квартире, словно тень. И ведь что интересно: она сама ясно понимает, что с ней что-то неладное творится. А поделать ничего не может.

Мать, видя, как дитя ее мается, говорит:

— Поезжай-ка ты, Юленька, в деревню, к бабушке. Молочка парного попей, яблочек покушай, чистым воздухом подыши. Глядишь, и спадет с тебя эта напасть проклятая.

Послушалась Юлия свою мать и поехала в деревню. Молоко парное пила, яблоки ела, чистым деревенским воздухом дышала... Не спадает напасть, хоть ты тресни. И на сердце тяжело, как камень кто положил.

Возможно, так бы и угасла Юлия, словно свечечка, не узнай она случайно, что на ок-

раине деревни живет одна старушка — страшная колдунья. Но добрая.

Пришла к ней Юлия. Так, мол, и так, говорит... Рассказала и про день рождения, и про окровавленного мотоциклиста, и даже про жениха американского.

— Да, девка, — отвечает бабуля, а сама наливочку из рюмочки потягивает, — трудно твоему горю помочь. Потому как увел покойничек с собой твою душу. И не куда-нибудь, а аж в Магонию — город мертвых.

— Что же мне теперь делать, бабушка? — жалобно спрашивает Юлия. — Без души-то?..

— А вот погоди, — говорит колдунья, — я тебя научу.

И научила...

«Как помру я, то снесут гроб с моим телом в церкву. И станут искать человека, чтоб надомной псалтырь читал. Ты и вызовись. И читай молитвы две ночи кряду. А на третью ночь, под самый рассвет, вытащи мое тело из гроба, да и схорони. А сама быстренько в церкву возвернись, ляг в мой гроб и крышкой прикройся. А как схоронят тебя, так и окажешься ты в Магонии — городе мертвых. А там уж, девка, не теряйся. Ищи свою душу. Найдешь ее — скажи: «Душа, душа, поди на место...» Ну, а что далее делать, я тебя на том свете научу...»

Страшно Юлии и слушать про все это, не то что исполнять.

Но нужда и не такие дела делать заставит...

Вскорости померла колдунья. Стали в деревне искать, кому над ней псалтырь читать. Юлия и вызвалась... Читала молитвы две ночи подряд, стоя у раскрытого гроба, при свечах, а на третью ночь вытащила мертвое тело из гроба, снесла на кладбище, да и закопала в одной из могил. Потом быстренько вернулась в церковь, легла в пустой гроб и крышку над собой закрыла... Лежит в темном гробу ни жива, ни мертва от страха.

Тут и утро. Затопали мужики-похоронщики, застучали молотками, вгоняя острые гвозди в крышку гроба. Потом подняли гроб и понесли. Слышит Юлия, как в могилу ее опускают. И как комья земли сверху сыпятся. Зарывают, значит...

И все. Похоронили Юлию.

Полежала она немножко, похороненная, а затем крышку толкнула, открывается ли?.. Крышка при первом же прикосновении и отскочила, словно и не гвоздями была прибита. Встала Юлия из гроба, смотрит: поля, леса, дорога извилистая... Ну, она и пошла по этой дороге. Шла, шла и пришла в какой-то город. Народу в городе видимо-невидимо. И все как один — мертвецы. Юлия сразу и поняла, что это и есть Магония — город мертвых.

Идет она по улице — словно ведет ее кто. Уже заранее знает, где прямой улочкой пройти, а где в кривой переулочек свернуть. Смотрит: дом стоит — и будто именно сюда ей и надо. На крылечко поднялась, двери отворила, вош-

ла в сени, глядит: следующая дверь приоткрыта на небольшую щелку. Подкралась Юлия тихонько к двери и заглянула в комнату...

А там свадьба. Сидят мертвые гости, а на месте жениха с невестой — окровавленный мотоциклист и Юлина душа.

Душа в подвенечном платье, а лицо все заплаканное. Повернулся к ней окровавленный мотоциклист.

— Целуй меня! — требует.

— Нет, нет, — в ужасе шепчет Юлина душа, отстраняясь.

Тут Юлия резко дверь распахнула да как крикнет:

— Душа, душа, поди на место!..

Тотчас Юлина душа вся прозрачная сделалась, подвенечный наряд соскользнул с нее, а сама она легко взлетела под потолок. Мертвецы со своих мест повскакивали, руками над головами машут, пытаются ее поймать. А душа уже не прозрачная, а словно облачко белое — руки мертвецов свободно сквозь нее проходят. Подлетело облачко к Юлии, окутало ее всю с головы до ног. Юлия два раза глубоко вздохнула и почувствовала, как душа в нее вошла.

— Убейте ее! — закричал окровавленный мотоциклист, указывая на Юлию окровавленным пальцем. И первый бросился к девушке.

А за ним бросились остальные мертвецы.

Юлия же припустилась наутек. Бежит, бежит и чувствует — все! Нет больше сил. Вот сейчас мертвецы ее догонят и растерзают. За-

бежала она в первый попавшийся дом, а там — бабулька-колдунья ее дожидается. Держит наготове старушечье платье и черный платок.

— Переодевайся скорей! — торопит.

Не успела Юлия все это на себя натянуть, как в комнату ворвался окровавленный мотоциклист. Смотрит: сидит себе старушка, пряжу прядет.

— Эй, бабка! — грозно приступил к ней окровавленный мотоциклист. — Здесь не пробегала молодая красивая девушка?

— Нет, милоч, — отвечает Юлия, — не пробегала. Уж я бы видела.

А в это время колдунья на цыпочках подкралась сзади к окровавленному мотоциклисту да ка-а-к звезданет его дрыном по голове! Мотоциклист так и грохнулся на пол без чувств.

— Ну, все, — говорит колдунья, — в ближайшие сто лет он не очухается. Уж я об этом позабочусь. Можешь, девка, спокойно замуж выходить и детишек рожать. Никто тебе мешать не будет...

Распрощались они сердечно. Показала колдунья, где с того света на этот свет выйти можно. Да еще то удачно получилось, что выход в Америке оказался. Вот Юлия и вышла прямо в городе Нью-Йорке, где ее жених дипломатом работал. Он так обрадовался появлению своей невесты, что тут же написал заявление об увольнении. И поеха-

ли они в Россию, в Орловскую область; обвенчались там и поселились в деревне Скворода. Дипломат пошел работать пастухом, очень ему здесь дипломатическое образование пригодилось, а Юлия стала работать свиаркой, потому что с детства любила свиную тушенку.

Вот вам и вся сказочка, а мне бубликов связочка.

Волшебное стеклышко

Жил на свете Степан, сантехник. И захотелось ему жениться. А мать Степану и говорит:

— Девицы, Степушка, они разные бывают. С виду вроде Василиса Прекрасная, а приглядишься получше — форменная Баба Яга.

А чтоб Степан не ошибся, дала ему мать волшебное стеклышко. И строго-настрого наказала:

— Перед тем, как жениться, сыно́к, посмотри на невесту через это стеклышко.

И вот однажды вызвали Степана в квартиру, где кран на кухне протекал. Пришел он. Позвонил. И открывает ему самая настоящая царевна. Такая красивая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Здравствуйте, — поздоровался с ней Степан. — Сантехника вызывали?

— Вызывала, — улыбается царевна. — Я

Василиса Прекрасная. У меня кран на кухне протекает.

Прошел Степан на кухню, начал кран чинить. Чинит-чинит, а сам только о Василисе Прекрасной и думает. О том, как бы на ней жениться.

А тут Василиса заходит. И говорит этак игриво:

— Не хочешь ли ты, Степанушка, на мне жениться?

Степан враз голову потерял.

— Хочу! — кричит. — Еще как хочу!

О волшебном стеклышке он даже и не вспомнил. Схватил Василису Прекрасную — да скорей под венец!

А вечером прибежал к матери. Весь от счастья светится.

— Матушка, я женился!

— А через волшебное стеклышко ты на нее смотрел? — спрашивает мать.

— Да чего там смотреть?! — говорит Степан. — Я и так вижу, что она настоящая Василиса Прекрасная — женушка моя ненаглядная.

— Эх, Степа, Степа, — качает головой мать. — Дурачок ты у меня. Ну да слезами горю не поможешь. Вот тебе гиришка пудовая. Как станет подходить к тебе твоя женушка, кинь ей эту гиришку на ножку.

Степан, конечно, отказывается: не надо, мол, что за ерунда?.. Но все ж таки упросила его мать. Взял он гиришку и отправился к молодой жене.

Поцеловались они, помиловались. А после

Степан думает: дай-ка я для смеха гляну в волшебное стеклышко.

И глянул...

И видит обалдевший сантехник, что вовсе не в современной квартире он находится, а в мрачной избе с закопченной печью. А его ненаглядная Василиса Прекрасная — вовсе никакая не Василиса, а самая что ни на есть Баба Яга!..

— Во попал, — чешет Степа затылок.

А Баба Яга тем временем огонь в печи разводит.

— Василисушка, — спрашивает у нее Степан, — зачем ты огонь в печи разводишь?

— Хочу оладушки тебе испечь, — отвечает Баба Яга.

А сама топор из-под стола достает.

— Василисушка, — вновь интересуется Степан, — а зачем ты топор из-под стола достала?

— Да просто так, Степанушка, — отвечает Баба Яга.

— Просто так он и под столом может лежать, — говорит Степан.

А Баба Яга в образе Василисы уже к нему приближается, помахивая топором.

Тут Степан вспомнил про пудовую гирьку, что ему мать дала. Схватил он эту гирьку и кинул любимой Василисушке на ножку.

Та как завизжит! Как волчком завертится! Как начнет обзывать Степана всякими нехорошими словами!..

Ну, здесь уж безо всякого стеклышка стало видно, что она самая настоящая Баба Яга.

Степан ноги в руки — и бежать скорей от Бабки Ежки!

Три дня его матушка тепленьким молочком отпаивала, так он был напуган. На четвертый день вышел Степан на работу — а ему опять заявка: кран на кухне протекает. Уже в другой квартире.

Пришел Степан. Позвонил. И открывает ему такая прекрасная царевна, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Но Степу теперь на мякине не проведешь. Научен горьким опытом.

— Тебя звать-то как? — спрашивает он у царевны.

— Марья Краса, — отвечает та. — Длинная коса.

— А вот мы сейчас посмотрим, какая ты Марья Краса, — достает Степан волшебное стеклышко.

Глянул — и правда! — перед ним Марья Краса — Длинная Коса.

Степан сразу и предложение сделал. А Марья Краса сразу и согласилась. И стали они жить-поживать да добра наживать.

Дурак Емелин

Жил на свете дурак Емелин. И вот однажды познакомился он с девушкой по имени Лю-

бенька. И решил на ней жениться. Любенька — не против.

— Только, — говорит, — вначале зайди ко мне в гости. Посмотри, как я живу.

Зашел дурак Емелин. И в ту же секунду угодил в паутину.

— Ух ты! — поразился Емелин такому обороту событий.

А Любенька уже по паутине спускается, клацая ядовитыми челюстями. Дурак Емелин кое-как высвободился из паутины и — бежать скорей!

Впрочем, Емелину, как и положено дураку, эта история впрок не пошла. Через пару дней ему опять жениться захотелось.

На сей раз познакомился он с Наденькой. Симпатичной девушкой в очках. И пригласил ее в бар.

Сидят они в баре, пьют коктейль. И вдруг видит дурак Емелин, что у Наденьки язычок на конце *раздвоенный*. Тут-то до Емелина и дошло, что перед ним — очковая змея.

А Наденька тем временем шею вытянула и говорит ласково:

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Дурак Емелин — ноги в руки и — бежать!

После таких сюрпризов ему и жениться расхотелось. Вот так невесты, думает, — одна паучихой оказалась, другая — змеей. Неужели совсем хороших девушек не осталось?.. Только он это подумал — глядь! — навстречу идет хорошая девушка. По имени Варенька.

Поженились они, и Варенька дала мужу ласковое прозвище — Чубчик. Очень оно Емелину понравилось. Бывало, по утрам Варенька зовет:

— Чубчик! Чубчик! Пошли гулять!

И дурак Емелин радостно бежит на зов любимой. А с гулянья придут, Емелин сразу же к своей мисочке несется...

Но вот однажды после дождя взглянул дурак Емелин случайно в лужу на асфальте. И... обалдел! Потому что из лужи на него смотрела болонка. С розовым бантиком на шее.

Прибежал Емелин домой и говорит:

— Любимая, почему ты мне не сказала, что я превратился в болонку?

— Так не в дворнягу же, — отвечает Варенька.

— Что значит — не в дворнягу?! — возмутился дурак Емелин. — Я стал собакой. Понимаешь?! С о б а к о й!

— Ну и что? — пожимает Варенька плечами. — Я же тебя кормлю?

— Ну кормишь.

— Гулять вывожу?

— Ну выводись.

— Так чего тебе еще надо?

— Но я же — человек! — заорал Емелин.

— А мы об этом никому не скажем, Чубчик, — почесала ему Варенька за ушком.

Емелина до того разозлил этот жест, что он взял, да и цапнул любимую за руку.

— Взбесился! — завизжала Варенька и вышвырнула дурака Емелина из дома.

И с тех пор стал Емелин жить на пригородной станции. Под платформой. Вместе с другими бездомными псами. А питаться — на помойках. Никто ж не виноват в том, что ты дурак.

Капелька

Жила-была на свете художница. Звали ее Ася. Все дни напролет она только и делала, что рисовала осенний дождь. И, надо вам сказать, у нее это неплохо получалось. Правда, когда Ася устраивала выставки своих картин, люди недоумевали — почему она рисует один лишь осенний дождь?.. Ответ был прост: Ася любила его. А Осенний Дождь любил ее. И как только он видел, что Ася, собрав кисти и краски, идет на улицу, тут же начинал ей позировать. Лил и лил, не переставая.

И так сильно они полюбили друг друга, что даже на минутку не хотели расставаться. Однажды, когда наступила ночь, Осенний Дождь тихонько постучал в Асино окно.

— Кто там? — спросила Ася.

— Это я, — ответил Осенний Дождь.

— Проходите, — сказала Ася, открыв створки окна.

— Ой, — смутился Осенний Дождь, — я вам наслежу.

— Да бросьте вы, — улыбнулась Ася. — Проходите. Я вас блинчиками угощу. С медом.

Ну кто ж откажется от блинчиков, да еще

с медом?.. Дождь вошел в окно и уселся на краешек стула. В комнате сразу запахло желтыми листьями и мокрыми ветками. Ася растопила печку и напекла блинов. И они стали есть горячие блинчики, макая их в золотистый мед. При этом Ася и Осенний Дождь смотрели друг на друга. Почему, спросите вы?.. Нипочему. Просто так. И еще потому, что они любили друг друга.

А ранним утром у них родилась девочка. Ма-а-а-ленькая такая, но о-очень симпатичная.

— Давай назовем ее Капелькой, — предложил Осенний Дождь, глядя на девочку с той же любовью, с какой он ночью смотрел на Асю.

— Давай, — согласилась Ася.

— Я Капелька, — звонко рассмеялась девочка. Как видите, она уже научилась говорить.

— А я теперь — отец семейства, — важно объявил Осенний Дождь. — И мне надо отправляться в дальние края. На заработки.

— Смотри, долго не задерживайся, — попросила его Ася.

— Мы будем тебя ждать, папочка, — помахала ручкой Капелька.

И Осенний Дождь ушел. А вместо него пришла Зима. Противная горбатая старуха в белой облезлой шубе. Первым делом она заморозила все окна и замела все дороги. А вторым делом решила погубить Асю.

И вот однажды, когда Ася вышла на улицу, старуха Зима накинула на нее огромный сачок. Ася забилась под этим сачком, словно пойманная бабочка. А старуха Зима начала дуть на Асю своим ледяным дыханием: ффффффффффф... И дула до тех пор, пока Ася не промерзла до самого сердца. Сердце ее покрылось толстой коркой льда и — *остановилось*.

Старуха схватила Асино замерзшее тело и отнесла в Гренландию. Положила там в ледяной гроб и накрыла ледяной крышкой.

Но на этом старая карга не успокоилась. Теперь ей хотелось погубить еще и Капельку. А надо вам сказать, что Капелька родилась не совсем обычным ребенком. Она умела летать и еще превращаться в чистую родниковую воду. Вот этим-то и решила воспользоваться старуха Зима.

Сменив облезлую шубу на белый докторский халат, Зима постучала в двери Асиного домика.

— Здравствуй, детка, — сказала она, когда Капелька открыла. — Как тебя зовут?

— Капелька, — ответила Капелька.

— А ты знаешь, Капелька, что твоя мама опасно больна? — начала врать старуха Зима. — И я, как лечащий врач, прописала ей пить чистую родниковую воду.

Капелька поверила злой старухе. Ну а что вы хотите?.. Ведь ей было всего несколько дней и она еще не встречала плохих людей.

Более того, она даже не знала об их существовании. Поэтому Капелька, чтобы спасти маму, тут же превратилась в чистый родничок. Старуха Зима зачерпнула целое ведро воды и исчезла. А у Капельки, когда она вновь стала девочкой, не оказалось правой ручки.

— Ничего, — утешила себя Капелька, — зато мама выздоровеет.

На следующий день старуха Зима снова приковыляла.

— Этого мало, Капелька, — сказала она. — Надо еще. А то твоей мамочке совсем худо станет.

И добрая Капелька опять превратилась в чистый родничок, а старуха Зима опять зачерпнула из него ведро воды.

Лишилась Капелька и левой ручки.

Села она у окошка и стала думать о том, что скоро мама поправится и что завтра уже первое марта — начало весны, а потом придет лето, а за летом — осень, и вернется из дальних краев ее папа — Осенний Дождь...

Но противная Зима поколдовала, и на следующий день наступил не март, а декабрь.

Капелька все так же сидела у окна и, надышав на замерзшем стекле кружочек, печально смотрела, как по двору метет метель. Из Капелькиных глаз выкатились две слезинки и покатались по щекам. А у Капельки не было рук, чтобы стереть их. Слезинки докатились до подбородка и упали в цветочный горшок, стоящий на подоконнике. И хотите

верьте, хотите нет, но в горшке из этих слезинок начал расти мальчик. С маленькими ручками, маленькими ножками и маленькой игрушечной саблей.

— Привет! — сказал мальчик, когда уже достаточно подрос, и выпрыгнул из горшка.

— А вы кто? — спросила у него Капелька.

— Я самый сильный человек в мире, — с гордостью ответил мальчик. — Меня зовут Митрофанушка.

— Вы-то как раз мне и нужны, — обрадовалась Капелька и рассказала самому сильному человеку о некрасивых поступках старухи Зимы.

— Веди меня к ней! — воскликнул Митрофанушка и выхватил из ножен игрушечную саблю. — Я ее вызову на бой!

Когда они пришли в Гренландию, старуха Зима жарила себе на ледяном огне котлеты из снега.

— Выходи на бой! — закричал ей тоненьким голоском Митрофанушка, размахивая саблей.

— Ха-ха-ха, — захохотала старуха Зима. — Хороший гарнирчик будет у меня сегодня к котлеткам. — И она бросилась на Митрофанушку.

Неизвестно, чем бы все дело кончилось, но тут Капелька почувствовала легкое дуновение свежего ветерка. Она сразу поняла, что это ее отец — Осенний Дождь возвращается из дальних краев. Капелька, вспорхнув, будто облачко, полетела ему навстречу и все-все

рассказала. Назад они неслись как угорелые и, к счастью, успели вовремя. Потому что, хоть Митрофанушка и был самым сильным человеком в мире, с Зимой ему было явно не совладать. Удары его игрушечной сабли отскакивали от ее ледяного тела, как от стенки горох.

Осенний Дождь обильно пролился на землю. Старуха Зима сразу стала мокрой и рыхлой. Руки-ноги у нее отвалились, а голова, словно мячик, укатилась неизвестно куда.

И пришла Весна. Зажурчали ручейки. Закапала с крыш капель. Запели птицы. А у Капельки выросли обе ее ручки...

Ледяной гроб, в котором лежала Ася, растаял под весенним солнышком, Ася согрелась, и у нее снова забилось сердце. Вот так: тук-тук-тук-тук... А когда она увидела Осенний Дождь и Капельку, сердце ее заколотилось уже вот так: туктуктуктуктуктук... От радости!

К Асе подошел маленький мальчик, которого она раньше не видела.

— Привет! — сказал он ей. — Я — брат Капельки. Митрофанушка. Самый сильный человек в мире.

— Очень приятно, — ответила Ася. — А я Капелькина мама.

— Ура-а! — захлопала Капелька в ладоши. — Значит, мы все близкие родственники!

И, взявшись за руки, они начали танцевать и напевать: «Дождик! Дождик! Лей-лей-лей! Чтобы было веселей!..»

И Осенний Дождь лил вовсю. Он так старался, что скоро и Капелька, и ее братик Митрофанушка, и их мама Ася вымокли до нитки. Но тут Ася вспомнила, что она художница. И сразу начала рисовать картину под названием «Автопортрет с дождем и детьми».

Картина получилась замечательной. Ее послали на выставку в Париж. Французам она тоже понравилась, и они повесили Асину картину у себя в Лувре, рядом с «Джокондой» Леонардо да Винчи. А Асе заплатили много-много денег. Поэтому Осеннему Дождю больше не надо было отправляться в дальние края на заработки. Асиных денежек вполне хватало и на то, чтобы есть, и на то, чтобы пить, и даже на то, чтобы печку топить. Вот так.

Маленькая горбунья

В одной холодной и неудобной стране жила маленькая девочка по имени Эмма. В этой стране все люди были очень злые, они постоянно ругались друг с другом, а порой даже и дрались. Эмма же была девочкой тихой и застенчивой. Родители у нее умерли, и она временно жила у дяди с тетей. Почему временно?.. Да потому что в этой стране везде были очереди. Очередь, чтобы попить воды; очередь, чтобы поесть хлеба... Вот и в сиротский приют, куда дядя с тетей

хотели сдать маленькую Эмму, тоже была очередь.

Жилось Эмме у дяди с тетей несладко; она много работала, а в редкие свободные минутки грустно смотрела в окно. Зимой за окном шел снег; осенью за окном шел дождь. А весны и лета в этой неуютной стране никогда не было.

И вот однажды зимним утром Эмма почувствовала острую боль в лопатках. На другой день боль усилилась. А на третий день смотрит Эмма в зеркало и глазам не верит: у нее за спиной выросли... крылья.

Да, да, самые настоящие крылья. Как у лебедя.

Тут в комнату вошла толстая тетя. Она жевала кусок колбасы. Тетя сразу заметила крылья.

— Это еще что такое? — сказала она. А потом как заорет: — Харито-о-н!

Тут же явился толстый дядя. С кухонным ножом. Дядя разделывал на кухне мясо для котлет.

— Че? — спросил он.

— Гляди-ка, — показала тетя. — У этой паршивки крылья выросли.

— Счасотрежем, — подскочил дядя к Эмме и взмахнул ножом.

Эмма вся сжалась от страха.

— Да погоди ты, — остановила тетя дядю. — Слушай, что я придумала. Мы оденем на крылья чехол, и пускай девчонка воз-

ле церкви побирается. Горбатой каждый денежку подаст.

— А мы эти денежки копить будем! — подхватил дядя.

Они заставили Эмму спить чехол, и теперь вместо белоснежных крыльев у нее за спиной торчал уродливый горб.

Тетя отвела Эмму к церкви.

— Смотри, — пригрозила она, — прине-сешь мало денег — выпорю.

И ушла домой есть котлеты.

Было довольно холодно, и Эмма скоро замерзла. Чтобы немного согреться, она отправилась бродить по улочкам и переулкам. Шла Эмма, шла, и вдруг с ней стали твориться необъяснимые вещи.

С одной стороны — она вроде бы так и бредет по заснеженной улице; а с другой стороны — попала Эмма в волшебную страну.

В этой стране росли огромные-преогромные цветы, над которыми, как птицы, летали прекрасные юноши и девушки.

Эмма заметила, что и она превратилась в прекрасную девушку. Сорвав с крыльев чехол и почистив перышки, Эмма подпрыгнула и... *полетела.*

Навстречу ей летел прекрасный юноша.

— Как тебя зовут? — спросил он у Эммы.

— Эмма, — ответила Эмма. — А тебя?

— Норман, — сказал юноша.

Молодые люди сразу же влюбились друг в друга, но...

Но тут Эмма вновь оказалась у церкви. Опять она была маленькой горбуньей в стареньком заношенном пальто.

«Ну вот, — печально подумала девочка, — я уже схожу с ума. У меня начались галлюцинации».

Только она успела это подумать, как к ней подошел мальчик. Эмма еще раньше обратила на него внимание. Мальчика привела к церкви женщина со злым лицом. Одет он был так же, как и Эмма, в старенькое заношенное пальто. А за спиной у него так же, как у Эммы, торчал уродливый горб.

— Эмма? — неуверенно произнес мальчик.

Девочка внимательно взгляделась в его лицо.

— Норман, — прошептала она. — Значит, это была не галлюцинация?

...И с тех пор они каждый день, взявшись за руки, уносились в волшебную страну, где всегда было лето и никогда не было ночи. Но однажды они забыли вовремя вернуться, а когда вернулись, то обнаружили, что их уже нет в неуютной и холодной стране. Ударили сильные морозы, и детские горбатые тела замерзли возле церкви. И их закопали на кладбище.

Эмма и Норман, конечно, очень обрадовались, что все так ловко получилось. Да и мы с вами тоже знаем, что на самом деле они не умерли. А уже навсегда улетели в страну вечного счастья, вечного солнца и вечной любви...

Сказка о чистой и светлой любви

Жила в одном болоте маленькая жирненькая пиявочка. Звали ее Лерочка. А по соседству с Лерочкой жил лягушонок по фамилии Квакин. И вот этот самый Квакин влюбился в эту самую Лерочку. И захотел на ней жениться. Взял он в лапку букет болотных кувшинок и — прыг-скок, прыг-скок — отправился делать Лерочке предложение.

Квакин застал Лерочку в кровати. Она нежилась под теплым одеяльцем.

— Любимая, — воскликнул лягушонок, встав на одно колено, — выходи за меня замуж!

— Квакин, — поморщилась Лерочка, — ну подумай сам, как я могу выйти за противного, зеленого, с вечно выпученными глазами лягушонка?

— Это я только с виду такой, — ответил Квакин, — а душа у меня беленькая, пушистенькая, с крылышками...

Но пиявка Лерочка все равно сказала:

— Нет!

Лягушонок Квакин вернулся домой ни с чем.

— И что ты в ней нашел? — удивлялась мать Квакина, старая жаба Мионовна. — Обыкновенная пиявка, да к тому же еще ленивая. Тебе надо взять в жены скромную, работающую лягушку; я бы хоть на старости лет головастика понянчила.

— Мама, ты ничего не понимаешь, — отвечал Квакин. — Лерочка не такая, как все. Она особенная. И я люблю ее больше жизни...

Однажды в болоте появился новый обитатель. Окурок.

— Меня зовут мистер Кент, — важно представился он. — Я родом из Америки.

— Ах, Америка, — томно вздохнула Лерочка. — Оазисы... верблюды...

— Любимая, — мягко поправил ее лягушонок Квакин, — верблюды и оазисы в Африке.

Но Лерочка его не слушала, с обожанием глядя на американский окурок. Вскоре она вышла замуж за мистера Кента. И стала требовать, чтобы все называли ее Леруа Кент!..

Впрочем, прожили они вместе недолго. Мистер Кент быстро размок в болоте, и пиявка Лерочка осталась вдовой.

Квакин вновь нарвал самых красивых кувшинок и, придя к Лерочке, предложил ей свою лапку и сердце.

Но Лерочка опять сказала:

— Нет!

А через некоторое время по болоту поползи слухи, что Леруа Кент, то есть пиявку Лерочку, выловили юные натуралисты, отнесли в городскую школу и поместили там в стеклянную банку со спиртом.

Лягушонок Квакин, недолго думая, собрался в дорогу. Положил в рюкзак пару суше-

ных комаров и — прыг-скок, прыг-скок — отправился в город.

В городе он отыскал школу и поднялся на третий этаж, где находился кабинет зоологии.

И, представьте себе, увидел там свою ненаглядную Лерочку. Она действительно сидела в банке со спиртом.

— Какое счастье, — запрыгал по кабинету лягушонок Квакин. — Я снова рядом со своей любимой.

— Никак Квакин явился? — приоткрыв один глаз, сказала Лерочка. — Ох, и достал же ты меня, братец.

— Богиня моего сердца, — воскликнул лягушонок. — Будь моей женой!..

— Квакин, — ответила Лерочка хриплым голосом, потому что уже основательно проспиртовалась в банке, — если хочешь знать, мне здесь предложение скелет делал из кабинета анатомии. И то я за него замуж не пошла: слишком костляв. А ты думаешь, что я за тебя, заморыша склизкого, пойду?

Лягушонок Квакин ни капельки не обиделся на Лерочку за эти слова. Наоборот, глядел на нее с трепетной любовью и обожанием.

— Любимая, — начал он проникновенно, — это я только с виду такой, а внутри...

— Ой, слышали мы эти сказки, — перебила его Лерочка. — То, что ты внутри беленький, пушистенький, да еще с крылышками. Нет, дорогуша, я теперь ученая. Каждый день учителя зоологии Пафнутьева слушаю. Ника-

кой души нет. Ни беленькой, ни черненькой. А есть внутренности: ну там кишки всякие, печенка, селезенка...

— Ты ошибаешься, Лерочка, — принялся ласково переубеждать пиявку Квакин. — Душа есть. Она...

Лягушонок не успел договорить, потому что кто-то схватил его за лапку и перевернул вниз головой.

Это был учитель зоологии Пафнутьев.

— Лягуха! — радостно завопил он. — Живая!

— Отпустите меня, пожалуйста, — с достоинством произнес лягушонок Квакин. — Вы ведете себя неприлично.

— Ха-ха-ха! — во все горло захохотал Пафнутьев. — Лягуха квакает!

— Послушайте, — покраснел от стыда за Пафнутьева лягушонок Квакин, — вы же человек! Своим поведением вы оскорбляете свое человеческое достоинство.

— Счас поглядим, лягуха, че у тебя внутри, — деловито проговорил Пафнутьев; в руке у него блеснул скальпель.

И раз!.. раз!.. раз!..

Зеленая шкурка упала на пол... А к потолку вспорхнула беленькая пушистенькая душа с крылышками.

— Ни фиги себе, приколы, — отвисла челюсть у Пафнутьева. — А где же внутренности? Эй! Эй!.. — начал он гоняться за душой по всему кабинету. — Дай-ка я тебя тоже разрежу!

Глупенькая Лерочка только теперь поняла, какую она совершила ошибку, отвергнув чистую и светлую любовь лягушонка Квакина. Увидев его прекрасную душу, она тотчас влюбилась в нее.

— Квакин! Квакин! — закричала Лерочка и забарабанила кулачками в стеклянную стенку. — Я люблю тебя! Я согласна стать твоей женой!

Но душа лягушонка Квакина лишь махнула на прощание белым крылышком и вылетела в форточку.

А несчастная Лерочка легла на дно банки и заплакала. Она плакала долго-долго, горько-горько, но слез ее никто не видел, ведь в банке был спирт.

Смотритель Маяка

Давным-давно, когда Земля еще имела форму чемодана, жил Смотритель Маяка.

Он был такой старый, что даже не помнил своего имени. Вы, наверное, не поверите, если я скажу, что ему исполнилось ровно три тысячи лет.

Смотритель жил на каменном острове посреди бушующего океана. Вместе с ним жила летучая мышь Виолетта и женский голос, неизвестно кому принадлежащий.

Смотритель так его и называл — «Голос».

Работа у Смотрителя Маяка была неслож-

ная. Время от времени он подливал масло в светильник, чтобы огонь на маяке не угасал.

Потом Смотритель спускался по винтовой лестнице в маленькую каморку, усаживался перед камином и рассказывал историю своей жизни. Смотритель рассказывал ее каждый вечер вот уже сто лет, но успел рассказать только про свое детство.

Голос был благодарным слушателем. Он никогда не перебивал Смотрителя и не вставлял неуместных замечаний.

Голос просто слушал.

Впрочем иногда в особо интересных местах он говорил: «Ах!» А в особо страшных местах он говорил: «Ой!»

Что же касается летучей мыши Виолетты, то она вообще ничего не говорила. Ни «ах», ни «ой». Она висела под потолком вниз головой, уцепившись лапками за каменный выступ, и спала мирным сном. Или делала вид, что спит. Ведь, когда имеешь дело с летучими мышами, ничего нельзя сказать наверняка. За все время, что Смотритель знал ее, летучая мышь Виолетта произнесла лишь одну фразу.

Вот такую:

— Если я молчу, это, конечно, не значит, что я умная, но это уже значит, что я не дура.

Так они и жили. Пока однажды...

Нет, вначале все шло как обычно. Неприятливо шумел океан. По небу неслись свинцовые тучи. Холодный дождь стучал в окна.

Под потолком дремала летучая мышь Виолетта. Где-то в воздухе находился притихший Голос. А Смотритель Маяка продолжал свой долгий рассказ:

— ...Теперь пришла пора раскрыть перед вами самую печальную страницу моей истории. Две тысячи лет тому назад я полюбил прекрасную девушку Мону. И прекрасная девушка Мона тоже полюбила меня. Земля тогда еще была круглая, как детский воздушный шарик; все время светило солнце, а океан напоминал не разбушевавшегося тигра, как сейчас, а ласкового котенка... Я и Мона стали жить на песчаном берегу в тростниковой хижине. Я ловил в океане рыбу. Мона собирала в лесу землянику. А по вечерам мы ели уху и пили чай с земляничным вареньем. Казалось, наше счастье будет продолжаться вечно. Но однажды солнце исчезло. Подул ледяной ветер. Огромные волны, будто тысячи бешеных собак, бросились на берег со злобным рычанием. И я увидел корабль с темными парусами. С корабля спустился таинственный незнакомец в черном плаще. Ни слова не говоря, он накинул мне на голову свой плащ. Я замахал руками, пытаюсь сбросить с себя кусок тяжелой ткани. Когда мне это наконец удалось, я не обнаружил ни корабля, ни таинственного незнакомца. Но самое страшное было другое. Вместе с ними исчезла и Мона... Напрасно дни и ночи напролет стоял я на берегу бушующего океана,

повторяя имя любимой. Ответом мне было лишь собственное эхо... С тех пор минуло две тысячи лет...

— Ах, — печально вздохнул Голос. — Какую грустную историю вы нам поведали...

И тут вдруг раздался стук в дверь.

Смотритель пошел открывать, недоумевая, кто бы это мог быть. А когда открыл, то увидел на пороге таинственного незнакомца в черном плаще. За его спиной, у берега, стоял корабль с темными парусами

Ни слова не говоря, незнакомец сорвал с плеч черный плащ...

— Осторожнее! — вскричала летучая мышь Виолетта, приоткрыв один глаз. — Я вижу его мысли. Они черные!

Услышав этот предостерегающий крик, Смотритель успел вовремя вскинуть руки над головой. Перехватив плащ, он набросил его на незнакомца.

Под плащом загремел гром и засверкала молния!

А потом все исчезло... Вернее, не все. Исчезли только таинственный незнакомец и его странный корабль.

Небо очистилось от туч. Выглянуло солнце. Океан успокоился.

— Артур, — тихонько позвал Голос.

Смотритель Маяка оглянулся. Позади него стояла девушка сказочной красоты.

— Мона?! — не веря своим глазам, воскликнул он. И ударив кулаком по лбу, еще

раз воскликнул: — Ура! Я вспомнил! Меня зовут Артур!..

— Да, мой любимый, — сказала Мона.

И они кинулись друг другу в объятия... А потом Смотритель подошел к зеркалу и увидел, что он уже не глубокий старик, а прекрасный юноша.

— Выходит, мне снова придется жить две тысячи лет?! — озадаченно произнес он.

— Но теперь, милый, — напомнила ему прекрасная Мона, — ты проживешь их рядом со мной.

— Тогда я согласен! — обрадовался Смотритель и поцеловал Мону в щечку.

И они одновременно посмотрели на Виолетту, без которой их счастье было бы невозможно. А летучая мышь как ни в чем не бывало висела под потолком вниз головой с закрытыми глазами.

Вы думаете, она спала? Кто знает...

Альберт и Инесса

Жила в одной деревне бабка Маня. Старая-престарая. Лет, наверное, под девяносто. Так говорили те пожилые люди, которые помнили ее старухой, когда сами еще под стол пешком ходили. Но дело в том, что и другие люди — те, что уже давным-давно умерли, — тоже помнили ее старухой, когда сами еще под стол пешком ходили. Поэтому сколько ей

на самом деле лет — никто не знал. А сама бабка Маня запамятовала.

И вот однажды купила она на базаре козу. И эта коза начала давать молока по десять ведер в день!.. Уж бабка Маня пила-пила это молоко, и простоквашу с творогом делала, и соседям отдавала, а молока у Нюрки (так она назвала козочку) день ото дня — больше и больше. Что ты будешь делать?.. Не на землю же выливать. «Хотя почему бы и нет?» — подумала бабка Маня. И полила молоком чахлые помидорные кустики у себя на огороде.

На следующий день вышла бабка Маня на огород — ба-а-тюшки святы! — помидоры с арбуз величиной! Обрадовалась бабка Маня и тут же полила молоком несколько кустиков картофеля. А так как после поливки у нее все равно осталось с полведра молока, то она этими остатками ополоснула лицо и руки.

С утречка пораньше побежала бабка Маня на огород поглядеть, что там делается. Прибежала и чуть не упала от изумления. Потому что вместо огорода плотной стеной стоял густой лес — картошка так за ночь вымахала. Но это еще не все! Вернулась бабка Маня к себе в избу, глянула в зеркало — хоть снова падай! — из зеркала на нее смотрит прекрасный юноша по имени Егор. Во чудеса-то!..

Но чудеса-чудесами, а из картофельных джунглей надо как-то выбираться. Села бабка Маня, точнее, теперь уже юноша Егор на козу Нюрку и поскакал меж картофе-

ных стволов. Куда?.. Да куда глаза глядят!

Ехал он ехал, и застала его в дороге ночь. Глядь — а впереди огонек светится. Поехал Егор на огонек и увидел просторный дом. В этом доме жили два брата-близнеца. И были они не только близнецами, но еще и разбойниками. Заманят, к примеру, к себе какого-нибудь путника и вежливо предлагают:

— Отведай, мил друг, компотика с булочкой...

А на самом деле это никакой не компот, а колдовское зелье. И всякий, кто его выпьет, сразу же молодеет на тысячу лет! А так как люди столько не живут, то бедный путник, отведав угощение, просто-напросто — *исчезал*. Ну а братьям-разбойникам доставалась вся его одежда и кошелек с денежками.

Вот и сейчас, увидев Егора, братья-разбойники обрадовались очередной добыче.

— Заходи, — приглашают, — гость дорогой. Отведай компотика с булочкой.

А Егору и невдомек, что его погубить хотят. Наоборот, рад-радешенек подкрепиться. Взял он булочку и уже хотел из чашки глоток сделать. Но тут вдруг Нюрка и говорит человеческим голосом:

— Не пей, Егорушка, а то исчезнешь.

Ох, как братья-разбойники взбеленились, когда увидели, что Егор чашку от себя отодвинул.

— Да ты что! — орут злобно. — Какой-то козе поверил?!

А Нюрка знай свое:

— Не пей, не пей, Егорушка. Я тебе правду говорю.

Видят братья-разбойники, что их обман не удался, и решили Егора по-другому сгубить. Похватали они со стола ножи с вилками и на Егора бросились. Егор хоть и крепкий — да один. А братья хоть и хлипкие — да вдвоем. Наскакивают на Егора, будто петушки драчливые. Вот-вот одолеют.

Тут коза Нюрка ка-а-к вскочит на задние ноги да ка-а-к скинет с себя козью шкуру! И оказалась — молодым человеком приятной наружности!

Разбойникам с одним-то молодцем не справиться, а тут еще один молодец на подмогу явился. И до того братья-разбойники испугались, что весь компот, каким Егора опотить собирались, сами со страху и выпили.

Ну и, конечно, тотчас исчезли.

А Егор смотрит во все глаза на козу Нюрку, вернее — теперь уже на молодого человека, и поверить не может в этакое чудо.

— Кто ж вы такой будете? — интересуется.

— Ох-хо-хо, — горько вздохнул молодой человек. — Это очень длинная и печальная история.

— А вы ее в двух словах расскажите, — советует Егор.

— Меня зовут принц Альберт, — начал рассказывать молодой человек. — Когда мне исполнилось двадцать лет, я полюбил прекрасную принцессу Инессу, дочь короля, живуще-

го по соседству. И она тоже полюбила меня. Мы уже собирались пожениться, но на свою беду поехал я перед свадьбой на охоту и повстречал в темном лесу злую колдунью. И она мне сказала: «Ты думаешь, касатик, что всю жизнь будешь молодым и красивым? Как бы не так. Пройдет каких-нибудь тридцать лет — и твои волосы поседеют, зубы выпадут, а щеки покроются сеткой морщин». «А что мне надо сделать, чтобы остаться вечно молодым?» — спросил я у нее. «Пойди к своей невесте и выпей из нее всю кровь!» — ответила старая карга. «Ни за что!» — с негодованием воскликнул я и, повернув коня, поскакал обратно во дворец.

Однако поздним вечером черные сомнения стали закрадываться в мою душу. Быть вечно молодым... Как это заманчиво!

И... и ноги сами привели меня к злой колдунье. «Явился, касатик, не запылился», — захохотала она... Была глухая полночь. Страшно выл ветер. Я дал свое согласие. И колдунья превратила меня в отвратительного паука-кровососа. Потом, на метле, доставила во дворец принцессы Инессы и подкинула в ее спальню.

Моя любимая спала сладким сном. Я на кривых паучьих лапках подкрался к кровати и, присосавшись к правой ноге Инессы, высосал из принцессы всю кровь. До последней капельки.

Но проклятая колдунья обманула меня. Да, я стал вечно молодым, но только... в образе

kozy. Тысячу лет я был козой. Меня держали в сарае. Кормили сеном. Все время доили. О, горе мне!.. — И принц Альберт разрыдался.

А Егор, выслушав эту любопытную историю, задумался.

— Знаете, Альберт, — подумав, сказал он, — когда я был бабкой Маней, меня часто преследовало одно смутное воспоминание из ее молодости. Будто я молодая девушка и сплю на роскошной кровати, а по моей правой ноге ползет огромный мохнатый паук...

Принц Альберт побледнел как смерть.

— А была ли у вас, Егор, когда вы были бабкой Маней, родинка на левой щеке?

— Постойте, постойте, — начал припоминать Егор. — Черненькая такая, да?..

— Инесса! — вскричал принц Альберт и упал в обморок.

— Альберт, — прошептал Егор, все вспомнив, и тоже упал в обморок.

Когда принц Альберт очнулся, он первым делом влил в рот Егору компотика, ну то есть колдовского зелья братьев-разбойников. Егор, сделав глоток, помолодел на тысячу лет и... превратился в принцессу Инессу.

Как увидел принц Альберт свою ненаглядную, так снова упал. Но на сей раз не в обморок, а на колени.

— Любимая, прости меня, — молит слезно. — Я больше никогда не буду пить из тебя кровь.

— Ладно уж, прощаю, — махнула рукой принцесса Инесса.

И стали они с тех пор жить в разбойничьем доме. А вокруг шумел густой картофельный лес. Так что картошки у них было хоть отбавляй. Принцесса Инесса ее и варила, и пекла, и жарила, а со временем научилась делать из нее котлеты, вареники, запеканку и даже пирожные.

А принц Альберт все это ел и пальчики облизывал.

Ученый Питер и его мертвая невеста Луиза

Давным-давно жил на свете великий ученый Питер. Он был такой умный, что, когда брал в руки лампочку, она тут же ярко загоралась. А еще у него была невеста — прекрасная девушка по имени Луиза. Они очень любили друг друга и уже собирались пожениться, но как раз в этот момент Питера пригласили на международный симпозиум. И он уехал.

Прошло лето. Наступила осень.

Как-то раз Луиза вышла на улицу без платка, простудилась и заболела. Это случилось в понедельник, а во вторник она умерла. А в среду ее похоронили. Вот так все в жизни и бывает: сегодня ты есть — а завтра тебя нет.

Когда Питер вернулся с симпозиума, на вокзале его встретил хозяин городского кладбища, господин Шульц.

— Вот что я тебе хочу сказать, Питер, — сказал он. — Смерть — гостя каждого. Она не спросит — придет да скосит. Поэтому на земле мертвых всегда больше, чем живых.

Услышав эти слова, Питер сразу понял, что Луиза умерла. Он бросился на кладбище, отыскал там могилу своей любимой и разрылся как младенец. Он рыдал до тех пор, пока не выплакал все слезы. А потом пошел к хозяину кладбища.

— Господин Шульц, — принялся умолять его несчастный Питер, — позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на Луизу.

Хозяин кладбища отложил в сторону арбузную корку, вытер руки о скатерть и сказал:

— Вот что я тебе скажу, Питер: жизнь — это бесконечная череда дней. А смерть — это бесконечный сон без пробуждения. Поэтому бери лопату и следуй за мной.

Взяли они по лопате и пошли на кладбище. Здесь они одновременно вонзили лопаты в уже подмерзающую землю и выкопали черныи гроб... Луиза лежала в гробу в белом платье и была еще прекрасней, чем при жизни.

Бедный Питер опустилсЯ на колени и принялся осыпать лицо любимой горячими поцелуями. Он что есть силы прижался своим огромным лбом ученого к холодному как мрамор лобикy Луизы и... О, чудо... ресницы девушки затрепетали. И она открыла глаза.

Радости Питера не было предела. А господин Шульц, выплюнув арбузную семечку, сказал:

— Вот что я тебе еще хочу сказать, Питер: когда судьба дает — она дает сразу все. Поэтому я пошел обедать.

И он пошел доедать арбуз, который не доел за завтраком.

А вновь обретшие друг друга влюбленные отправились гулять в городской парк. Они катались там на каруселях, бродили по желтой листве, а ближе к вечеру сидели на берегу осенней реки и говорили, говорили, говорили...

Но жизнь так устроена, что после радости всегда приходит горе.

Не прошло и недели, как Луиза поднялась из гроба, и вот она уже впала в какое-то оцепенение. Целыми днями Луиза лежала на кровати и смотрела в потолок. А однажды ночью Питеру приснился кошмарный сон: будто он заживо погребен в ледяной пещере. Когда Питер проснулся, рядом с ним лежала холодная как лед Луиза.

Девушка взяла ледяными пальцами теплую руку возлюбленного и сказала:

— Ты вдохнул в меня свою творческую энергию, Питер. Но мертвый никогда не станет живым. Я — мертвец, любимый мой. И как только твоя энергия иссякнет, меня можно будет смело закапывать в могилу.

— Нет! нет! любимая!.. — вскричал Пи-

тер. — Этого не случится! У меня много творческой энергии, и я буду отдавать ее тебе снова, снова и снова!..

И он отдавал свою энергию снова, снова и снова... И Луиза, в знак благодарности, целовала его мертвыми, но алыми губами. Однако запасы творческой энергии даже у таких гениальных ученых, как Питер, далеко не безграничны. Поэтому с каждым днем он худел и бледнел все больше и больше. А в голове у него теперь вместо смелых и оригинальных идей тяжело ворочались куски размокшей серой ваты.

Как-то раз к Питеру заглянул господин Шульц. И, внимательно посмотрев на него, сказал:

— Вот что я тебе скажу, Питер: кто слишком много думает о других — тот забывает о себе. Луиза замечательная девушка, но она мертвая и ее место на кладбище. Ты же — великий ученый! И должен — должен! — направлять свою творческую энергию на благо живых.

— Нет, — тихо, но твердо ответил Питер. — Истинная любовь всегда шествует рука об руку со смертью. И когда двое по-настоящему любят друг друга, один всегда платит за другого. Жизнью...

— Ну что ж, — покачал головой господин Шульц, — тогда я пойду рыть вторую могилу.

Питер грустно улыбнулся.

— Не трудитесь, господин Шульц. Нам с Луизой вполне хватит одной.

...А вскоре над землей закружились белые метели. Стало холодно и как-то неуютно жить. Питер заботливо укутывал замерзающую Луизу платками, шальями и пледами.

— Закутайся потеплее, любимая, — ласково говорил он, — смертью веет...

И как в воду глядел. В своей роскошной черной карете к дому подъехала леди Смерть. Она усадила Питера и Луизу на черные подушки и повезла туда, где рано или поздно окажется каждый из нас. То есть на кладбище.

— Открывайте ворота, господин Шульц, — закричала леди Смерть. — Я привезла вам двух влюбленных: Питера и Луизу.

— Эх, мадам, мадам, — горько сказал господин Шульц, — если б вы только знали, какой гениальный ученый был Питер. Как много он мог совершить великих открытий...

— Я гостья каждого, — усмехнулась леди Смерть. — И будь это хоть самый разгениальный ученый, хоть последний пьяница, мне абсолютно все равно. Я не выбираю — я беру всех!

Колеса черной кареты загрохотали по булыжной мостовой, поднимая в воздух снежную пыль.

А потом...

Потом пришла весна. И снова запели в лесу птицы, заквакали на болотах лягушки, зажужжали над цветами пчелы... На могиле влюбленных зазеленела травка. Господин Шульц установил в изголовье Питера и Луизы большой

надгробный камень, собственноручно выбив на нем вот такую надпись:

*«Здесь покоятся великий ученый Питер
и его прекрасная возлюбленная Луиза.
Они очень любили друг друга
и умерли в один день».*

Возратясь домой, господин Шульц собрал в дорожную сумку самое необходимое и, переступив порог, навсегда исчез в этом огромном мире.

Легенда о женщине с белыми крыльями

Жил-был военный летчик по фамилии Потапов. Жены у него не было. Поэтому есть он ходил в столовую. А там все время давали кислые щи.

Придет Потапов в понедельник, а ему кислые щи дают. Придет во вторник — опять дают кислые щи.

И в среду...

И в четверг...

И так до следующего понедельника.

А в следующий понедельник снова дают кислые щи.

Так и жил летчик Потапов от понедельника до понедельника. А тут однажды командир полка решил с парашютом прыгнуть. Ну, и Потапов, конечно, с ним.

Сели они в самолет, поднялись высоко в небо, открыли дверцу и выпрыгнули.

Летят в синем небе, болтают между собой. Настроение — отличное!

И вдруг смотрит Потапов: а парашюта-то за спиной у него нет. Забыл в самолете.

«Ну, — думает Потапов, — дела-а-а».

И командир полка заметил, что у Потапова парашюта нет.

— Потапов, — говорит он, — ты что, без парашюта выпрыгнул?

— Так точно, товарищ полковник, — докладывает летчик Потапов, — без парашюта! Забыл в самолете!

— А поесть ты не забываешь? — спрашивает командир полка.

— Никак нет, товарищ полковник, — докладывает летчик Потапов, — поесть не забываю. Регулярно посещаю столовую и ем кислые щи!

— И поспать, наверное, тоже не забываешь? — говорит командир полка.

— И поспать не забываю, — подтверждает Потапов.

— А парашют, стало быть, забыл?!

— Забыл, — кивает летчик Потапов.

— Да, — говорит полковник, — не хотел бы я сейчас оказаться на твоём месте. Хорошо, если ты, к примеру, в речку упадешь или там в озеро. А если на бетонное шоссе шмякнешься... От тебя же одно мокрое место останется!

— Буду надеяться на лучшее! — бодро отвечает летчик Потапов.

— Ну, надейся, — усмехнулся командир полка и дернул за кольцо.

Над его головой раскрылся парашют, и он стал опускаться медленно и плавно.

А Потапов продолжал камнем лететь к земле!

А земля внизу такая красивая, зеленая, ну прямо глаз не оторвать.

Леса стоят. Реки текут. Озера поблескивают.

Летит летчик Потапов.

Мечтает.

Вот бы, думает, действительно, в прохладное озеро упасть, поплавать там в чистой воде, понырять... Или нет, лучше я куда-нибудь в поле упаду, в душистый стог сена. Зароюсь в него с головой. А мимо девица красная будет проходить в синем сарафане. А я как из сена выскочу:

— Здравствуйте, девушка! Разрешите представиться, летчик Потапов! Между прочим, еще не женат!

Мечтает Потапов, а земля все ближе...

... б л и ж е...

... б л и ж е...

И что-то ни озера не видать, ни душистого стога сена, ни тем более девицы в сарафане.

Гробанусь так гробанусь!

И вдруг рядом с ним неизвестно откуда женщина с белыми крыльями появилась. Подхватила она Потапова у самой земли и понесла вверх.

Одно небо пролетели... второе... третье... да все небеса разноцветные... да все переливаются...

«Ух ты! — думает летчик Потапов. — Чудеса-а-а...»

Прилетели они на седьмое небо. Стоит там домик чистенький. Рядом с домиком — садик ухоженный. А внутри домика — печка.

Напекла женщина в этой печке румяных лепешек; молока холодного в глиняную кружку налила; деревянный бочонок с золотистым медом на стол выставила.

— Ешь, пей, — говорит, — Степанушка.

И откуда только имя узнала?..

Ну, Потапова два раза просить не надо. Ест он горячие лепешки, окуная их в густой мед, да холодным молочком запивает...

А рядом женщина с белыми крыльями стоит, покраснелась вся, держит наготове новую порцию лепешек.

«Все-таки я молодец, что без парашюта прыгнул, — сам себя мысленно нахваливает летчик Потапов, — А то бы хлебал сейчас в столовке кислые щи».

Содержание

Кошмарики

Кукла-убийца	7
Данилушка	12
Дядя Леша — человек без головы	16
Черная Дыра по имени Танечка	21
Красный телефон	26
Палач Толик	31
Новая мама	37
Детский сад № 13	41
Злушка	49
Желтый платок	55
Даша и людоед	62
Сантиметровочка	67
Черное молоко	71
Как знаменитый путешественник сэр Джеффри побывал на Том Свете	76
Как я стал мухой	82

Страшилки веселые и грустные

- Как я летал в Малайзию 91
Как Наталья Николаевна съела
поэта Пушкина 98
Как я провел лето 99
Как мы с папой ходили на охоту 102
Как африканский лев преподавал в школе
литературу 105
Как знаменитый путешественник сэр Джеффри
был съеден морским чудовищем 108
Как знаменитый путешественник сэр Джеффри
вместо Парижа попал на планету Жирав 115
Дедушкин портрет 120
Мы все — инопланетяне 124
Загадка природы 128
Земляничкин, чудовище Вя-Вя
и лунная монахиня 131
Спящий мальчик 142
Фантик от конфеты 144
О бедном рыбаке, его дочке Машеньке,
поганом Чудище, майоре Сидорчуке
и съеденной царевне 148

Ужастики про любовь

- Синевласка, или Бензоколонка
у старого кладбища 157
Принц-водолаз 161
Светка-лягушка 165
День рождения Юлии 171
Волшебное стеклышко 178
Дурак Емелин 181
Капелька 184
Маленькая горбунья 190
Сказка о чистой и светлой любви 194
Смотритель Маяка 198
Альберт и Инесса 202
Ученый Питер и его мертвая
невеста Луиза 208
Легенда о женщине
с белыми крыльями 213

Роньшин В. М.

Р71 Синевласка, или Бензоколонка у старого кладбища / В.М. Роньшин. — М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. — 224 с.: ил. (Твой ужастик).

ISBN 5-17-006604-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-00264-0 (ООО «Издательство «Астрель»)

Читателя этой книги ждут потрясающие воображение «кошмарики», веселые и грустные «страшилки» и даже трогательные «ужастики» про любовь. Кровожадные вампиры и коварные колдуны, злоеющие ведьмы и монстры-инопланетяне, мертвые невесты и добровольные палачи, противные перспончатые чудовища и даже кукла-убийца, превращающаяся в учительницу литературы, ведут себя и разговаривают так, что становится и немного страшно, и ужасно смешно одновременно.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 5-17-006604-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-00264-0 (ООО «Издательство «Астрель»)

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

Валерий Михайлович Роньшин
**СИНЕВЛАСКА, ИЛИ БЕНЗОКОЛОНКА
У СТАРОГО КЛАДБИЩА**

Редактор *В. Б. Зинина.*

Корректор *Е. Н. Петрова.*

Оформление, художественное редактирование
и электронная верстка выполнены

дизайн-студией «Дикобраз».

Технический редактор *Т. Тимошина .*

Подписано в печать 18.01.2001.

Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 11,76.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1679.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство Астрель»

Изд. лиц. ЛР № 066647 от 07.06.99

143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81.

ООО «Издательство АСТ»

Изд. лиц. ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

674460, Читинская обл., Агинский р-н,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, 84.

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 5-17-006604-X

9785170066049

ТВОЙ ужастик

Такого еще не было!

Теперь и ты узнаешь,
почему дети всего мира «запали»
на «ужастики»!

Ужасно страшно? Нет!

Страшно весело? Да!

А главное — ужасно интересно!!!

Эти книги можно давать
читать даже мамам!